

КРУГЪ ЗНАНІЯ

С. В.
7/25
А. Е. ПРѢСНЯКОВЪ

МОСКОВСКОЕ
ЦАРСТВО

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

„ОГНИ“

ПЕТРОГРАДЪ

801-15
348

До 1-го сентября 1948 года напечатаны и поступили
въ продажу:

Печатаются и готовятся къ печати:

Акад. С. Θ. Ольденбургъ. Буддизмъ.
Проф. Б. А. Тураевъ. Древній Египетъ.
Проф. Е. В. Спекторскій. Исторія политическихъ системъ.
Акад. Н. Я. Марръ. Христіанскія цивилизаціи Закавказья.
Проф. А. Е. Прѣсняковъ. Русское средневѣковье.
Прив.-доц. П. В. Безобразовъ. Очерки византійской культуры.
Проф. Б. В. Фармаковский. Искусство древняго Востока.
Проф. Е. В. Спекторскій. Протестантство.
Проф. Л. П. Карсавинъ. Культура среднихъ вѣковъ.
Проф. И. М. Гревсъ. Конецъ Римской Имперіи.
Прив.-доц. М. А. Полиевктовъ. Европеизація Россіи при Петрѣ Великомъ.
Проф. Θ. Ф. Зѣлинскій. Древне-греческая литература эпохи независимости.
С. Э. Радловъ. Античный театръ.
Прив.-доц. Б. М. Житковъ. Океаны и моря.
Проф. Н. В. Богоявленскій. Туркестанъ.
В. В. Стратоновъ. Земля, какъ планета.
Проф. Л. С. Бергъ. Исторія географическихъ изслѣдованій.
Н. З. Милюковичъ. Геологическія силы.
Проф. С. А. Жебелевъ. Евангелія апокрифическія и каноническія.
Проф. М. А. Курчинскій. Апостолъ эгоизма — Максъ Штирнеръ и его философія анархіи.

Книга имеет:

Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
					71	20

71 20
1062

ИЗЪ ТОЙ ЖЕ СЕРИИ:

Академикъ В. В. БАРТОЛЬДЪ. КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСТВА.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ. РОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Проф. А. Е. ПРЪСНЯКОВЪ. РУССКОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

Прив.-доц. П. В. БЕЗОБРАЗОВЪ. ОЧЕРКИ ВИЗАНТІЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. Л. П. КАРСАВИНЪ. КУЛЬТУРА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Проф. И. М. ГРЕВСЪ. КОНЕЦЪ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Проф. О. А. ДОБЯШЪ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

Проф. Б. А. ТУРАЕВЪ. ДРЕВНІЙ ЕГИПЕТЪ.

Акад. Н. Я. МАРРЪ. ХРИСТИАНСКІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ЗАКАВКАЗЬЯ.

Прив.-доц. М. А. ПОЛЕВКТОВЪ. ЕВРОПЕИЗАЦІЯ РОССІИ ПРИ ПЕТРЪ
ВЕЛИКОМЪ.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ. ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГЪ РОССІИ.

ИСТОРІЯ

А. Е. ПРЪСНЯКОВЪ

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

ИЗД-ВО
"ОГНИ"

ПЕТРОГРАДЪ
I 9 I 8

Рисунокъ обложки и заглавной страницы исполненъ художникомъ
Д. И. МИТРОХИНЫМЪ.

Въ 1487 году императоръ Фридрихъ III и князя Священной Римской Имперіи съ удивленіемъ слушали на рейхстагѣ въ Нюрнбергѣ докладъ рыцаря Николая Поппеля о далекой Московіи. Императоръ былъ сильно заинтересованъ дѣлами Восточной Европы, въ виду своей борьбы съ широкой династической политикой польскихъ Ягеллоновъ, и для него было пріятной неожиданностью существованіе на Востокѣ сильнаго и независимаго государства, врага польско-литовской Речи Посполитой. Тотъ же Поппель явился въ началѣ 1489 года въ Москву въ качествѣ императорскаго посла съ миссіей втянуть Московію въ габсбургскіе интересы. Ему поручено пригласить великаго князя Ивана III Васильевича къ союзу предложеніемъ почетнаго родства — бракомъ его дочери съ императорскимъ племянникомъ Альбрехтомъ, баденскимъ маркграфомъ, и даже болѣе того — приобщеніемъ Московскаго великаго княженія къ составу Священной Римской Имперіи путемъ пожалованія великому князю королевскаго титула.

Посоль западнаго императора былъ удивленъ, что подобныя предложенія не соблазнили сѣвернаго властителя. Москвичи дали неожиданный и гордый отвѣтъ. „Мы, — было сказано Поппелю отъ имени в. к. Ивана, — Божьей милостью государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ пра-

родителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога, чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ, а поставленія какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ". А затѣмъ грекъ Юрій Траханіотъ, правившій отвѣтное посольство отъ великаго князя къ императору, говорилъ въ томъ же году во Франкфуртѣ по поводу брачнаго проекта, что великому князю не приличествуетъ отдать дочь за маркграфа, такъ какъ онъ великій государь многимъ землямъ, и его предки были искони въ дружбѣ и братствѣ съ прежними римскими императорами, которые Римъ отдали папѣ и царствовали въ Константинополѣ; въ Москвѣ признали бы для великокняжеской дочери подходящей партіей только императорскаго наслѣдника Максимилиана. Передъ западной дипломатіей впервые выступала новая политическая сила, съ которой нельзя было не считаться въ дѣлахъ Восточной Европы, и выступала, притомъ, въ сознаніи своей независимости и своихъ особыхъ интересовъ.

Явленіе это было новинкой не только для имперскаго рейхстага, но и для правительства Имперіи. Послѣднія десятилѣтія XV вѣка—моментъ крупнѣйшаго историческаго значенія въ жизни Восточной Европы. Это время коренной перестройки всего соотношенія ея политическихъ силъ. Москва завершала долгую работу надъ государственнымъ объединеніемъ Великороссіи. Всего за шесть лѣтъ до перваго пріѣзда на Русь рыцаря Поппеля она закрѣпила за собой политическую независимость и стала изъ „улуса“ хановъ Золотой Орды самодержавнымъ (въ первоначальномъ смыслѣ этого слова), сувереннымъ государствомъ. Восемь лѣтъ прошло съ той поры, какъ в. к.

Иванъ III подчинилъ себѣ Великій Новгородъ, и Москва взяла въ свои руки его западныя связи и отношенія, выступила участницей въ борьбѣ за господство на Балтійскомъ морѣ, союзницей Даніи въ защитѣ свободнаго морского пути съ Запада на Востокъ противъ его засоренія владычествомъ шведовъ. Естественный врагъ польско-литовскихъ Ягеллоновъ изъ-за господства надъ западно-русскими областями, московскій великій князь былъ опасной сдержкой для ихъ смѣлой династической политики, направленной на пріобрѣтеніе чешской и венгерской короны и противъ габсбургскихъ притязаній. Въ южныхъ дѣлахъ — распадъ Золотой Орды и начало вѣковой борьбы Московскаго государства съ татарскимъ міромъ—связывали его интересы съ излюбленной мечтой западныхъ политиковъ о наступленіи христіанской Европы на мусульманскій Востокъ для изгнанія турокъ съ Балканскаго полуострова.

Разсказъ о томъ, что рыцарь Поппель открылъ Московію, какъ страну невѣдомую, звучитъ нѣсколько наивной риторикой. На Западѣ и безъ него знали о Московіи, о ея быстрыхъ успѣхахъ, по связи московскихъ дѣлъ съ прибалтійскими и черноморскими отношеніями. Сюда, на дальній сѣверъ, потянулись въ преждевременной надеждѣ на активную помощь греки и балканскіе славяне, разочарованные въ расчетахъ на западно-европейскую поддержку; сюда еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV вѣка обращался венеціанскій сенатъ съ рѣчами о правахъ московскаго государя на византійское наслѣдство, учитывая возможное значеніе русской силы въ борьбѣ съ турками за свободу восточной торговли.

Конечно, Москвѣ было еще не до участія въ широкихъ размахахъ европейской политики. Она еще строила свое государственное зданіе, только заканчивала возведеніе его ка-

питательныхъ стѣнъ, еще замыкалась, по возможности, въ работѣ надъ внутренней его отдѣлкой — укрѣпленіемъ началъ новаго политическаго строя и организаціей своихъ силъ и средствъ. Но, тѣмъ не менѣе, исходъ XV вѣка моментъ крупнаго общеевропейскаго значенія. На европейскую историческую сцену выступила новая держава.

I.

Въ первичной формациі своей Московское государство было политической организаціей Великороссіи. Ядро, легшее въ основу этой организаціи, Ростовско-Суздальская область, выдѣлено географически на картѣ Восточной Европы обширной лѣсной полосой. Занимаетъ она, приблизительно, районъ волжско-окскаго междурѣчья, бассейны Клязьмы, Москвы и средней Волги отъ устьевъ Тверцы до устьевъ Оки. Ветлужскій лѣсъ на востокѣ, лѣса по водораздѣлу между бассейнами Волги и Сѣверной Двины на сѣверѣ, Оковскій лѣсъ, лѣса и болота между Мологой и Шексой на западѣ, а на югѣ лѣсныя пространства, связанныя съ Брынскими и Муромскими лѣсами, очерчивали территорію Ростовско-Суздальской области. Съ юга къ ней примыкали рязанскія и черниговско-сѣверскія волости, съ запада — смоленскія и новгородскія земли; на сѣверѣ тянулись обширныя волости Великаго Новгорода, на востокъ — поселенія финскихъ племенъ. Мѣстная политическая жизнь зародилась тутъ, въ Ростовско-Суздальской землѣ, „низовской“ для Великаго Новгорода, „залѣсской“ для кievскаго юга, со временъ Владиміра Мономаха, когда онъ прислалъ на Ростовское княженіе сына Юрія, прозваннаго Долгорукимъ. Только съ этой поры, съ двадцатыхъ годовъ XII вѣка, даютъ наши старыя лѣтописи кое-какія извѣстія о русскомъ сѣверо-востокѣ. Такое состояніе нашихъ свѣдѣній о древнѣйшихъ временахъ великорусской жизни создало иллюзію, что сама Ростовская земля была еще въ XII вѣкѣ болѣе инородческимъ, чѣмъ русскимъ краемъ, колонизуется заново во времена Юрія

Долгорукаго и его сына Андрея подъ руководствомъ и по почину княжеской власти. На дѣлѣ не трудно замѣтить, при болѣе тщательномъ анализѣ данныхъ сѣвернаго лѣтописанія, такія черты сѣверно-русского быта во времена Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго, которыя свидѣтельствуютъ о значительной сложности общественнаго быта Ростовской области въ XII вѣкѣ. Рядомъ съ кнѣзьями стоитъ вліятельное и зажиточное боярство, а городскіе центры, даже второстепенные, украшаются бѣлокаменными храмами, архитектурныя формы которыхъ и скульптурная отдѣлка составляютъ одну изъ значительнѣйшихъ страницъ исторіи древне-русского искусства. И цѣнность строительнаго матеріала, который приходилось привозить Волгой изъ Камской Болгаріи, и выработка своеобразнаго и художественно-значительнаго стиля указываютъ на такой уровень мѣстныхъ матеріальныхъ и культурныхъ средствъ, который немислимъ въ условіяхъ первоначальной колонизаціи полудикаго края. А сила мѣстнаго землевладѣческаго боярства, которое вызвало на суровую борьбу Андрея Боголюбскаго и сгубило его, а по его смерти властно руководить кровавой усобицей и борьбой претендентовъ на княжескую власть, черта того же уклада общественныхъ и экономическихъ отношеній, какой наблюдаемъ въ ту же пору и въ южной Руси. XII вѣкъ повсюду на Руси время роста боярскаго землевладѣнія, боярскаго вліянія и боярскихъ привилегій. Въ ту пору уже сложились и окрѣпли на великорусскомъ сѣверѣ основы соціального строя, характерныя для него и въ слѣдующія столѣтія.

Къ XII вѣку жизнь русскаго сѣверо-востока была уже достаточно напряженной, чтобы потребовать особаго вниманія княжеской власти. Первые князья осѣдаютъ тутъ не на сыромъ корню мирной колонизаціонной работы, а въ боевой обстановкѣ междоусобицы и международного торговаго пути. Великороссія раскинулась на стародавнемъ транзитномъ Волжскомъ пути, и при первыхъ ея князьяхъ опредѣлился особый кругъ ея внѣшнихъ интересовъ, который, въ значительной мѣрѣ, останется

характернымъ для нея на рядъ столѣтій. Ихъ основная черта — стремленіе обезпечить за собой господство на путяхъ съ Запада на Востокъ, отъ Балтійскаго моря въ Поволжье, и закрѣпить его властью „низовскихъ“ князей надъ Великимъ Новгородомъ, съ одной стороны, а, съ другой, защитой свободы торговыхъ и колонизаціонныхъ путей въ юго-восточномъ и восточномъ направленіяхъ, внизъ по Волгѣ и въ инородческія земли къ Уралу, маневренія промысловыми богатствами.

За жизнь двухъ поколѣній политическій укладъ Великороссіи получить опредѣленную, хотя еще элементарную и слабо снѣянную форму. Великороссія сложилась въ двѣ крупныя политическія системы — Новгородскую и Ростовско-Суздальскую. Ростовская земля пережила во времена Юрія Долгорукаго явленіе, характерное для ранней исторіи Великороссіи — сдвигъ своего политическаго центра изъ Ростова въ Суздаль, какъ при Андрѣ Боголюбскомъ изъ Суздаля во Владиміръ; южная граница, рязанскія и черниговскія отношенія, бассейнъ Оки притягиваютъ къ себѣ дѣятельную княжью силу. При Всеволодѣ III, по прозвищу Большое Гнѣздо, слагается великорусское великое княжество съ центромъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, Владимірѣ Залѣскомъ. При немъ утвердилось значеніе термина „великій князь“, какъ политическаго титула, и очерченъ кругъ его политическаго главенства — предѣлами тогдашней Великороссіи. Всеволоду III удалось привести рязанскихъ князей въ полную отъ себя зависимость (одно время Рязанской землей правили его намѣстники), какъ и князей муромскихъ. Великому князю подвластенъ и Новгородъ, куда онъ посылаетъ княжить сыновей и племянниковъ. У современниковъ его слагается опредѣленное представленіе о единой политической организаціи, которую они называютъ „Великимъ княженіемъ Владимірскимъ и Великаго Новгорода“. Обѣ упомянутыя политическія системы, дѣйствительно, связаны крѣпкими политическими и экономическими узами. Суздальскіе торговые пути были необходимой артеріей новгородской тор-

говли. По нимъ шелъ вывозъ товаровъ изъ Камской Болгаріи, изъ Рязанской земли, изъ самой Суздальщины, и сбытъ западныхъ, частью южныхъ товаровъ въ обмѣнъ: а безъ поводжескаго хлѣба Новгородъ вовсе не могъ прожить. Торговля „безъ рубежа“ со всей Великороссіей была основнымъ условіемъ новгородскаго благосостоянія и сильнымъ орудіемъ „низовской“ княжеской власти для поддержанія зависимости Новгорода отъ Владимірскаго центра. Зато, владимірскіе великіе князья берутъ на себя оборону западныхъ предѣловъ. Торговые города—Новгородъ и Псковъ—не могли обойтись своими силами, безъ великокняжеской поддержки и боевого руководства, въ борьбѣ противъ наступленія шведовъ и ливонскихъ нѣмцевъ. Такъ и на югѣ. Борьба со степными кочевниками и восточно-финскими племенами держала въ постоянномъ напряженіи рязанскія и муромскія силы, и опора въ остальной Великороссіи была для нихъ такой же неизбѣжной необходимостью, какъ и для Новгорода. Такъ интересы экономическихъ отношеній и внѣшней самообороны создаютъ первыя, еще незрѣлыя, формы объединенія Великороссіи подъ главенствомъ одной руководящей политической власти въ раннюю пору великорусской исторіи.

Вопреки обычному, слишкомъ схематическому и внѣшнему, представленію, какое утвердилось въ нашей исторіографіи, дальнѣйшіе процессы великорусской жизни, дробленіе территоріи и власти, образованіе ряда мелкихъ княженій, такъ называемый удѣльно-вотчинный распадъ и, съ другой стороны, работа силъ и тенденцій, объединяющихъ соціально-политическій міръ Великороссіи, развиваются не послѣдовательно смѣняя другъ друга, а параллельно, въ непрерывномъ бorenіи и періодическихъ колебаніяхъ перевѣса то тѣхъ, то другихъ, въ сложномъ сплетеніи, сочетаніи и взаимодействіи. Это процессы внутренней жизни Великорусскаго великаго княжества, моменты и факторы развитія его внутренняго строя.

Для правильнаго ихъ пониманія необходимо имѣть въ виду, что протекали они подъ сильнымъ давленіемъ и въ постоянной

зависимости отъ внѣшнихъ, международныхъ отношеній великорусской національной жизни.

Нашествіе Батия нанесло тяжкій ударъ Владимірскому великому княжеству. Погромъ обрушился, преимущественно, на мѣстности, болѣе заселенныя, на восточную часть ея территоріи, и тревожное татарское сосѣдство, грозныя усмиренія народныхъ волненій, налеты татарскихъ отрядовъ, тягота отъ ханскихъ баскаковъ и сборщиковъ дани не дали этимъ областямъ оправиться во вторую половину XIII вѣка. Населеніе сбилось къ западу, и этотъ сдвигъ обусловилъ на рубежѣ XIII и XIV столѣтій замѣтный подъемъ „молодыхъ“ городовъ Твери и Москвы, съ землями, къ нимъ тянувшимися. Зависимость отъ Золотой Орды легла большой тягостью на восточныя отношенія Великороссіи. Надолго остановлены боевое наступленіе и колонизаціонное движеніе въ юго-восточномъ направленіи; только съ середины XIV столѣтія постепенно и съ трудомъ возрождается поволжская торговля, а съ нею великорусскій напоръ на восточно-финскія земли и дѣятельная борьба съ инородческимъ міромъ. Замираютъ и южно-русскія отношенія Великороссіи. На западѣ—крѣпнеть самостоятельность Великаго Новгорода; свободно хозяйничаетъ вольный городъ въ своихъ сѣверныхъ волостяхъ, не испытывая—на время—утѣсенія своихъ даней и промысловыхъ доходовъ отъ попытокъ великокняжеской власти прибрать ихъ къ своимъ рукамъ.

Ослабленіе этой власти значительно. Рѣзко суженъ кругъ возможныхъ задачъ ея дѣятельности, падаетъ авторитетъ Владимірскаго центра. Послѣдней яркой вспышкой его энергіи была дѣятельность Александра Невскаго—боевая въ оборонѣ западныхъ областей отъ шведовъ и ливонскихъ нѣмцевъ, полная политичной выдержки и осторожной покорности въ отношеніи къ татарамъ. При немъ организуется „татарское иго“: сборъ дани съ русскаго „улуса“, верховная власть хана надъ русскими князьями. Русско-татарскія отношенія входятъ въ нѣкоторую норму, укладываются въ опредѣленное русло. Признаніе власти хана надъ Русью связано съ утвержденіемъ хан-

скими ярлыками княжеской власти, которое дало князьям возможность стать посредниками между Ордой и Русью, взять в свои руки сбор дани и уплату татарского „выхода“, вытеснить непосредственное вмешательство татарских властей в управление русскими областями. В этих новых условиях постепенно возрождается политическая жизнь Великороссии. И снова на очереди вопрос о центре этой жизни, который объединил бы ее силы и интересы. Владимир не оправился от пережитой общей катастрофы. Даже руководство внешними отношениями Великороссии — сношениями с Ордой и обороной границ — ускользает из рук Владимирских великих князей. „Знать Орду“ становится самостоятельным правом отдельных местных правителей. Отношения к враждебным соседям ложатся всею тягостью на пограничные области Великороссии, вызывая их на самостоятельную организацию местных сил и политическую деятельность. Давление этих нужд самообороны создало более крупное значение, среди княжений Северо-восточной Руси, областных „великих княжений“ Тверского, Рязанского, Нижегородского. Между ними словно подлились внешние отношения Великороссии. Тверь берет на себя, ради местных своих интересов, борьбу с Литвой, защиту Новгорода, поддержку западных торговых и культурных сношений. Рязань обороняет свои предель от безпокойного степного соседства, отстаивая для русских поселений южные границы лесной полосы в бассейне верхнего Дона. Восточная окраина Великороссии только к середине XIV в. оправляется от глубокого упадка. Центром ее возрождения стал Нижний Новгород, стянувший к себе обломки прежнего Суздальского княжения, ради борьбы с немирными иноземцами и поволжскими татарами за торговые и колонизационные пути. Но все эти окраинные силы не могли — в своем обособлении — справиться с выпавшими на их долю задачами. Непосильное боевое положение заставляет их оглядываться на области центральной Великороссии, искать в них опоры. Традиции объединения в одном великом княжении живут

с новой яркостью в популярной памяти в. к. Всеволода III и Александра Невского. В самом начале XIV в. тверской князь Михаил Ярославич делает судорожную попытку оживить их реально. Он ищет союза с руководящими общественными силами — митрополичьей кафедрой, нашедшей во Владимире новое убежище, и великокняжеским боярством стольного Владимира, принимает титул „великого князя всея Руси“, пытается захватить власть над главными пунктами Великороссии — Великим Новгородом и Нижним Новгородом, Владимиром, Переяславлем, Костромой. Попытка разбить сопротивление Москвы и Великого Новгорода. Рязань слишком слаба для таких покушений; но она жмет к Северу, к Оке, берега которой долго будут служить главной линией великорусской обороны от южной опасности, пытается удержать опорные пункты и за Окой, но теряет Коломну и другие заокские волости, беспощадно отнятые Москвой. Нижегородские великие князья ищут, подобно тверским, углубления и расширения своей силы в захват великого княжения всея Руси, но их ждет полная неудача. И Тверь, и Рязань, и Нижний только форпосты Великороссии. Организатором ее нового объединения, которое снова связало разрозненные нити великорусских внешних отношений и сплотило заново Великороссию в одно политическое целое, явился Московский князь, ставший, со времен Ивана Калиты, великим князем всея Руси.

Историческая роль Москвы определена, прежде всего, этим ее политико-стратегическим значением. Необходимое боевое напряжение на три фронта усиливало центростремительные тенденции великорусской силы, определяло объединение Великороссии вокруг Москвы и самый характер ее политической организации, построенной на подчинении всех общественных сил и всех средств страны властному, неограниченному распоряжению центрального великокняжеского правительства. Конечно, такой строй властвования был создан длительной и упорной борьбой. Эта борьба за власть над Великороссией нашла в Москве новый центр и опорный пункт, более

крѣпкій и устойчивый, но не даромъ сознавалась московскими князьями, какъ борьба за великокняжескую „старину“, за углубленіе и полное осуществленіе стародавнихъ притязаній старѣйшины — главы всей группы братьевъ-князей русскихъ на патріархальную власть „въ отца мѣсто“. Книжники-лѣтописатели были, по-своему, правы, когда выдвигали Александра Невского или Всеволода III, а въ болѣе далекомъ прошломъ Владиміра Мономаха, какъ предшественниковъ тѣхъ же тенденцій сильной великокняжеской власти.

Но только съ XIV в. и, притомъ, въ предѣлахъ сѣверной Руси, въ этнографически-великорусской области сложились условія, необходимыя для твердой реализаціи политическаго единства. Населеніе сплочено въ этой области сосѣдствомъ враждебныхъ племенъ и организованныхъ боевыхъ силъ, утратило свободу переселенческаго движенія, которое дѣлало, въ колонизаціонномъ процессѣ Восточно-европейской равнины, историческую подпочву старой Руси такой зыбкой, вынуждено къ территориально-политическому самоопредѣленію и къ упорной борьбѣ за „рубежъ“—границы своей территоріи. На западѣ—наступленіе шведовъ на новгородскія волости, ливонскихъ нѣмцевъ на Псковъ, и, главное, Литовско-русскаго государства къ востоку, а на южныхъ и восточныхъ предѣлахъ борьба съ татарами и восточно-финскимъ инородческимъ міромъ держать великорусскія силы въ непрерывномъ напряженіи и постепенно сплачиваютъ ихъ ради самозащиты и достиженія большей свободы торговыхъ, промысловыхъ и колонизаціонныхъ путей, необходимыхъ для обезпеченія основъ народно-хозяйственнаго быта. Послѣ первыхъ вспышекъ еще въ XIII в., со временъ сына Калиты, в. к. Семена Ивановича началась вѣковая борьба Руси съ Литвой, при Дмитріи Донскомъ—борьба съ татарскими царствами; исконная задача великорусской великокняжеской власти—оборона Новгорода и Пскова отъ „нѣмцевъ“—шведовъ и ливонцевъ—требовала ея силы подѣломъ потерять связь съ торговыми городами, которая питала высшіе экономическіе и культурные интересы Великороссіи, а методическое, послѣ-

довательное наступленіе русской колонизаціи на финскій сѣверо-востокъ манило промысловыми выгодами, требуя дѣятельной организующей поддержки.

Эти внѣшнія задачи центральной великорусской власти созданы географическимъ и междуплеменнымъ положеніемъ Великороссіи и опредѣлили ея боевой, властный характеръ. Подъ давленіемъ такихъ условій развивался весь процессъ социально-политической организаціи великорусскаго племени.

II.

Вся русская история есть история колонизируемой страны. То шире распространяясь по свободным землям, то отступая под напором буйных азиатских орд, въ разливахъ и отливахъ колонизаціоннаго движенія занимали восточные славяне пространства обширной Восточно-европейской равнины, перейдя, затѣмъ, и за ея предѣлы въ далекія области Европейско-азиатскаго материка. Политическія достижения восточнаго славянства — основные моменты въ исторіи русской государственности, какъ Кіевская держава или Московское государство, возникали, когда внѣшнія неодолимая препятствія вынуждали населеніе замкнуться въ болѣе или менѣе опредѣленной территоріи, сплотить и организовать свои силы для самообороны, неизбежно переходившей, при успѣхѣ, въ наступленіе по очищеннымъ отъ враждебныхъ сосѣдей путямъ дальнѣйшаго колонизаціоннаго движенія. Въ теченіе долгихъ вѣковъ соотношеніе между количествомъ населенія и размѣрами заселяемаго пространства оставались неблагоприятными для интенсивной хозяйственной и социальной культуры. Недостаточность общественной силы — личныхъ и матеріальныхъ средствъ страны для разрѣшенія очередныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ задачъ русской жизни постоянная, поистинѣ трагическая черта ея историческихъ судебъ. Значительныя историческія достижения покупались поэтому дорогой цѣной крайняго напряженія. Организационныя задачи и цѣли брали, по необходимости, верхъ надъ творческими; вольное развитіе общественной самостоятельности подавлялось служеніемъ всѣхъ силъ и средствъ страны

интересамъ политическаго цѣлаго и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя руководили его устроеніемъ и дѣятельностью. Наряду съ внѣшней напряженностью общаго положенія Великороссіи, ея внутренняя жизнь опредѣлялась элементарностью народно-хозяйственной почвы, на которой строилось социально-политическое зданіе Великорусскаго государства. Въ странѣ, богатой лѣсомъ и водой, на скудномъ суглинкѣ, земледѣльческому населенію приходилось съ большимъ трудомъ отвоевывать у природы участки подъ пашню, разселяться мелкими поселками, выискивая для нихъ удобныя мѣста, разбрасываясь на большихъ разстояніяхъ: крупное значеніе въ его быту лѣсныхъ и водныхъ промысловъ — звѣроловства, рыбныхъ ловель, лѣснаго бортничества усиливало экстенсивность разселенія въ погонѣ за нетронутыми угодами и ухояями. Первобытные приемы хозяйства придавали ему подвижной, неустойчивый характеръ. Легко покидались истощенные участки, легко передвигалось населеніе на новыя земли въ поискахъ болѣе благоприятныхъ условій примѣненія нелегкаго труда. Группы этого населенія, разбѣяннаго по мелкимъ поселкамъ, широко и свободно захватывали обширныя пространства свободной территоріи и, поскольку сохраняли сосѣдскія связи, образовывали большія волости. Малонаселенныя территоріи этихъ волостей были весьма значительнаго объема, но слабо очерчены, слабо организованы. Ихъ грани опредѣлялись крайними пунктами поселенія, по лѣса и земли, невтянутые въ хозяйственную эксплуатацію, оставались подолгу неразмежеванными между сосѣдними волостями — областью вольнаго захвата. Хозяйственный трудъ скользилъ по поверхности страны, растекаясь вширь, овладѣвалъ территоріей неглубоко при господствѣ экстенсивнаго хозяйничанья и разбросаннаго, рѣдкаго заселенія. Колонизаціонное движеніе постепенно, но непрерывно, разбѣивало народную силу, не давая ей окрѣпнуть и сплотиться, пока не встрѣтило внѣшнихъ препятствій, остановившихъ его дальнѣйшее распространеніе. Въ XIII — XV столѣтіяхъ населеніе сѣверной Руси оказалось въ такихъ внѣшнихъ политико-географическихъ усло-

віяхъ, которыя сильно затормозили это движеніе, замкнули его въ опредѣленной — болѣе или менѣе — территоріи. Колонизація приняла иной характеръ, пошла въ глубь занятой области. То и дѣло возникаютъ новые починки и выселки на территоріи большихъ волостей, новые „пути“ и „ухажай“ въ непочатыхъ лѣсныхъ участкахъ. Новыя поселенія откинуты часто на десятки верстъ отъ исходнаго пункта, за лѣсомъ и болотами, и, окрѣпнувъ, раскинувшись въ рядѣ деревень и выселковъ, слагаются въ новую „волостку“, которая затѣмъ можетъ вырасти и въ самостоятельную волость. При иныхъ условіяхъ, поселенія располагались относительно плотнѣе, ближе; волость крѣпла, опредѣлялась въ болѣе людную и болѣе устойчивую единицу. Великорусская крестьянская волость жила своею довольно сложною жизнью. Интересы, связывавшіе группы поселеній въ крупныя волостныя сосѣдскія общины, были отчасти хозяйственного, отчасти (и преимущественно) бытового-административнаго характера. Хозяйство, сельское и промысловое, велось отдѣльными дворами и мелкими поселками при долевомъ и складническомъ владѣніи хозяйственными угодьями, но пользованіе лѣсомъ, пастбищами, занятіе подъ эксплуатацію новыхъ участковъ, возникновеніе новыхъ колонизаціонныхъ пунктовъ вызывали издавна потребность нѣкоторой регламентаціи, которая была дѣломъ волостнаго міра. Волостной староста съ крестьянами былъ органомъ власти этого міра надъ волостной территоріей, вѣдалъ распоряженіе пустошами, лѣсными участками и земельными угодьями, неосвоенными подъ отдѣльныя хозяйства, или покинутыми, запустѣвшими. Отъ волости долженъ былъ получить участокъ новый поселенецъ, чтобы имѣть законное основаніе своему владѣнію; волость и защищала земли своей территоріи отъ стороннихъ захватовъ. Поскольку волость заинтересована въ пополненіи состава своей трудовой и платежной силы, она заботится черезъ выборнаго старосту о привлеченіи поселенцевъ на пустые участки, принимаетъ ихъ на льготу, сдаетъ угодья въ оброкъ. А интересъ этотъ связанъ съ тяглою повинностью, легшей на волостныя

общины. Старинная дань въ пользу князя-правителя окрѣпла, опредѣлилась и стала тяжелѣе въ сочетаніи съ „неминучей данью“ въ Орду и раскладывалась на волости черного, тяглаго крестьянства общей суммой, которую волостная община разверстывала внутри себя „по животамъ и промысламъ“, „по силѣ“ каждого плательщика, собирала ее и выплачивала агентамъ княжеской власти, съ круговой порукой всѣхъ за каждого, имущихъ за неимущаго, хозяйственныхъ „жильцовъ“ — волостчанъ за пустые участки. Въ то же время, волость была, въ значительной мѣрѣ, замкнутомъ въ себѣ самоуправляющимся міркомъ. На ней самой лежала забота объ охранѣ внутренняго мира и порядка, борьба съ преступностью, разрѣшеніе сосѣдскихъ споровъ и столкновеній. Правительственная дѣятельность княжеской администраціи была крайне слабосильна. Князь поручалъ судъ и управленіе намѣстникамъ и волостелямъ, назначаемымъ рѣдко на одну обширную волость, чаще на нѣсколько волостей; и вѣдали намѣстники съ ничтожной силой въ 5 — 6 тиуновъ и доводчиковъ, а то и меньше, окрѣпомъ въ сотни верстъ. До ихъ суда и расправы доходили только важнѣйшія дѣла — объ убійствѣ, разбоѣ, татьбѣ съ поличнымъ, а мелкія, текуція дѣла рѣшались въ волости. Но и въ намѣстничьемъ судѣ велико участіе волости. На волостныхъ крестьянахъ лежитъ обязанность предупрежденія преступленій путемъ выслѣживанія, ареста и выдачи намѣстнику „вѣдомыхъ лихихъ людей“, профессионаловъ разбоя и конокрадства; на нихъ — обыскъ по всякому дѣлу и отвѣтственность за нерозыскъ тяжкаго преступника, состоявшая въ уплатѣ всѣмъ міромъ уголовного штрафа, какой палъ бы на самого виновнаго. А составныя части волости — села и деревни — „тянули“ къ ней и данью, и судомъ. Создавая сами весь слѣдственный и обвинительный матеріалъ, къ тому же, свѣдущіе въ своемъ обычномъ правѣ, въ своей „старинѣ и пошлинѣ“, волостные люди, обычно выборныя волостныя власти, — необходимые участники намѣстничьяго суда въ качествѣ „судныхъ мужей“, безъ которыхъ намѣстникъ не имѣетъ права творить свой судъ. Волостная

община дѣятельна и въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей населенія. Крестьянской общинной силой строятся церкви, подыскивается причтъ, обеспечивается его содержаніе. Приходская жизнь тѣсно сплетена съ волостнымъ бытомъ, какъ и жизнь мелкихъ монастырей, которые иной разъ цѣликомъ въ рукахъ своихъ „вкладчиковъ“ волостныхъ крестьянъ.

При такой значительной и разнообразной самостоятельности волостныхъ общинъ вліяніе и прямое вмѣшательство княжеской власти и ея органовъ въ жизнь народной массы долго остаются поверхностными и внѣшними. Дѣятельность княжого управленія направлена почти исключительно на эксплуатацію народнаго труда ради обезпеченія нужныхъ власти средствъ — путемъ организаціи платежей и повинностей населенія.

Назначеніе намѣстниковъ для управленія частью княжества имѣло, дѣйствительно, основной цѣлью не столько выполненіе правительственныхъ функцій по отношенію къ мѣстной народной жизни, сколько преслѣдовало, отчасти, политическую цѣль — закрѣпить за княжеской властью господство надъ данною областью, и служило, съ другой стороны, способомъ содержанія ближайшихъ слугъ этой власти. На населенія лежала обязанность обезпечить содержаніе намѣстника, его агентовъ, слугъ и семьи доставленіемъ ему достаточныхъ „кормовъ“, и самая должность принимала характеръ „кормленія“, какъ княжескаго пожалованія за службу, тѣмъ болѣе, что обычно намѣстнику давались „прибытки“ долей княжескихъ правительственныхъ сборовъ и пошлинъ. Пожалованіе должностью, какъ доходной статьей, превращало намѣстника въ своего рода откупщика или половника на княжескихъ доходныхъ владѣніяхъ: условливались, что бояринъ, который будетъ волости вѣдать, отдастъ въ княжюю казну „прибытка половину“, а при уходѣ съ должности — получить свое кормленіе „по исправѣ“ (т. е. по расчету) или же обязуется отслужить службу до срока обычныхъ расчетовъ по натуральнымъ доходамъ при осеннемъ завершеніи хозяйственнаго сезона. Повидимому, годичный срокъ былъ нормальной единицей пожалованія кор-

мленіемъ, но могъ быть, конечно, повторно продолженъ съ года на годъ, какъ precarious владѣніе доходами, пока князь не „сведетъ“ боярина съ намѣстничества или тотъ самъ не „сѣдетъ“; установились, позднѣе, своего рода очередь на кормленіе, съ назначеніемъ на него новаго лица, ожидающаго заранѣе намѣченнаго срока, совмѣстное назначеніе 2—3 лицъ на части доходовъ съ должности, предоставленіе кормленія сыну послѣ отца, племяннику послѣ дяди. Черты „хозяйственнаго“ отношенія княжеской власти къ постановкѣ намѣстничьяго управленія типичны для всего строя ея властвованія надъ страной и населеніемъ.

III.

Въ княжеской средѣ и въ общественныхъ кругахъ, примыкавшихъ къ ней, установилось—съ раннихъ временъ Киевской Руси—представленіе о княжествѣ, какъ о семейномъ княжествѣ владѣніи. Древняя Русь не знала иныхъ князей, кромѣ владѣтельныхъ; каждый княжичъ имѣлъ притязаніе на „часть въ Русской землѣ“, а ближайшимъ образомъ на долю во владѣніяхъ отца, въ томъ, что было для него вотчиной и дѣдиной. Навстрѣчу этимъ возрѣніямъ княжого права шли, съ одной стороны, слабая централизованность жизни и областныхъ интересовъ, тяга каждого сколько-нибудь значительнаго городского центра и его области къ обособленію подъ управленіемъ своего князя, и, съ другой, стремленіе князей, стоявшихъ во главѣ политической жизни всей страны—„старѣйшихъ во всей братѣ князьяхъ русскихъ“—„держать“ областныя земли, посылая туда младшихъ братьевъ, сыновей и племянниковъ на княженіе. Политическое единство пытались они удержать и укрѣпить патриархальной властью отца надъ сыновьями, а затѣмъ князя „старѣйшины“, который долженъ быть „въ отца мѣсто“ всѣмъ остальнымъ князьямъ. Развитие мѣстной областной жизни и вотчинныя притязанія младшихъ поколѣній многолюднаго княжескаго рода разбили это единство, когда ослабло и пришло въ упадокъ значеніе Киева, какъ центра торговыхъ и политическихъ интересовъ древней Руси.

Обособившись отъ Киевскаго юга, Великороссія устроила свое Владимірское великое княжество по той же системѣ мѣстныхъ княженій, объединенныхъ подъ властью великаго князя.

Но въ XII и XIII столѣтіяхъ по всей Руси выяснилось безсиліе „старѣйшаго“ или, какъ его титулуютъ на сѣверѣ, „великаго“ князя удержать патриархальный характеръ за властью „въ отца мѣсто“. Онъ признается только „братомъ старѣйшимъ“ въ политической терминологіи эпохи, и младшіе князья рѣшительно настаиваютъ на „братскомъ“ равенствѣ князей, которыхъ великій князь долженъ держать не „подручниками“, а „братъей молодшей“, т. е. не обращаться къ нимъ съ повелѣніями, признавать самостоятельность ихъ княжескихъ правъ и княжеской власти, а общія дѣла рѣшать по совѣщанію и соглашенію съ ними („по думѣ“ или „по сгадцѣ“). Въ ту пору вліятельныя общественныя силы были противъ усиленія великокняжеской власти. Попытка Андрея Боголюбскаго сломить самостоятельность младшихъ князей и держать въ рукахъ боярство закончилась его гибелью подъ ударомъ боярскаго заговора; его братъ, Всеволодъ III, поднялъ значеніе своей власти въ борьбѣ съ князьями-родичами и боярствомъ, явился организаторомъ Владимірскаго великаго княженія, но—недаромъ его прозвали „Большое Гнѣздо“—его сыновья и внуки пошли по старымъ, киевскимъ путямъ междукняжескихъ отношеній. Татарское нашествіе и владычество Золотой Орды на время подорвали и подавили ранніе зачатки болѣе интенсивной организаціи Великороссіи, и послѣ смерти Александра Невскаго значеніе и сила Владимірскаго великаго княженія ослаблены и расшатаны давленіемъ ханской власти и рядомъ усобицъ за обладаніе великокняжеской властью, за и противъ ея усиленія. Ко времени, когда—въ тридцатыхъ годахъ XIV вѣка—эта борьба переходитъ въ послѣдовательное „возвышеніе Москвы“, взявшей на себя задачу постепеннаго усиленія центральной великорусской власти и объединенія сѣверной Руси въ борьбѣ на три боевыхъ фронта, опредѣлился сложный укладъ политической карты Великороссіи. Великокняжеской власти непосредственно подчинены только Владимірскій центръ съ его небольшою областью и семейная вотчина московскихъ князей. Тѣсно примыкаютъ къ великому

княжеству, сведенные на положение „подручников“ еще при Иванѣ Калитѣ и Семенѣ Гордомъ, владѣтельные князья ростовскіе, бѣлозерскіе, стародубскіе, галицкіе и др.; они почти вовсе утратили характеръ участниковъ въ политической жизни страны, но „княжатъ и володѣютъ“ на своихъ вотчинныхъ княженіяхъ, сохраняя независимость управленія своими мелкими территориями. Отказавшись поневолѣ отъ болѣе широкихъ политическихъ стремленій, они погружены въ мѣстные владѣльческіе интересы, ихъ княжая власть получаетъ характеръ землевладѣльческой вотчинной юрисдикціи и расправы, а владѣнія дробятся отъ поколѣнія къ поколѣнію на мелкіе участки, изъ которыхъ иные не крупнѣе большой боярской вотчины. Но по окраинамъ Великороссіи сложились въ связи съ болѣе широтой интересовъ и кругозора, въ боевыхъ и мирныхъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ странамъ политическія формаціи болѣе крупнаго калибра и менѣе зависимыя отъ Владимірскаго центра: великія княжества Тверское, Рязанское, Нижегородское со своими „великими князьями“ и князьями младшими, со своей борьбой за великокняжескую мѣстную власть и ея усиленіе, а на сѣверо-западѣ „народоправства“ Великаго Новгорода и Пскова, автономныя во внутреннихъ дѣлахъ, хотя и признающія своимъ княземъ великаго князя всея Руси. У всѣхъ у нихъ своя политика и своя боевая сила, которая то ищетъ опоры въ великорусскомъ великомъ княженіи, хотя бы цѣной усиленнаго подчиненія в. к. Владимірскому, то противостоитъ ему въ защитѣ мѣстной независимости, хотя бы цѣной иноземнаго союза и вассальной зависимости отъ литовскаго сосѣда или даже усиленныхъ и нелегкихъ связей съ татарской властью.

Въ тѣхъ напряженныхъ международныхъ условіяхъ, въ какихъ протекала историческая жизнь Великороссіи въ XIV и XV столѣтіяхъ, главной задачей великокняжеской власти, главнымъ основаніемъ ея стремленій къ усиленію и притязаній на господство было объединеніе въ распоряженіи одного центра боевыхъ силъ страны и ея матеріальныхъ средствъ на

организацію самообороны и борьбы за свободу внѣшнихъ путей, необходимыхъ для развитія народнохозяйственной жизни. Сплотить внутреннія силы страны и взять въ свои руки все нити ея внѣшнихъ отношеній—неизмѣнная тенденція договоровъ, которыми великіе князья устанавливали свои отношенія къ остальнымъ владѣтельнымъ князьямъ. Но въ этомъ историческомъ дѣлѣ они связаны не только противодействіемъ болѣе сильныхъ изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, а также и не менѣе — строемъ семейно-вотчинныхъ отношеній своего московскаго княжескаго дома. Опорный пунктъ всей ихъ дѣятельности, Московское княжество было семейной вотчиной князей Даниловичей. По смерти отца—главой семьи оставалась вдовствующая княгиня-мать, изъ чьей воли сыновья не должны выходить, въ томъ числѣ и тотъ старшій, кто былъ великимъ княземъ всея Руси. Владѣли князья-братья общимъ вотчиннымъ наслѣдіемъ по удѣламъ, какъ имъ отецъ въ своей духовной грамотѣ „раздѣлъ учинилъ“. Въ принципѣ доли братьевъ должны были быть приблизительно равны, хотя это равенство на Москвѣ неизбѣжно, отчасти, нарушалось въ пользу старшаго тѣмъ, что уже при сыновьяхъ Калиты выяснилась политическая необходимость сохранить въ его владѣніи наиболѣе важныя (прежде всего—въ военномъ отношеніи) пункты какъ Коломну или Можайскъ, да еще тѣмъ, что братья уступали старшему, князю великому, „на старѣйшій путь“ лишекъ въ доходныхъ статьяхъ дворцоваго хозяйства и московскихъ городскихъ сборахъ. Раздѣлъ общей вотчины на удѣлы не разбивалъ княжества на обособленныя части. Владѣніе по удѣламъ было владѣніемъ долями общаго наслѣдства, которое не разрывало ихъ правовой связи съ цѣлымъ. Удѣлы были наслѣдственны, переходили къ вдовѣ и сыновьямъ удѣльнаго князя, но ему не принадлежало право завѣщательнаго распоряженія выморочнымъ удѣломъ, въ случаѣ безнаслѣдной смерти. Такой удѣлъ долженъ былъ вернуться въ общее семейное владѣніе и идти въ раздѣлъ между остальными братьями, производимый вдовствующей княгиней—

матерью или старшим братомъ по соглашенію съ младшими, если матери нѣтъ въ живыхъ. Возможенъ былъ, по удѣльному праву, частичный передѣлъ долей—по усмотрѣнію той же семейной власти—для пополненія утраты, какую потерпѣть по какой-либо причинѣ владѣнія одного изъ князей, чтобы возстановить пропорціональное отношеніе ихъ объема. Правила, судили и рядили князья по своимъ удѣламъ вполне самостоятельно, но въ общихъ дѣлахъ княжества должны были дѣйствовать сообща, по „думѣ“ и „сгадцѣ“.

Основные черты удѣльнаго владѣнія общимъ вотчиннымъ княжествомъ повторяютъ порядки крестьянскаго долевого землевладѣнія, съ которымъ раздѣляютъ и черту значительной неустойчивости, такъ какъ держались обычно только между князьями-братьями, а въ третьемъ поколѣніи наступалъ распадъ на обособленныя вотчины, выходившія изъ удѣльныхъ связей. Распадъ этотъ и развивался безпрепятственно вездѣ, гдѣ не было ему противодѣйствія въ потребности сохранять объединеніе силъ ради политической борьбы и вообще болѣе широкихъ политическихъ задачъ. И Московское княжество пережило нѣкоторые моменты этого удѣльно-вотчиннаго процесса. При сыновьяхъ Калиты—владѣніе по удѣламъ съ сохраненіемъ единства боевыхъ силъ и финансового управленія; при его внукахъ и правнукахъ уже различаютъ двѣ вотчины (московско-коломенскую и серпуховскую), единство распоряженія военной силой смѣняется договорнымъ союзомъ для совмѣстныхъ дѣйствій, нарастаетъ раздѣльность управленія тяглыми людьми и сбора дани по мѣстнымъ княженіямъ, а поступленіе дани въ великокняжескую казну обусловлено только необходимостью уплачивать „выходъ“ хану. Однако, развитіе грозившаго и этому княжеству вотчиннаго распада пресѣчено вліяніемъ на московскія отношенія того обстоятельства, что старшій изъ князей московскаго дома былъ, въ то же время, великимъ княземъ всея Руси, и внутреннія московскія дѣла ставились въ тѣсную зависимость отъ его великокняжеской политики и силы. Интересамъ этой политики

подчиненъ и самый выдѣлъ удѣловъ: важнѣйшій изъ нихъ, Коломенскій, долженъ, по опредѣленію Дмитрія Донскаго, всегда принадлежать тому князю, кто займетъ столъ великаго княженія. Рядомъ договорныхъ соглашеній поддержано единство во внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ дѣйствіяхъ, въ сосредоточеніи собранной дани къ одной казнѣ. Тѣмъ не менѣе, семейно-вотчинныя традиціи сильно связывали великокняжескую власть; зависимость отъ нихъ противорѣчила основнымъ тенденціямъ ея политики, ея стремленію къ единой державѣ. Съ особой остротой выступило это противорѣчіе нараставшихъ новыхъ условий политической жизни и традиціоннаго княжого владѣльческаго права съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій Донской положилъ въ своей духовной грамотѣ основаніе распространенію своего вотчиннаго права на всю территорію Владимірскаго великаго княжества. Ребромъ сталъ вопросъ, станетъ ли великое княжество, станутъ ли всѣ „примыслы“ и захваты великокняжеской власти, какими она увеличивала территорію своего непосредственнаго господства, объектомъ семейно-вотчиннаго владѣнія по удѣламъ? Возрѣнія эпохи склоняли къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ, и младшіе князья не разъ предъявляли притязанія на то, чтобы князь великій дѣлился съ ними новыми пріобрѣтеніями. Дмитрій Донской сдѣлалъ уступку этимъ традиціоннымъ возрѣніямъ, назначивъ младшимъ сыновьямъ, кромѣ удѣловъ въ московской вотчинѣ, также надѣлы изъ великокняжескихъ владѣній, и между его сыновьями возникли серіозныя разногласія изъ за владѣльческихъ отношеній, которыя быстро разрослись въ цѣлый кризисъ междукняжескихъ отношеній вообще, въ борьбу по вопросу о преемствѣ въ великокняжеской власти, о взаимныхъ отношеніяхъ между великимъ княземъ и его родными и болѣе дальними братьями-князьями.

Великокняжеская власть могла стать крупной политической силой, только вырвавшись изъ путъ семейно-вотчиннаго обычнаго права. Она идетъ къ своей цѣли путемъ фактическаго его нарушенія и переходитъ, по мѣрѣ успѣха, къ прин-

ципальному его отрицанию. Въ рукахъ великаго князя значительный перевѣсъ силы надъ младшими князьями; онъ владѣть сверхъ удѣла въ московской вотчинѣ—территоріей великаго княженія, распоряжается и силами мелкихъ владѣтельныхъ князей, которыхъ рано свелъ на положеніе князей „служебныхъ“. Его преобладаніе не могло, въ концѣ концовъ, не сломить семейно-владѣльческаго строя московской семьи. И великіе князья настойчиво проводятъ подчиненіе порядковъ удѣльнаго владѣнія своей верховной волѣ. Собственное вотчинное право младшихъ князей должно уступить мѣсто ихъ надѣленію по волѣ великаго князя, по его „пожалованію“. Распоряженіе всей территоріей должно быть сосредоточено въ его рукахъ. Выморочный удѣлъ переходитъ въ его распоряженіе безъ всякаго раздѣла. Онъ „государь“ для членовъ своей семьи (въ томъ числѣ и для вдовствующей княгини-матери). Такая новая постановка великокняжеской власти достигнута постепенно рядомъ ударовъ по старому обычно-правовому укладу. Преемники Дмитрія Донскаго идутъ рѣшительно по этому пути разрушенія прежнихъ семейныхъ отношеній: захватываютъ выморочные удѣлы, не дѣлясь съ братьями, измѣняютъ составъ ихъ владѣній путемъ принудительнаго обмѣна волостями, надѣляютъ ихъ по своему пожалованію „въ удѣлъ и въ вотчину“ и требуютъ отъ нихъ отказа отъ самостоятельной политической роли и полного подчиненія во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ распоряженіи боевой силой, въ раскладкѣ сбора дани. Тотъ же образъ дѣйствій примѣняютъ къ вотчиннымъ княженіямъ мелкихъ владѣтельныхъ князей на территоріи Владимірскаго великаго княжества. Великіе князья добиваются отъ нихъ отказа въ свою пользу отъ вотчинныхъ правъ, сперва съ сохраненіемъ пожизненнаго владѣнія и уступкой посмертнаго преемства за то или иное вознагражденіе (таковы еще пресловутыя „купи“ Ивана Калиты), позднѣе въ иной формѣ: владѣтельный князь отступается великому князю отъ своей вотчины, а тотъ его жалуетъ его же вотчиной, иногда съ добавочнымъ надѣломъ, иногда съ урѣзкой.

Передъ кончиной князя-вотчинника подобныя мнимо-добровольныя сдѣлки иногда закрѣплялись подтвержденіемъ въ духовной грамотѣ, что его вотчина — князю великому, съ просьбой о поминаніи души и ликвидаціи долговыхъ обязательствъ; такіа духовныя грамоты дали поводъ нашей историографіи говорить о правѣ князей на предсмертное завѣщательное распоряженіе вотчиннымъ или удѣльнымъ княжествомъ и о правѣ его отчужденія въ „частноправовомъ“ порядкѣ. На дѣлѣ тутъ только своеобразныя формы ликвидаціи удѣльно-вотчиннаго права, дѣйствія, вынужденныя засильемъ великокняжеской власти, и сами такіа грамоты не только писаны подъ московскую диктовку, но иной разъ и прямо отредактированы дьяками великаго князя. Эта ломка старины не прошла безъ тяжкихъ смутъ. Она сокрушала не только обычноправовыя устои внѣшняго положенія младшихъ князей. Глубоко потрясала она основныя бытовыя традиціи, моральныя связи братскаго „одиначества“ князей, ихъ „крестоцѣловальнаго докончанія“, самихъ семейныхъ отношеній, тотъ нравственный фундаментъ извѣстной „старины и пошрины“, которымъ такъ дорожило русское средневѣковье. Жестокая смута въ дни Василія Темнаго съ ея драматичными подробностями—ослѣпленіями захваченныхъ соперниковъ, отравленіемъ неукротимаго врага, предательствами, частымъ нарушеніемъ крестныхъ цѣлованій, кровавой расправой со слугами противника, жадной погоней за „вотчинами недруговъ“—была временемъ болѣзненнаго перелома изжитой, но еще упорной традиціи. Въ суровыхъ пріемахъ ликвидаціи этой смуты великокняжеской властью впервые повѣялъ надъ Великороссіей духъ „грознаго“ царя, воплощенный въ дѣятели питомца этихъ лѣтъ Ивана III, его сына Василія и завершителя ихъ дѣлъ Ивана Грознаго. На развалинахъ традиціоннаго строя отношеній, освященнаго вѣковыми навыками моральныхъ и правовыхъ воззрѣній, выросла единая власть „государя-князя великаго“ и перестраивала ихъ заново „на всей его волѣ“. Основой своихъ притязаній она выдвигала патріархально-

вотчинное властвование надъ всей территоріей великаго княженія, воплощая по-своему стародавнюю традицію старѣйшины среди русскихъ князей „въ отца мѣсто“ съ небывалой полнотой—до крайней степени, до представленія о великомъ князѣ, какъ „государѣ надъ всѣми государями Русской земли“, самодержавномъ въ своемъ абсолютизмѣ, въ своей свободѣ отъ всякихъ традиціонныхъ нормъ, кромѣ одной—своей владѣльческой воли.

Иванъ III закончилъ эту ломку стараго удѣльно-вотчиннаго порядка упраздненіемъ былой самостоятельности крупнѣйшихъ областныхъ политическихъ единицъ и обратилъ всю Велико-россію въ свое вотчинное государство. Нѣкоторая незаконченность этого фактическаго объединенія власти въ полномъ единодержавіи—сохраненіе внѣшней выдохшейся формы самостоятельной политической жизни Рязани и Пскова, формально уничтоженной только Василиемъ III,—не нарушала сознанія достигнутой полноты самодержавнаго вотчиннаго властвованія. Иванъ III далъ этому сознанію рѣзкое выраженіе въ своемъ отношеніи къ вопросу о преемствѣ на столѣ великаго княженія. Слѣдуя примѣру отца, который пріобщилъ его къ своей власти, какъ соправителя, еще въ раннемъ отрочествѣ, и образцамъ византійской практики, в. к. Иванъ объявилъ, рядомъ съ собой, великимъ княземъ своего первенца Ивана молодого. Но ранняя кончина Ивана Ивановича и вторая женитьба его отца поставили московскій великокняжескій дворъ передъ сложной проблемой. Младшій великій князь оставилъ сына Дмитрія, который—въ духѣ византійскихъ понятій—былъ „порфиророднымъ“. Дѣдъ, въ согласіи съ ближними боярами, призналъ его наслѣдье и запечатлѣлъ это признаніе торжественнымъ обрядомъ церковнаго помазанія и поставленія на великое княженіе. Но происки второй его жены, византійской царевны Софіи Ѳоминичны, и борьба придворныхъ партій измѣнили его намѣренія въ пользу сына отъ второго брака—Василія, но началъ онъ съ полумѣры—объявилъ и его „государемъ великимъ княземъ“ и далъ ему Новгородъ и Псковъ въ „великое

княженіе“. Псковичи, встревоженные перспективой раздѣла и смуты, рѣшились обратиться къ великимъ князьямъ Ивану и Дмитрію съ челобитиемъ, чтобы тѣ не дѣлили своего государства, а были бы и для Пскова государемъ тотъ, кто князь великій на Москвѣ. Отвѣтъ они получили суровый и характерный. Иванъ III гнѣвно заявилъ, что воленъ въ своемъ внуку и въ своихъ дѣтяхъ, а также въ своихъ владѣніяхъ: кому захочетъ, тому и дать княженіе; а года черезъ два наложилъ опалу на внука и посадилъ сына, также съ церковнымъ обрядомъ, самодержцемъ на великое княженіе Владимірское и Московское. Объединенныя подъ его единодержавной властью территоріи, столь недавно политически-автономныя, еще не слиты въ политическомъ представленіи о единой государственной территоріи. Терминологія грамотъ в. к. Ивана III колеблется въ обозначеніи комплекса его владѣній. Понятіе о великомъ княженіи то суживается до предѣловъ московско-владимірской области („Московского государства“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, по обычному разумѣнію XVI вѣка), то обнимаетъ и Новгородскій край; болѣе широкое опредѣленіе достигается употребленіемъ термина—„всѣ великія княженія“. Только утвержденіе царскаго титула даетъ выходъ изъ этихъ колебаній въ формулѣ: „всѣ государства Московскаго царствія“. Вся вотчинная власть стянута къ одному центру. Единодержавный ея носитель воплощаетъ это единство и могъ бы сказать, въ полномъ согласіи съ политическимъ правосознаніемъ своего времени: „государство—это я“.

IV.

Борьба за единое государство вела к сосредоточению во руках одной правящей власти распоряжения всеми силами страны. Оно стало неизбежной необходимостью по мере нарастания внешних опасностей, усложнения международных боевых отношений Великороссии, усиления ее порывов к выходу из вынужденной замкнутости в границах, слишком тесных для ее экономического быта и колонизационных стремлений народной массы. Однако, собиравшие власть из состояния ее удельно-вотчинного раздробления само по себе не давало еще великому князю достаточной мощи. Оно было только необходимым предварительным условием большой и сложной организационной работы. Весь строй княжеского владения лежал слишком поверхностно на народной жизни, не проникая в ее толщу, не овладевая ее силами, не находя пути к их усиленной организации и эксплуатации для „государева дела“. Экономические потребности княжеской власти и управления удовлетворялись, в удельно-вотчинный период, прежде всего — собственным дворцовым хозяйством князя; содержание боевой и административной силы — кормлениями и развитием крупного боярского землевладения. Налоговый сбор — „дань неминуемая“ — поглощался татарским „выходом“ и иными „татарскими проторями“. Другие княжеские „пошлины“ — сборы с торгового оборота — мытные, таможенные, были незначительны и малы. Такой уклад удельно-вотчинных финансов придавал княжескому владению

землевладельческий характер. Дворцовое хозяйство князя получило значительное развитие и тесно сплеталось с элементарными задачами и функциями управления. Как везде в тот исторический период, который условно называют „средневековым“, и на Руси в XIII—XV веках князь-вотчинник был не только правителем, но и владельцем своего княжества. Проявления его владения — столь принципиально и существенно различны для нашего социального и правового мышления, как землевладельческие права и права политической власти, хозяйство и юрисдикция — сплетались в не дифференцированное единство правомочий княжеской власти. Историки часто называют этот своеобразный строй отношений, условно и по существу неправильно, „смешением“ частного и государственного права; может быть, точнее было бы говорить о первичном синкретизме социально-политических функций властвующей силы. В нем — источник свободного дробления правительственной власти и ее вотчинного, феодального характера.

Княжеское хозяйство получило, в крупных княжествах, сложное устройство. В порядке управления оно делилось на „пути“ — на ряд особых ведомств. Во главе дворцовых слуг и всей дворцовой челяди стоял дворецкий, который заведывал всем сельским хозяйством князя, его пахотными землями и населением дворцовых сел — крестьянами и „деловыми людьми“ через своих агентов, посельских и ключников и крестьянских выборных старост. К ловчему пути принадлежали княжеские охотничьи и звероловные угодья, псарни и бобровники; к сокольничему — сокольники; к конюшему — луга, пастбища и штаты конюхов; чашничий путь был ведомством княжеского пчеловодства и бортных ухаживателей с их княжескими бортниками; стольничий — дворцовыми рыболовными угодьями, садами и огородами, и селами рыболовов, садовников, огородников и „всех крестьян стольничего пути“. Каждый такой „путь“ имел свою территорию, разбросанную по всему княжеству, и свое подвластное население; каждый

быть не только хозяйственнымъ, но и судебно-административнымъ округомъ; его управители — „путные бояре“ вѣдали этимъ населеніемъ по всеѣмъ дѣламъ. Но значеніе ихъ выходило и за предѣлы дворцовыхъ земель, такъ какъ касалось не только дворцовыхъ крестьянъ и „дѣловыхъ“ людей. Въ вѣдѣніи „путной“ администраціи были и повинности, которыми къ дворцовому хозяйству тянуло населеніе, стоящее внѣ его системы. Эти повинности подходятъ подъ общее представленіе о трудовой помощи путному хозяйству окрестнаго населенія: въ косѣбѣ сѣна на государевыхъ лугахъ, выходѣ на облаву („въ ловы ходити“) и на рыбную ловлю, въ кормѣ коней на своемъ пастбищѣ (право князя „кони ставити“), дачѣ кормовъ княжой охотѣ при ея проѣздѣ на государево ловчее дѣло и т. п.; эти повинности иногда, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, замѣнялись натуральнымъ и денежнымъ сборомъ (закосное, луговое, язовое и т. п.).

Рядомъ съ этой административной системой, выросшей изъ дворцоваго хозяйства, и чрезполосно съ ней сложилось управленіе намѣстниковъ и волостелей — кормленщиковъ, которые вѣдаютъ судомъ и расправой, сборомъ доходовъ и повинностями городовъ, пригородныхъ становъ и черныхъ тяглыхъ волостей. Но особо отъ обѣихъ системъ — дворцоваго и намѣстничьяго управленія — стоитъ третья категория населенныхъ земель — крупное вотчинное землевладѣніе.

Обладателями земельныхъ вотчинъ были тѣ общественныя группы, которыя служили главной опорой княжеской, особенно же великокняжеской власти — бояре и духовенство. Русскаго князя XIII—XV вв. также нельзя себѣ представить внѣ боярскаго окруженія, какъ древне-русскаго безъ дружины. Въ связяхъ съ боярствомъ главный источникъ его собственной общественной силы. И первый шагъ великокняжеской власти къ прочному усилению, къ собиранію власти надъ Великороссіей состоятъ въ собираніи вокругъ себя наиболѣе значительныхъ боярскихъ силъ. Великокняжеское боярство Владимірскаго великаго княженія, сплоченное вокругъ великокняжескаго

двора и митрополичей каѳедры, было тѣмъ общественнымъ слоемъ, который всего острѣе ощущалъ тягость отъ упадка объединенія великорусскихъ силъ, вѣчныхъ усобицъ, постоянныхъ неудачъ и чрезмѣрнаго напряженія въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Носителемъ объединительныхъ тенденцій и сторонникомъ усиленія великокняжескаго центра его сдѣлали какъ реальные боярскіе интересы — стремленіе къ социальному властвованію и матеріальнымъ выгодамъ съ опорой своего положенія въ тѣсномъ союзѣ съ правящей властью, — такъ и неотдѣлимые отъ этихъ интересовъ привычныя имъ навыки правительственной заботы о благѣ Русской земли, какъ они его понимали. Въ началѣ XIV вѣка порывъ Михаила тверскаго къ осуществленію „великаго княженія всея Руси“ былъ созданъ великокняжескимъ боярствомъ, которое пыталось въ немъ найти себѣ главу и вождя; неудача Михаила и отливъ этого боярства въ Москву, къ которой потянула и митрополія, обусловили рѣшительный успѣхъ московскаго князя, въ которомъ боярство нашло искомый центръ объединенія великорусскихъ боевыхъ и правящихъ силъ. И Москва растетъ въ борьбѣ съ соперниками, лишаетъ ихъ живой силы тѣмъ, что стягиваетъ къ себѣ многочисленное боярство, поощряя его „отѣздъ“ изъ другихъ княжествъ на свою службу и закрѣпляя за собой эту боярскую службу пожалованіемъ доходныхъ кормленій и крупныхъ вотчинъ.

Жалуя боярамъ города и волости въ кормленіе, великій князь не расточалъ своей власти и своихъ доходовъ. Это было для него единственный доступный способъ закрѣпить за собой политическое господство надъ обширной территоріей, за невозможностью втянуть всю массу земель и населенія въ путное, дворцовое управленіе, которое было, по тогдашнему укладу жизни, единственной системой непосредственнаго управленія княжой власти и непосредственнаго извлеченія повинностей и доходовъ изъ княжескихъ владѣній. И онъ передаетъ полномочія власти для выполненія неизбѣжнаго минимума правительственной дѣятельности на мѣстахъ намѣстникамъ ради

обеспеченія себѣ боярской службы, части областныхъ доходовъ и господства надъ данной частью территоріи и населенія.

Въ каждомъ политически-организованномъ обществѣ, въ любой странѣ, выработавшей хотя бы самую элементарную правительственную систему, имѣются отношенія, такъ сказать—нити властвованія, которыя надо держать въ рукѣ, чтобы подлинно господствовать надъ ея живой силой. Такимъ неизбежнымъ органомъ власти было для средневѣковой Руси — боярство. Историческій обликъ этого класса—двуликій. Боярство—необходимый элементъ княжого властвованія, какъ руководящая и дѣятельная сила въ организаціи войскъ и на ратномъ полѣ, въ управленіи и юрисдикціи. Древняя Русь не знаетъ иного боярства, кромѣ княжескаго, служилаго. Историческій преемникъ старшей дружины („боярь думающихъ“, по выраженію „Слова о полку Игоревѣ“), боярскій классъ составляетъ высшій слой княжескаго двора, т. е. совокупности личныхъ служилыхъ силъ, стянутыхъ въ распоряженіе княжеской власти. Сосредоточеніе по мѣрѣ возвышенія Москвы все большей массы этихъ силъ къ великокняжескому двору вызвало усложненіе ихъ состава и опредѣленную его разслойку. Подобно древней дружинѣ, дѣятельный элементъ великокняжескаго двора — его вольные слуги. Они поступаютъ во дворъ великаго князя путемъ челобиты въ службу, а великій князь ихъ принимаетъ въ службу съ общаніемъ печаловаться объ ихъ интересахъ и кормить ихъ по службѣ. Устанавливается вольная, личная связь. Ее естественно подводятъ подъ понятіе договора, хотя намъ неизвѣстны какія-либо формально-договорныя ея опредѣленія. Вольная служба держалась на взаимной связи интересовъ, на моральномъ понятіи „вѣрности“, на обязательствѣ „добра хотѣть во всемъ“, а „лиха не замышлять“; конкретно выражалась она въ служеніи боевомъ, въ походахъ и въ городской осадѣ (защитѣ укрѣпленій) и политическомъ—въ совѣтѣ и дѣлахъ управленія. Вольная служба могла быть и прервана путемъ „отказа“ отъ нея и „отъѣзда“ отъ одного князя къ другому.

Съ XIV вѣка можно прослѣдить въ документахъ нарожденіе все болѣе опредѣленной терминологіи для обозначенія разныхъ разрядовъ вольныхъ слугъ. Слово „дворяне“, означавшее слугъ княжого двора, прикрѣплено къ рядовой и низшей ихъ массѣ; подвѣдомственные боярину-дворецкому они „слуги подъ дворекимъ“; въ ихъ составѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше лицъ боярскаго происхожденія, „дѣтей боярскихъ“, и этотъ терминъ получаетъ устойчивое значеніе второстепеннаго, средняго слоя вольныхъ слугъ, не только въ столичной великокняжеской дворовой службѣ, но и „по городамъ“ — въ уѣздахъ, гдѣ потомуки прежняго удѣльнаго боярства остались въ положеніи мелкихъ и средней руки мѣстныхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Слово „бояре“ приобрѣло болѣе специальное отношеніе къ высшему слою вольныхъ слугъ, въ отличіе отъ западной Руси, гдѣ за этимъ высшимъ слоемъ утвердился заимствованный съ польскаго терминъ „паны“, а „боярами“ остались тѣ, кто въ Великороссіи именуется „дѣтьми боярскими“, т. е. „бояре меньшіе“, въ отличіе отъ „большихъ“ или „нарочитыхъ“.

Верхи великорусскаго боярства получаютъ, въ ту же пору, наименованіе „боярь введенныхъ“. Попытку такихъ авторитетныхъ историковъ, какъ С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій, выяснить этотъ терминъ его опредѣленіемъ по должностному положенію этого боярства нельзя признать удачной. Конечно, мы встрѣчаемъ введенныхъ боярь на видныхъ должностяхъ центрального и областного управленія—управителями дворцовыхъ путей и намѣстниками-градодержцами—но не назначеніе на должность дѣлало боярина „введеннымъ“. Вѣрнѣе сказать, что великій князь, окружая себя боярами введенными, поручалъ („приказывалъ“) имъ выполненіе тѣхъ или иныхъ правительственныхъ функций—судъ и управленіе, воеводство, намѣстничество и завѣдываніе своимъ дворцомъ, казной или „путями“ своего хозяйства. Самое понятіе „введеннаго“ боярства, означенное столь искусственнымъ терминомъ, создано своеобразной эволюціей отношеній, которая сдвинула смыслъ слова „бояринъ“: бытовой терминъ сталъ примѣняться

къ служилому положенію высшей группы личнаго состава великокняжескаго двора. Это положеніе выдѣляло боярина изъ боярскихъ рядовъ, тѣмъ болѣе изъ рядовъ вольныхъ слугъ вообще. Въ чемъ состоялъ „вводъ“ наши источники не поясняютъ; они даютъ только прилагательное „введенный“. Но едва ли будетъ натяжкой представить себѣ этотъ вводъ или это введеніе тождественнымъ, по существу, съ позднѣйшимъ „сказываніемъ“ боярства молодому боярину, обрядомъ, который дѣлалъ его „думнымъ“ бояриномъ великаго князя. Выдѣленіе изъ боярства группы введенныхъ бояръ надо представлять себѣ явленіемъ, аналогичнымъ позднѣйшему выдѣленію изъ состава „думнаго“ боярства болѣе тѣсной группы бояръ „ближнихъ“ и „комнатныхъ“, ближайшихъ со- вѣтниковъ и сотрудниковъ великокняжеской власти.

Введенные бояре составили кругъ совѣтниковъ князя; имъ онъ довѣрялъ въ свое мѣсто существенныя функціи суда и управленія. Терминъ оказался недолговѣчнымъ; онъ уступаетъ понятію о „думныхъ“ боярахъ, въ составѣ которыхъ повторилась затѣмъ сходная эволюція выдѣленія ближнихъ къ власти верховъ. Остальное боярство занимаетъ второстепенныя должности —путныя и иныя, и, поскольку не достигаетъ приобщенія къ „думной“ средѣ, тонетъ въ рядовой вольной службѣ, сходитъ на уровень дѣтей боярскихъ, дворянъ великаго князя.

Но боярство не только служилый классъ. Опорой его служило положеніе былъ его собственный социальный вѣсъ, какъ, съ другой стороны, вліятельное служилое положеніе питаетъ, углубляетъ и развиваетъ социальныя преимущества и землевладѣльческую мощь боярства. Боярское землевладѣніе, болѣе или менѣе крупное, возникло въ раннюю эпоху Кіевского періода; съ XI в. имѣемъ извѣстія о боярскихъ селахъ, гдѣ хозяйство ведется трудомъ невольной челяди либо полусвободныхъ закуповъ. Съ раннихъ поръ, по водвореніи на Руси монастырскихъ учреждений и церковной іерархіи, развивается и растетъ церковное землевладѣніе, которое сложилось на

Руси не по канонической формѣ владѣній всей церкви, какъ цѣльнаго учрежденія, а по вотчинному типу владѣній отдѣльныхъ монастырей, митрополій, епископскихъ кафедръ, церковей соборныхъ и приходскихъ. Это придавало церковнымъ земельнымъ имѣніямъ характеръ „боярщинъ“—земельныхъ вотчинъ, тождественныхъ по объему и составу правъ владѣльца съ боярскими. Рядомъ съ ними наиболѣе крупными землевладѣльцами были сами князья, съ древнѣйшихъ временъ развивавшіе собственное земледѣльческое и промысловое хозяйство. Сила вотчиннаго землевладѣнія была въ обладаніи средствами производства—трудовой силой холоповъ, скотомъ, запасами зерна „на сѣмена и ѣмена“, возможностью оборудовать новыя хозяйства. Организующее руководство колонизаціей порожнихъ земель, подъемъ новинъ, постановка хозяйства на пустошахъ—область широкой дѣятельности для богатыхъ владѣльцевъ. Первоначальный источникъ этого богатства—нехозяйственный: захватъ плѣнныхъ на войнѣ, дѣлежъ дани между княземъ и его дружиной, а затѣмъ—торговля такъ добытыми товарами, доставившая князьямъ и княжамъ боярамъ руководящую роль въ древнѣйшей кіевской торговлѣ. Княжому землевладѣнію служило и властное положеніе князя. На его земли тянулись элементы населенія, вышедшіе, по тѣмъ или инымъ причинамъ, изъ привычной житейской коліи: холопы, выкупившіеся изъ холопства, вольноотпущенники, всякаго рода „изгон“ и свободные смерды-крестьяне, невыдержавшіе трудныхъ условій самостоятельнаго хозяйства въ своей волостной средѣ. Весь этотъ людъ шелъ на княжескія земли не только въ поискахъ опредѣленнаго хозяйственнаго положенія, но и за покровительствомъ, сильной защитой властнаго владѣльца. Тѣ же мотивы вели этотъ людъ и на земли церковныхъ властей, и на монастырскія, въ составъ которыхъ переходили изъ княжого владѣнія населенныя имѣнія путемъ пожалованія. Къ исходу кіевского періода во всѣхъ областяхъ Руси замѣтенъ сильный подъемъ боярскихъ привилегій и боярскаго землевладѣнія, которое складывается по тому

же типу, какъ княжое и церковное. Землевладѣльческая вотчина, церковная или свѣтская, становится замкнутымъ въ себѣ міркомъ, экономическая характеристика котораго въ соединеніи крупнаго владѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ, а соціально-политическая въ значительномъ развитіи вотчиннаго управленія, судебно-административной власти владѣльца надъ всѣмъ населеніемъ его земли.

Экономическое и административно-политическое значеніе вотчиннаго землевладѣнія растетъ и крѣпнетъ въ сѣверной Руси въ теченіе слѣдующихъ столѣтій. Роль монастырскаго и боярскаго землевладѣнія весьма значительна въ нарастающемъ процессѣ внутренней колонизаціи Великороссіи. Это землевладѣніе врѣзывается клиномъ въ волостныя территоріи, то подымая новину на земельной займкѣ въ неразмежованныхъ пустошахъ, то захватывая земли и угодья, которыя волость „извѣка“ считала своими. На первыхъ порахъ такіе захваты часто и не вызывали возраженій со стороны волостныхъ общинъ. Но, разрастаясь и умножая свои починки и новыя деревни, вотчинное землевладѣніе постепенно все болѣе утѣсняло развитіе, всегда болѣе медленное, волостного хозяйства, крестьянское пользованіе угодьями и новинами. И кромѣ земельного захвата, наступленіе вотчины на волость принимало инныя формы—скупки у отдѣльныхъ членовъ волости разработанныхъ („жилыхъ“) участковъ богатымъ сосѣдомъ, перехода на его землю части волостного населенія ради „помоги“, „ссуды“ и покровительственной защиты. Теряя и земли, и угодья, и живую силу, крестьянская волость, стона болѣе слабая какъ экономически, такъ и соціально, пыталась найти защиту въ обращеніи ко княжеской власти съ жалобами на то, что „деревни и пустоши волостные разываютъ бояре, митрополиты и монастыри за себя“ и что расходятся за бояръ и за монастыри и за иныхъ владѣльцевъ волостные „жилыцы“, бросая свои участки „въ пустѣ“ и тѣмъ ослабляя трудовую, и стало быть и платежную силу волости.

Но вотчинное землевладѣніе имѣло слишкомъ большое

значеніе для самой княжеской власти, чтобы она могла стать на сторону волости въ этомъ конфликтѣ. „Боярщина, по выраженію Н. П. Павлова-Сильванскаго, дѣйствительно, была институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія“. Развитіе вотчиннаго землевладѣнія съ присущей ему вотчинной властью стало существеннымъ моментомъ въ организаціи боевой силы и хозяйственныхъ средствъ княжества рядомъ съ путнымъ-дворцовымъ и намѣстичьимъ управленіемъ. Боярство и духовенство двѣ живыхъ и вліятельныхъ опоры великокняжеской власти, могли особенно разсчитывать на ея заботу своихъ интересахъ, объ укрѣпленіи ихъ соціальной силы. А въ то же время—дать имъ опору въ своей власти значило для великаго князя усилить свои связи съ руководящимъ общественнымъ слоємъ и свое вліяніе на него. Обѣ эти задачи великокняжеской власти опредѣляютъ существо политики жалованныхъ грамотъ.

Духовные и свѣтскіе вотчинники находятъ правовое основаніе для своихъ земельныхъ захватовъ за счетъ волостныхъ общинъ въ великокняжескихъ пожалованіяхъ. Великій князь (а по мѣстнымъ княженіямъ такова же практика другихъ князей) выдаетъ духовному учрежденію или своему боярину жалованную грамоту съ разрѣшеніемъ произвести займку въ той или иной волостной околицѣ, пользоваться мѣстными угодьями, занять подъ свое хозяйство запустѣлыя волостныя участки, пріобрѣсти покупкой волостную деревню или новину, разработанную поселенцемъ на волостной территоріи, и т. п., запрещая, притомъ, старостѣ и крестьянамъ чинить какое-либо припятствіе. Нерѣдко такія жалованныя грамоты получались для утвержденія осуществленныхъ на дѣлѣ займокъ и пріобрѣтеній. И въ случаѣ попытки спора народное обычное право неизмѣнно отступаетъ передъ вотчиннымъ правомъ жалованныхъ грамотъ. Жалуя право на займки, княжія грамоты разрѣшаютъ и колонизацію пустошей призывомъ поселенцевъ, преимущественно „изъ иныхъ княженій“, съ оговоркой—не сминать мѣстныхъ волостныхъ тяглыхъ

людей; но практика была шире этих стѣсненій, и „тутошніе люди“ продолжали притекать на вотчинныя земли. Тщетно пыталась княжеская власть бороться съ расхищеніемъ тяглыхъ земель и людей; въ договорахъ XIV вѣка князья уговаривались не покупать земель, обложенныхъ данью, и не отвлекать съ нихъ крестьянъ въ свою службу, тѣмъ болѣе ставили преграду такимъ дѣйствіямъ вотчинныхъ владѣльцевъ. Но жизнь и эти попытки обезсилила.

Какъ ни ревниво относились князья къ своимъ правамъ и доходамъ, великокняжеская власть развивала свои пожалованія, нуждаясь въ боярской силѣ и раздавала боярамъ дворцовыя имѣнія не только въ кормленіе, но и въ вотчину, а также населенныя земли съ тяглыми волостными крестьянами. Но эта послѣдняя практика развернулась во всю ширь только позднѣе — въ XVI и началѣ XVII вѣковъ, съ развитіемъ помѣстной системы. Однако, отдѣльные примѣры пожалованія населенной земли монастырямъ и служилымъ князьямъ встрѣчаются въ раннюю пору (первый примѣръ относится къ 1130 году — жалованная грамота князей Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода новгородскому Юрьевскому монастырю на волость Буйцы) и имѣютъ характеръ отчужденія не земельного владѣнія, но княжескихъ правъ и доходовъ въ данной волости, поскольку, впрочемъ, такое различіе возможно при данномъ укладѣ отношеній.

Колонизуя занятая земли, крупные вотчинники заселяли ихъ свободными поселенцами, кто имъ билъ челомъ во крестьянство. На вотчинной землѣ эти свободные элементы сходились съ исконной несвободной и полусвободной рабочей силой вотчиннаго землевладѣнія. Ихъ объединяла не только общая хозяйственная организация, но и общее подчиненіе вотчинной власти. Великокняжескія жалованныя грамоты утверждаютъ право владѣльца на вотчинный судъ и расправу, освобождаютъ населеніе вотчины отъ подчиненія органамъ намѣстничьяго суда и управленія (такъ называемыя невѣзжія и несудимыя грамоты). Вопреки довольно распространенному мнѣнію, надо

признать установленнымъ, что эти грамоты не создавали новыхъ правъ и привилегій, а, согласно заключенію, какое высказалъ еще К. А. Неволинъ, только подтверждали тотъ порядокъ, который существовалъ самъ собой и по общему правилу съ древнѣйшихъ временъ. Однако, формулировка этихъ старыхъ правъ и ихъ опредѣленіе въ жалованныхъ грамотахъ ставила ихъ на новое основаніе и въ новыя условія. Признаніе, что для прочной дѣйствительности правъ нужно пожалованіе отъ княжеской власти, дѣлало ихъ производными отъ княжой воли, какъ источника всякаго признаннаго права; средневѣковое понятіе пожалованія вело и съ другой стороны къ установленію зависимости этихъ правъ отъ княжой воли: пожалованіе налагало обязанность вѣрности и могло быть обусловлено опредѣленными требованіями. Великокняжеская власть использовала практику выдачи жалованныхъ грамотъ для проведенія въ жизнь возрѣнія, что права грамотчиковъ подчинены ея верховной волѣ, а обычный порядокъ возобновленія грамотъ при каждой смѣнѣ правителей, съ одной стороны, и вотчинниковъ, съ другой, — для постепеннаго пересмотра грамотъ по ихъ содержанію, съ общей тенденціей къ органиченію предоставленныхъ грамотчикамъ льготъ и привилегій. Такъ жалованныя грамоты, давая крупнымъ землевладѣльцамъ опору по отношенію къ другимъ группамъ населенія, ставили, въ то же время, вотчинную власть въ подчиненную зависимость отъ власти великаго князя, дѣлали ее изъ самодовлѣющей — делегированной путемъ милостиваго пожалованія.

Вся эта эволюція отношеній направлена къ разрѣшенію кореннаго противорѣчія между вотчинной властью князя надъ всей территоріей его княженія и вотчинными же правами крупныхъ землевладѣльцевъ. Весь строй этихъ правъ былъ настолько близокъ къ княжескому властвованію надъ территоріей и населеніемъ, что связь боярщины съ княжествомъ, казалось, держится только на личной вольной службѣ ея владѣльца князю. Право отказа отъ этой службы и отъѣзда съ нея грозило, поэтому, нарушеніемъ цѣлости самой территоріи княжества. Въ

наших источников мало свидетельств о томъ, что русское средневѣковье знало „отъѣзды съ вотчинами“, не только служилыхъ князей, но и вольныхъ слугъ; это потому, что наши источники относятся, преимущественно, къ Московскому княжеству и къ эпохѣ быстрого усиленія великокняжеской власти. Отъѣздъ съ вотчинами былъ рано подавленъ, и великимъ князьямъ оставалось лишь устранить ихъ запоздалые пережитки въ великорусскихъ политическихъ захолустьяхъ, постепенно входившихъ въ его прямое управленіе, гдѣ дольше держалась изжитая старина. Въ тѣхъ документахъ, по которымъ мы изучаемъ эти отношенія, органическая связь вольной службы съ вольнымъ вотчиннымъ землевладѣніемъ уже порвана: бояринъ-отъѣзчикъ можетъ служить другому князю, сохраняя вотчинныя владѣнія по мѣсту прежней службы, но его вотчины „тянутъ судомъ и данью по землѣ и по водѣ“, т. е. не выходятъ изъ политическаго состава территоріи покинутого князя, и самъ бояринъ обязанъ въ случаѣ вражескаго нападенія лично и съ людьми своими явиться на ея защиту. Боярская служба врастаетъ въ землю, крѣпнута ея связи съ территориальнымъ господствомъ княжеской власти.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ договоры между князьями озабочены закрѣпленіемъ боярской службы за княжествами. Великіе князья проводятъ въ нихъ, по мѣрѣ возможности, подчиненіе всей воинской силы мобилизаціи и военному командованію по мѣсту землевладѣнія, а не личной службы; подчиняютъ своему контролю боевую службу бояръ младшихъ князей, входившихъ въ составъ территоріи великаго княжества, добиваются права карать уклоняющихся отъ нея.

Связь службы съ землевладѣніемъ была основой всего строя средневѣкового военного дѣла. Служилые князья и бояре приводили въ великокняжеское войско отряды вооруженныхъ людей, набранныхъ изъ населенія ихъ вотчинъ. Личный отъѣздъ боярина съ княжеской службы не могъ и не долженъ былъ сопровождаться отливомъ вотчинной ратной силы. На почвѣ связи службы съ землей должно было разрастись постепенное подавле-

ніе права свободнаго отъѣзда. Оно съ необходимостью вытекало изъ отрицанія отъѣзда съ вотчинами. Правда, междукняжескіе договоры долго продолжаютъ гарантировать право личнаго отъѣзда вольныхъ слугъ; но эти формулы, несомнѣнно, пережили, какъ и многое въ договорныхъ грамотахъ, живое значеніе соотвѣтственныхъ явленій. Пережитки личнаго отъѣзда считались терпимыми между дружественными и родственными князьями, между великимъ княземъ и его младшей родней, но основная масса вольныхъ слугъ рано его утратила путемъ договорнаго отрицанія отъѣзда „слугъ подъ дворскимъ“, т. е. всего личнаго состава княжого двора; проведено въ договорахъ и отрицаніе отъѣзда съ вотчинами крупнѣйшихъ владѣльцевъ — служилыхъ князей: для нихъ отъѣздъ вырождается въ бѣгство за рубежъ съ утратой всѣхъ правъ и связей. Скудость нашихъ историческихъ источниковъ не даетъ полной картины упадка права отъѣзда, этой гарантіи вольной службы. Но упадокъ этотъ является законченнымъ во времена Ивана III. Тѣ „записи о неотъѣздѣ“, которымъ историки обычно придаютъ столь рѣшительное значеніе въ этомъ вопросѣ, — явленіе исключительное. При Иванѣ III такая запись взята съ князя Данила Дмитриевича Холмскаго въ 1474 г., когда его родной братъ Михаилъ еще сидѣлъ на своемъ тверскомъ удѣлѣ; при Василіи III записи взяты съ плѣнника — литовскаго воеводы князя Константина Острожскаго, съ князя Василія Шуйскаго, князей Бѣльскихъ, Ивана Воротынскаго, Михаила Глинскаго, двухъ князей Шуйскихъ, Ивана и Андрея, и съ Федора Мстиславскаго — все недавнихъ слугъ великокняжеской власти. Этими „записями“ ликвидируются послѣдніе проблески идеи свободнаго отъѣзда; эти „укрѣпленные грамоты“, обязываютъ служилыхъ князей къ безвыходной пожизненной вѣрной службѣ въ рядахъ московскаго боярства, въ составѣ великокняжескаго двора. И московское боярство — титулованное и нетитулованное — принимаетъ ихъ въ свою среду групповой порукой за ихъ будущую вѣрность своему государю. Записи эти только и понятны на фонѣ представленія объ общемъ закрѣпленіи

боярства на великокняжеской службѣ, съ которымъ въ противорѣчіи стояли попытки новыхъ пришлыхъ магнатовъ считать себя, по старинѣ, вольными слугами.

Во второй половинѣ XV вѣка вотчинное землевладѣніе и вольная служба склоняются передъ вотчиннымъ единодержавіемъ государя великаго князя. Бояре, дѣти боярскіе и дворяне великаго князя одинаково „невольные“ его слуги, и эта смѣна основныхъ началъ политическаго строя осмысливается въ общественномъ сознаніи эпохи не какъ смѣна вольной личной службы состояніемъ обязательнаго подданства государственной власти, а какъ переходъ ея въ личную зависимость, полную и безусловную, которую и стали въ XVI вѣкѣ означать, называя всѣхъ служилыхъ людей „государевыми холопами“. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, дважды — въ 1517 и въ 1526 году — пріѣзжавшій въ Москву посломъ отъ императора Максимилиана, былъ пораженъ державнымъ самовластіемъ в. к. Василія III. „Властью, которую онъ примѣняетъ по отношенію къ своимъ подданнымъ“, — такъ записалъ Герберштейнъ свои впечатлѣнія въ „Запискахъ о Московитскихъ дѣлахъ“, — „онъ легко превосходитъ всѣхъ монарховъ всего міра; и докончилъ онъ также то, что началъ его отецъ, а именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтельныхъ лицъ всѣ ихъ города и укрѣпленія: всѣхъ одинаково гнететъ онъ жестокимъ рабствомъ, такъ что, если онъ прикажетъ кому нибудь быть при его дворѣ или итти на войну, или править какое-нибудь посольство, тотъ вынужденъ исполнять все это на свой счетъ; онъ примѣняетъ свою власть къ духовнымъ такъ же, какъ и къ мірянамъ, распоряжаясь безпрепятственно и по своей волѣ жизнью и имуществомъ всѣхъ“.

Вотчинное самодержавіе выступило передъ наблюдателемъ-иностранцемъ въ первой четверти XVI вѣка вполне сложившимся явленіемъ. Собираніе княжеской власти, связанной обычнорасовыми отношеніями, не только объединило ее въ московскомъ единодержавіи, но высвободило ее изъ путъ „старинны и пошлины“ на полный просторъ самодержавнаго властвованія.

Государь князь великій распоряжается „по своей волѣ“ личными силами и матеріальными средствами всего населенія, „жизнью и имуществомъ“ всѣхъ. Эта полнота власти легла въ основу большой организаціонной работы, какая выполнена правительствомъ Московскаго государства въ XVI столѣтіи.

Въ эпоху господства вольной службы связь между княземъ и его боярами была столь же личной, основанной на чело-битьѣ въ службу и приѣмѣ въ союзъ княжого покровительства, какъ въ древне-русскихъ дружинныхъ отношеніяхъ. Князіе мужи древней Руси обособлены отъ массы населенія въ отдѣльную соціальную группу подъ властью и опекой своего князя. Онѣ ихъ защитникъ, караетъ преступленія противъ ихъ жизни и личной неприкосновенности повышенной карой, ему они подсудны помимо судовъ обычнаго права, въ немъ источникъ ихъ матеріальнаго содержанія и обезпеченія. Эти стародавнія отношенія въ дальнѣйшей эволюціи опредѣлили особое положеніе боярства передъ княжеской властью. Личная служба вела къ личному подчиненію. Въ пору процвѣтанія вольной службы это личное отношеніе къ княжеской власти носило характеръ привилегіи. Крупные землевладѣльцы какъ служилые, такъ и духовные, изъяты изъ подчиненія органамъ княжеской администраціи; они со всѣмъ населеніемъ своихъ вотчинъ подвластны только самому князю и подсудны только центральному княжескому суду. Жалованныя грамоты закрѣпляютъ за вотчиннымъ землевладѣніемъ характеръ княжого пожалованія, опредѣляютъ объемъ и составъ правъ и привилегій вотчинника. Это грамоты льготныя. Онѣ даютъ вотчиннѣ льготу въ уплатѣ дани и всякихъ пошлинъ, усиливая колонизаціонную мощь крупнаго землевладѣнія. Но среди великокняжескихъ грамотъ рѣдки тарханы, т. е. грамоты, дающія полную финансовую льготу; повидимому, такія грамоты—явленіе

сравнительно исключительное, и давались только особо-влиятельнымъ и выдающимся духовнымъ учрежденіямъ. Обычный типъ пожалованія — срочная и неполная льгота. Неполной льгота бывала въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, она обнимала не все трудовое населеніе вотчины, а только ново-приходцевъ, или давала имъ, по крайней мѣрѣ, болѣе обширную льготу, чѣмъ основному населенію вотчины — ея старожильцамъ; съ другой стороны, льгота не исключала обязанности вотчины нести „дань неминуемую“, свою долю сбора на ордынскій „выходъ“ и другія татарскія „протори“; а давалась льгота на срокъ въ 5 — 10 лѣтъ, съ тѣмъ, что по истеченіи этого срока льготные поселенцы потянутъ повинностями вмѣстѣ со старожильцами — „по силѣ“, т. е. въ мѣру платежной способности, опредѣляемой при разверсткѣ сбора „по животамъ и промысламъ“ между крестьянами данной вотчины общей наложенной на нее суммы. Такъ жалованныя грамоты опредѣляютъ не только права и льготы, но, тѣмъ самымъ, и повинности вотчины.

Постепенное объединеніе власти надъ Великороссіей въ рукахъ московскаго великаго князя стянуло къ московскому центру всѣ великорусскія боярскія силы. Москва для всего боярства не только служилое и административное, но и бытовое средоточіе. Личные слуги великаго князя входятъ въ составъ его двора и, внѣ моментовъ служебной дѣятельности на воеводствахъ и намѣстничествахъ или въ посольскихъ посылкахъ, живутъ въ Москвѣ, подъ рукою у великаго князя. Это землевладѣльческая аристократія насквозь служилая, связанная всѣми основными своими житейскими интересами съ дѣятельностью правительственной власти. Крушеніе боярской вольности было подготовлено такимъ правительственнымъ значеніемъ боярскаго класса и только укрѣпило его тѣсную связь съ великокняжескимъ дворомъ.

Великій князь, по старому, держитъ землю съ боярами своими и формально, какъ съ личнымъ составомъ верховъ своей правительственной организаціи, и реально, опираясь на

социальную силу крупного землевладения. Сохраняя в боярстве организующую силу своего властвования, великий князь проводить в жизнь полное подчинение всего боярского класса своей государственной воле настойчивыми и часто крутыми мерами. Отношения складывались на-двое, противоречиво и были чреваты рядом упорных и гневных конфликтов.

Объединение боярства всей Великороссии при дворе великого князя создало сильный количественный рост этого высшего слоя великокняжеских слуг, но, в то же время, глубоко повлияло и на изменение его социального состава. Его исконное ядро — старое боярство московского двора устояло в основном своем личном составе. К нему примкнули, прежде всего, служилые князья, сошедшие в боярское положение после утраты последних остатков прежней политической самостоятельности. Но из прежнего боярства местных политических единиц — великих и удельных князей или новгородского народоправства — только удачливые верхи вошли в состав высшего столичного класса; остальные, большинство — „захудали“ в рядах провинциального служилого люда, у себя ли на родном корню, или перекинутые суровой великокняжеской волей на новые места службы и землевладения. В. О. Ключевский дает приблизительный подсчет, по которому выходит, что в XVI веке на 200 боярских фамилий едва ли наберется 40, которые восходят к старому московскому боярству начала XV в., а если считать по лицам — на 200 бояр придется около 70-ти нетитулованных. Такому преобладанию титулованного боярства, так называемых княжат, В. О. Ключевский придавал решающее значение в истории отношений между боярством и царской властью, поясняя боярские притязания на видное и влиятельное участие в правительственной деятельности традиционными навыками к власти потомков вотчинного князя: „предание власти не прервалось, а преобразилось: власть эта стала теперь собирательной, сословной и общественной, перестав быть одиночной, личной и местной“. В основе правительственной роли бояр-

ства в Московском государстве лежит, стало быть, „непрерывность правительственного предания, шедшего из уделов“. Эта эффектная формула, однако, не уяснила, а только прикрыла более глубокое существо изучаемых исторических отношений. Тот же образ „государя над всеми государями Русской земли“ тешил в свое время воображение молодого царя Ивана Грозного, который писал шведскому королю: „наши бояре и наместники извечных прирощенных великих государей деды и внучата, а иные ордынских царей деды, а иные польской короны и великого княжества Литовского братья, а иные великих княжеств тверского, рязанского и суздальского и иных великих государств прирощенцы и внучата, а не простые люди“. Невидно, чтобы при дворе московских самодержцев чуждыми опасностям в политической притязательности, порождаемой памятью о княжеском происхождении знатнейшего боярства. Корни тех боярских притязаний, с какими подлинно пришлось считаться власти московских государей, старше и глубже, что, кстати сказать, выяснил сам В. О. Ключевский в одной из глав своей „Боярской Думы“.

Вся правительственная деятельность великого князя издавна протекала в определенных, привычных формах. Характернейшая среди этих обычных форм княжеской деятельности и решение вопросов уставных и административных: осуществление личного княжеского суда в боярском совете. Владимир Мономах в своем „Поучении детям“ внес в расписание обычного княжеского дня постоянный момент: „сиди думати с дружиною или люди оправливати“ и уставы свои вырабатывал, созывая на совет свою дружину. Практика эта держится устойчиво через ряд столетий, крепнет и развивается. Иван III законодательствует в той же обстановке, в которой Мономах создал свой „устав о речах“: Судебник 1497 года „уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с бояры“; а в Судебник Ивана Грозного читаем о новых узаконениях:

„а которые будутъ дѣла новые, а въ семь судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семь судебникѣ приписывать“. По образованіи обширнаго великорусскаго государства великіе князья использовали стародавній обычный пріемъ для организаціи своего центральнаго, высшаго управленія. Они вели его при постоянномъ участіи „боярской думы“, созывая въ одну изъ палатъ своего дворца, то „всѣхъ бояръ“, то отдѣльныя ихъ группы, когда обсужденію подлежали либо спеціальныя вопросы, либо болѣе интимныя, „тайныя“ дѣла политики, когда требовалось отнестись съ нѣкоторою осторожностью къ тому, кого призвать на такую „думу“. Обычны были и совѣщанія съ митрополитомъ и окружавшимъ его „освященнымъ соборомъ“ епископовъ и игуменовъ, расширенныя по составу соединенныя собранія князей, бояръ и духовенства, и, наконецъ, въ случаяхъ особой важности, созывъ со всего княженія бояръ-кормленщиковъ и даже второстепенныхъ служилыхъ людей, опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Такъ Иванъ III въ 1471 году выяснилъ планъ большого похода на Новгородъ въ многочисленномъ собраніи, куда призваны всѣ епископы, князья, бояре, воеводы и „всѣ вои“, носители боевой силы великаго княженія.

Всѣ этотъ служилый людъ, къ которому примыкали и „государевы богомольцы“, могъ и долженъ былъ чувствовать себя правящимъ классомъ. Тѣмъ болѣе его боярскіе верхи, постоянные участники всѣхъ рѣшеній и дѣйствій великокняжеской власти. Была ли эта правительственная роль боярства его правомъ или обязанностью? Прежде всего, она была обычнымъ, шедшимъ изъ давней старины, нормальнымъ явленіемъ жизни. Древне-русское общественное мнѣніе, поскольку оно нашло выраженіе въ памятникахъ письменности, видѣло въ сотрудничествѣ съ князьями-правителями старшаго, опытнаго въ ратныхъ, судныхъ и расправныхъ дѣлахъ боярства—гарантію правильнаго хода управленія. Зато оно возлагало на княжескихъ бояръ большую отвѣтственность. Письменность средне-

вѣковой Руси богата обвиненіемъ бояръ, княжихъ совѣтниковъ, за неудачи внѣшней политики, за усобицы между князьями, за притѣсненіе народа, за всѣ пороки правительственной работы. И сами князья завѣщали сыновьямъ слушать старыхъ бояръ, которые хотѣли имъ добра и вѣрно служили, а въ договорахъ улаживались не слушать „лихихъ“ совѣтовъ и строго карать боярскія интриги, изъ-за которыхъ возникали ссоры и междоусобія князей. Недаромъ лѣтописецъ-москвичъ вложилъ въ уста Дмитрію Донскому такія слова его предсмертной рѣчи: „съ вами, говоритъ онъ тутъ боярамъ, держалъ я Русскую землю, съ вами мужествовалъ на брани, укрѣпилъ великое княженіе, защитилъ свою вотчину, подъ вами держалъ города и великія области, съ вами дѣлилъ скорбь и радость и почитались вы у меня не боярами, но князьями земли моей“.

Старинная традиція близкаго сотрудничества бояръ во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ великокняжеской власти получила особое значеніе въ организаціи Московскаго государства. Его ростъ вызвалъ неизбежное усложненіе всей правительственной работы, которая потребовала рядъ организаціонныхъ мѣропріятій. Время Ивана III—эпоха крупныхъ административныхъ преобразованій и зарожденія новаго законодательства. Судебникъ, составленный въ 1497 году, имѣлъ основной задачей реформу центральнаго московскаго судоустройства. „Судъ великаго князя“ сталъ обширнымъ вѣдомствомъ, къ которому стянуть судъ по всѣмъ дѣламъ надъ привилегированными землевладѣльцами, духовными и свѣтскими, а по важнѣйшимъ дѣламъ и надъ населеніемъ ихъ вотчинъ; къ нему же восходить въ порядкѣ доклада дѣла изъ намѣстничьихъ судовъ. „Судъ великаго князя“ былъ лишь формально его самоличнымъ судомъ, и формула „сужу азъ, князь великій, или кому прикажемъ“ приобрѣла значеніе централизаціи въ Москвѣ обширнаго круга судныхъ дѣлъ, въ зарождавшихся учрежденіяхъ приказнаго типа. Эволюція отъ архаическихъ пріемовъ личнаго судоговоренія великаго князя или его, болѣе или ме-

нѣе, случайнаго замѣстителя къ болѣе упорядоченнымъ формамъ судоустройства отложила относительно завершенной въ опредѣленіи Судебника Ивана Грознаго: „судъ царя и великаго князя судити боярамъ и окольничимъ и дворецкимъ и казначеямъ и дьякамъ“; но первоначальная ступень новой организаціи великокняжескаго суда установлена уже въ Судебникѣ Ивана III: „судъ судити боярамъ и окольничимъ, а на судѣ быти у бояръ и у окольничихъ дьякамъ“. Слагаются своего рода судебныя присутствія опредѣленнаго состава и съ опредѣленной компетенціей. Въ идеѣ весь этотъ судъ есть судъ великаго князя, какъ и все управленіе есть его „государство“, которое осуществляется боярами, кому изъ нихъ какое дѣло „приказано“ вѣдать именемъ великаго князя, отрасль ли его дворцоваго хозяйства или область его владѣній, или опредѣленный кругъ вопросовъ изъ всего его „государева дѣла“.

Вся дѣятельность этого управленія построена на предпосылкѣ личной власти и личной дѣятельности государя; въ немъ источникъ всѣхъ полномочій, въ немъ центръ руководства и наблюденія за ходомъ всей правительственной работы. Организуется она въ порядкѣ порученія отдѣльных ея моментовъ довѣреннымъ замѣстителямъ великокняжеской власти и исполнителямъ его воли — боярамъ. Это порученія - приказы, которыми создаются полномочія то отдѣльнаго лица, то боярскаго комиссіи, то боярина съ помощниками, дьяками и подьячими, временное или длительное, постепенно отвердѣвающее въ присутственное мѣсто, въ приказъ - учрежденіе. Правленіе великаго князя съ боярами вступаетъ на путь эволюціи отъ устарѣлыхъ формъ властвованія къ элементарному строю государственнаго управленія, который постепенно отливается въ новую форму бюрократическаго типа. Два столѣтія пошло на медленное постепенное развитіе этой новой системы; но его начатки въ эпоху Ивана III. Этой эпохѣ принадлежатъ первые опыты устройства центральнаго управленія и перестройки на новомъ основаніи соотношеній между центральной властью и органами

областнаго управленія. Важнѣйшее изъ условій, какими опредѣлился характеръ этихъ опытовъ государственнаго строительства и ихъ общій, во многомъ неожиданный, результатъ въ XVI вѣкѣ, составляло устойчивое правительственное значеніе боярства, „прирожденныхъ“ слугъ государя великаго князя.

Приспособленіе боярства къ строю зарождавшейся новой системы управленія и новыхъ порядковъ государственной службы глубоко повліяло на его положеніе. Возникаетъ, по необходимости, болѣе точное, служебно - формальное, правительственное его опредѣленіе; строже проводится его отграниченіе отъ другихъ слоевъ служилаго класса.

Въ Судебникѣ 1497 года терминъ соціальнаго быта — „бояринъ“ получаетъ своеобразное, должностное и правительственное, значеніе, въ связи съ понятіемъ „боярскаго суда“. Въ областномъ управленіи различаются намѣстники, за которыми кормленія съ боярскимъ судомъ, и такіе, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда. Только первые опредѣленно названы боярами, словно „боярскій судъ“ и составляетъ существенный признакъ боярства. Попытка В. О. Ключевского опредѣлить этотъ боярскій судъ, какъ судъ „по боярскимъ дѣламъ“, крайне искусственна по приему и только отклоняется отъ вѣрнаго пониманія постановленій Судебника. Ближе къ нему комментарий Н. И. Ланге, который отождествилъ этотъ боярскій судъ съ тѣмъ, какой производили въ Москвѣ введенные бояре по приказу великаго князя. Тождества между ними, конечно, нѣтъ, но боярскій судъ Судебника — дальнѣйшее развитіе суда введенныхъ бояръ. Его нельзя опредѣлить перечнемъ дѣлъ, ему подсудныхъ. Рядъ статей Судебника говоритъ о боярскомъ судѣ, какъ судѣ по всякимъ жалобамъ, о судѣ, гдѣ можно, „досудиться“ до судебного поединка и до смертной казни, судѣ въ тяжкихъ преступленіяхъ и въ заемныхъ дѣлахъ. Для ряда дѣлъ роль судящаго боярина въ разсмотрѣніи и утвержденіи „докладнаго списка“: это ясно указываетъ, что боярскій судъ — судъ высшей инстанціи, судъ великокняжескій, центральный, которому надлежитъ рѣшать важнѣйшія дѣла,

подвергать ревизии и утверждению приговоры, восходящие в порядке доклада от судей, у которых кормления без боярского суда; красноречивую иллюстрацию такого значения боярского суда составляет равенство пошлин, какие в нем взимаются, с теми, что назначены для личного суда великого князя. Боярский суд только особая форма центрального, великокняжеского суда. Такое его определение кажется противоречащим существованию „боярского суда“ наместников — областных правителей. Но Судебник недаром ставит „боярский доклад“ (московский) наряду с „наместничьим докладом“ (по городам) — докладом наместнику-боярину, за которым кормление с судом боярским. Перед нами особенность правительственного строя эпохи, когда компетенция связана не с учреждениями, беслично организованными, а с личными приказами-поручениями. Отпуская на наместничество своего введенного или думного боярина, великий князь давал ему полномочия боярского суда, те самые, в осуществлении которых состояла деятельность боярина в Москве; явление, весьма обычное и в средневековых государствах Западной Европы. Пройдут года, и Судебник Ивана Грозного ограничить полномочия боярского суда по наместничествам в пользу окрепших центральных учреждений и сильно затруднить понимание боярского суда исследователям, которые попытаются построить его определение на признаках, взятых из разных эволюционных моментов изучаемого явления. Но при Иване III широта полномочий кормленников вызывает только стремление сосредоточить высший суд в руках доверенных лиц, тесно связанных с дворцовым верхом, и поставить более определенно дело контроля: с одной стороны, в порядке доклада, с другой, в подтверждении обязательного присутствия на суд судных мужей — крестьянских выборных властей и лучших мирских людей, чем обеспечивалась и возможность проверки данных доклада. В то же время, великокняжеская власть принимает меры к тому, чтобы саму наместничью должность поставить в более опре-

деленные правовые рамки. Широкое пожалование кормлением должно смениться большей регламентацией прав и порядка деятельности кормленщика. Такого значения „уставных грамот“ наместничьего управления, которые появляются в правление Ивана III. Их идея пришла из области новгородского владения. Когда в. к. Василий Дмитриевич на время овладел властью Великого Новгорода — Двинской землей, он склонил двинян „задаться“ за великокняжескую власть, обеспечив им элементарную законность в управлении своих наместников теми, что пожаловал населению Двинской земли особую грамоту, по которой наместники обязаны „ходить“ в своей судебной-полицейской деятельности и сборе доходов; эта уставная грамота выдана населению Двинской земли, как грамота, охраняющая его от наместничьего произвола. Когда Иван III принудил Новгород отказаться от договорных отношений к великокняжеской власти, он ответил отказом на челобитые новгородцев дать им подобную охранную („опасную“) грамоту, определяющую основы той „пошлины“, какую должны соблюдать наместники в деле управления, но позднее и сам он, и его преемники широко использовали практику выдачи областному населению уставных грамот, ставящих предельно наместничьему произволу.

Совокупность всех этих новшеств в устройстве великокняжеского управления ставила деятельность исполнительных органов великокняжеской власти на новое основание. Их личному составу предстояло перевоспитание в духе ответственной правительственной деятельности агентов верховной державной власти, покорных орудий воли своего государя. С их полномочий снималась печать самостоятельного, хотя и пожалованного им, права; в этих полномочиях — только проявление единой верховной власти через деятельность подчиненных органов ее управления. Однако, на создание бюрократического управления не было еще сил, ни средств, ни организационного умения. Возникает сложная система отношений, основанная на приспособлении к задачам и формам

государственного строительства самодержавной власти той социальной силы, которая была искони опорой и сотрудницей великокняжеской деятельности — боярства. Основная черта этого приспособления в более определенной и отчетливой дифференциации всего личного состава великокняжеского двора, прежних его вольных слуг на разряды — московские „чины“. И в этом процессе подлинно велико значение притока в состав боярства значительного количества новой знати, владельцев вотчинных княжений и прочих „родословных“ людей. Прежний, более тесный круг ближних слуг великого князя должен был сильно расшириться и получить иную общественную окраску. Нелегко было определить положение служилых князей в рядах московского боярства. Эта задача была разрешена во времена Ивана и Василия (третьих) постепенной выработкой системы местнических счетов. У Ключевского находим весьма ценное указание, что корни местничества надо искать не в боярских, а в княжеских традициях. Обица его основания вытекали из принципа княжого братского равенства и старшинства; в договорах между князьями встречались тщательные оговорки о том, что одни из них выступают в поход только под условием, что во главе рати сам князь великий, других он посылает со своими сыновьями, а замкнуть его боярин — воевода, то и удельные князья посылают полки со своими воеводами. Великие князья стремились поднять свою военную власть над этими счетами, и это им на деле часто удавалось; но такие воззрения и навыки пустили глубокие корни среди служилого князья; на службе великому князю эта традиция получила даже особо острое значение, как гарантия высокого служебного и общественного положения родословных лиц. В известной и не малой мере служилые князья остались и на этой службе — владельцами князьями. Их ратные силы, их вооруженные дворы составляют особые полки в великокняжеском войске, под их личным командованием, не входя в общий распорядок московской армии, а становятся в строй подлѣ мо-

сковских полков, „гдѣ похотятъ“. Только к концу княжения Ивана III служилые князья появляются все чаще в роли воевод над московскими полками, все еще не сближаясь с московским боярством. То же, что по этим наблюдениям Ключевского отмечено в ратном деле, происходит и в великокняжеском совете: великий князь совещается „с князьями и боярами“, в его окружении сравнительно долго различны две группы, разного генеалогического состава. Это вступление князей в ряды слуг великого князя неизбежно повлияло на положение боярства. Его прежний состав переживает расстройство. Верх старинного московского боярства успешно отстаивают свои позиции, находя поддержку в близости к великому князю и собственном значении крупных землевладельцев. Но ряд элементов в составе вольных слуг боярского происхождения сходит на вторую ступень в строю служилого люда. Официальная терминология эпохи сохранила любопытные черты этого переходного момента. Часть служилых людей великокняжеского двора, утратив звание боярина, сведенная к положению „дѣтей боярских“, сохраняет, однако, боярское положение в служебном отношении. Так, полагаю, надо понимать „дѣтей боярских, за которыми кормления с боярским судом“ Судебника 1497 года (в царском Судебнике это уже черта фактически устаревшая) и тех „дѣтей боярских, которые у государя в думѣ живут“. Нет оснований видеть в них — явление новое, плод антибоярской политики великокняжеской власти, как и в думных дьяках, этих потомках прежних дьяков введенных, великих и ближних.

Старинные элементы великокняжеского двора и совета отнесены на второй план наплывом родословных людей, но значения своего не теряют. Княжеские и боярские верхи стали в первых рядах московского дворового строя, а впрочем сказать, во главе его, так как „дворянами“ государя, князя великого, они не считались и не назывались. Этот термин лишь постепенно, после долгих колебаний

терминологии, покрыть второстепенный слой прежних вольных слуг, т. е. дѣтей боярских: долго еще держится различіе „дѣтей боярскихъ двора велика князя“ отъ рядовыхъ великокняжескихъ дворянъ. Во всей этой перестройкѣ великокняжескаго двора идетъ борьба разнородныхъ тенденцій, вытекающихъ, съ одной стороны, изъ организаціи службы и близости къ центру великокняжеской власти, а, съ другой, изъ родословнаго начала, связаннаго съ общественнымъ положеніемъ служилаго человѣка по его „отечеству“. Для родословныхъ верховъ эта борьба закончилась установленіемъ мѣстничества съ его двумя противорѣчивыми основаніями, родословнымъ и разряднымъ. „Мѣсто“ боярина въ служебныхъ и придворныхъ выступленіяхъ должно опредѣляться по отношенію къ поставленнымъ выше, рядомъ и ниже его—ихъ относительной родовитостью; но то, что мы назвали бы рангомъ должности не имѣетъ отношенія къ „мѣсту“: должность можетъ быть выше или ниже, лишь бы служебное соотношеніе сослуживцевъ не нарушало мѣстническихъ счетовъ. Въ распорядкахъ мѣстничества особенно ярко сказался служилый характеръ боярскаго аристократизма; при всемъ сознаніи, что „породой“ государь не жалуетъ, сама родовитость боярская, хотя бы и княжеская, опредѣляется не только родословцемъ, но и разрядной книгой, закрѣпляющей успѣхи служебнаго возвышенія или придворной карьеры въ „родословномъ“ значеніи мѣстническихъ счетовъ, и можетъ „захудать“ вѣтъ такого служилаго разряднаго осуществленія.

Мѣстничество имѣло, несомнѣнно, свой политическій смыслъ. Оно связывало верховную волю самодержавнаго государя рядомъ неизбежныхъ нормъ, которыя ему приходилось соблюдать въ распоряженіи служилыми силами. Связывало оно государя и въ дѣлахъ совѣта. Представленіе о великокняжескомъ совѣтницѣ тѣсно ассоціировано съ боярскимъ званіемъ; введенные бояре смѣнились думными, и, по существу, это смѣна скорѣе терминовъ, чѣмъ явленій. Но мѣстническія воззрѣнія наложили на „сказываніе“ боярства (прежній „вводъ“) осо-

бое ограниченіе, вынуждая великаго князя считаться съ родословностью бояръ при сообщеніи имъ думнаго чина. Расширеніе круга членовъ боярскаго думы достигалось „думнымъ“ характеромъ чина окольничаго, какъ младшаго боярскаго званія, черезъ который проходило боярство, второстепенное по знатности, и дальше котораго не шли мѣстнически-младшія боярскія фамиліи. Достигалось оно также сохраненіемъ въ государственной думѣ дѣтей боярскихъ и видной ролью, какую играли въ ходѣ думныхъ дѣлъ дѣяки великаго князя. Но все это лишь смягчало аристократическій характеръ боярскаго думы, но не снимало основного противорѣчія въ существѣ этого учрежденія. Органъ верховной власти, стремившейся къ неограниченному самодержавію, опредѣлялся въ своемъ личномъ составѣ не свободнымъ выборомъ государя великаго князя, а его волей, связанной обычнoprавовыми воззрѣніями и притязаніями высшаго слоя своихъ родословныхъ слугъ.

Правительственное значеніе боярскаго думы могло только сильно возрасти въ пору кореннаго и крупнаго расширенія задачъ и дѣятельности правительственной власти съ образованіемъ обширнаго великорусскаго государства. Боярскіе приговоры обычная форма указной и уставной дѣятельности великаго князя; судъ „съ боярами своими“ (судебное засѣданіе боярскаго думы)—нормальная форма великокняжескаго суда; по совѣту съ князьями и боярами ведетъ великій князь внѣшнюю политику, переговоры съ иностранными державами, заключаетъ и разрываетъ договоры. Имѣла ли боярская дума, во всей этой дѣятельности, самостоятельное политическое значеніе? Несомнѣнно—имѣла въ общественномъ сознаніи Московской Руси. Но для правильной характеристики и оцѣнки этого значенія не слѣдуетъ стоять на формальной, государственно-правовой („конституціонной“) точкѣ зрѣнія. Съ такой точки зрѣнія боярская дума, конечно, не ограничивала власти государя. Но она была носителемъ традиціонныхъ формъ дѣятельности его власти, традиціонныхъ обычнoprавовыхъ воззрѣній на весь укладъ общественныхъ отношеній и на приемы

суда или управления. Охрана „старины и пошлыны“, сложившихся обычных порядков и признанных прав искони считались идеальной задачей княжеских советников. И сама служба боярь не только мечомъ, но и советомъ входила существеннымъ элементомъ въ составъ этой „старины и пошлыны“. А стремленіе великокняжеской власти къ неограниченному самодержавію ставило ее волю какъ по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ, такъ и принципиально въ существенное противорѣчіе съ традиционнымъ строемъ отношеній и самымъ представленіемъ о связанности всякой власти той „пошлиной“, что „изстари пошла“.

Передъ правительствомъ Московскаго государства стояли организационныя задачи огромной трудности. Только что собравъ къ одному центру всѣ нити господства надъ Великороссіей, оно стремилось создать большую и надежную воинскую силу, построить систему государственныхъ финансовъ, наладить эксплуатацію всѣхъ силъ и средствъ страны, недостаточность которыхъ для все разрастающихся нуждъ „государева дѣла“ ощущалась на каждомъ шагу. Это было по плечу только очень сильной и крѣпко централизованной власти. Борьба за осуществленіе такой власти, напряженная и порывистая, составляетъ основную и характерную черту внутренней политической исторіи Московскаго государства. Въ связи съ „вотчиннымъ“ строемъ политическихъ представленій той эпохи и общими условіями „собиранія власти“, разсѣянной по вотчиннымъ владѣльческимъ ячейкамъ, строилось въ этомъ процессѣ московское самодержавіе, разрушая всѣ общеправовыя традиции и общеправовыя устои общественнаго быта. Съ первыхъ же шаговъ, оно встрѣтило на своемъ историческомъ пути охранительную инерцію боярства, и его тяга къ самовластію пришла въ столкновеніе съ общественнымъ возрѣніемъ на цѣнныя правовыя гарантіи „старины и пошлыны“, соблюдаемой во всѣхъ областяхъ суда и управления. На этой почвѣ, на вопросъ о связанности власти общеправовой традиціей или ее самодержавной неограни-

ченной свободѣ разыгрываются всѣ наиболѣе яркіе конфликты между московскими государями и боярствомъ.

При Иванѣ III знаемъ только одинъ примѣръ крутой расправы великаго князя съ „высокоуміемъ“ боярь—казнь Стародубскаго-Ряполовскаго и насильное постриженіе въ монахи князей Патрикѣевыхъ, отца и сына. С. М. Соловьевъ убѣдительно и мѣтко связалъ эту расправу съ придворной борьбой по вопросу о престолонаслѣдіи—быть ли преемникомъ великаго князя Ивана Васильевича, его внуку—Дмитрію или сыну—Василію. О дѣлѣ этомъ было уже упомянуто выше. Бояре-князья стояли за право на власть Дмитрія-внука, какъ первенца великаго князя Ивана Ивановича, соправителя отцу великому князю Ивану III, противъ сына царевны Софьи, на сторонѣ котораго въ придворной средѣ стоятъ угодники великокняжеской власти, „меньшіе“ люди, неродословные—дѣти боярскіе и ближніе дѣтки великаго князя. По поводу этого конфликта великій князь Иванъ, какъ мы видѣли, особо рѣзко и опредѣленно выразилъ свое притязаніе на полную владѣльческую свободу распорядиться судьбой государства по своему самодержавному усмотрѣнію. Устойчивая придворная традиція связала съ именемъ и вліяніемъ Софьи Палеологъ начало „нестроенья“ при дворѣ великаго князя, ломки старыхъ обычаевъ, разлада между государемъ и его советниками-боярами. Думные люди ропщутъ на „высокоуміе“ великаго князя, который сталъ удаляться отъ боярскаго круга, возноситься надъ ней державнымъ повелителемъ и рѣшать дѣла помимо боярскаго думы съ довѣренными любимцами, „запершись самъ третьей у постели“. Такое „несовѣтіе“ государя вызываетъ ихъ гнѣвные укоры. Рѣчи, за которыя великій князь Василій III казнилъ сына боярскаго, изъ тѣхъ „которые въ думѣ живутъ“, Берсень Беклемишева, звучатъ и въ писаніяхъ князя Андрея Курбскаго, который осудилъ Грознаго за „непослушаніе синклитскаго совѣта“. Протестъ направленъ на единоличныя рѣшенія, на личное властвованіе съ укоромъ за „величество и высокоуміе гордости“, по выраженію анонимнаго автора „иногдѣ“

сказанія“ при „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“, и мотивированной, какъ у Курбскаго тѣмъ, что царь „аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта“. Мысль эта, въ которой основной моментъ—отрицаніе самочиннаго личнаго властвованія, выходитъ за предѣлы защиты значенія боярской думы, и, напримѣръ, у двухъ послѣднихъ авторовъ развернулась въ указаніе на пользу совѣта не только „совѣтниковъ“, но и все-народныхъ человѣкъ“, не только „мудрыхъ и надежныхъ приближенныхъ воеводъ“, но и „вселенскаго совѣта“, созданнаго „отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ“. Особо острой стороной того же разногласія между царской властью и боярами, съ взаимными попреками за „высокоуміе“, сталъ со временъ Ивана III личный судъ государя великаго князя. Личное право карающей власти искони принадлежало князьямъ; епископы недаромъ внушали св. Владимиру, что онъ „поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милость“. Но тѣ же епископы поясняли, что князю, конечно, подобаесть казнить людей преступныхъ, „но со испытаніемъ“. Осуществленіе этой власти сложилось въ опредѣленную практику великокняжескаго суда „съ боярами своими“, въ форму судебныхъ засѣданій царя съ боярской думой. Это—организованной судъ, протекавшій въ обычныхъ процессуальныхъ формахъ („со испытаніемъ“), судъ, по отношенію къ которому Судебникъ 1497 года устанавливаетъ, какъ и для суда „дѣтей великаго князя“ и для суда боярскаго, размѣръ взимаемыхъ судебныхъ пошлинъ. Иванъ III рѣшительно противопоставилъ этимъ формально-связаннымъ проявленіямъ своей высшей судебной власти—притязаніе на право постановлять рѣшенія, которыми налагаются кары и имущественныя взысканія помимо правильнаго судоговоренія. „Праведному суду съ боярами своими“ царская власть противопоставила свою „опалу“. Уже при немъ слышимъ протесты бояръ противъ „безсудныхъ“ приговоровъ, какъ въ извѣстномъ дѣлѣ князя Оболенскаго Лыка, порѣшенномъ великимъ княземъ помимо обычнаго порядка

„суда и исправы“. А во времена царя Ивана Грознаго поднялся съ сугубой силой споръ объ „истинномъ судѣ царя и великаго князя“ въ противоположность произвольнымъ царскимъ опаламъ. Этотъ споръ привелъ къ своеобразному уговору царя съ московскимъ народомъ въ 1565 году, когда Грозный уѣхалъ изъ столицы въ Александровскую слободу, грозилъ вовсе покинуть государство, объявилъ свою огульную опалу на духовенство, бояръ, приказныхъ и служилыхъ людей за то, что вся эта среда, черезъ которую государь держитъ свою землю, „покрывала“, по его выраженію, отъ царскаго гнѣва тѣхъ, кого онъ захочетъ понаказать „въ ихъ винахъ“. Отвѣтное челобитіе правящихъ круговъ и всей Москвы гласило, чтобы государь своего государства не оставлялъ, а въ жизни и казни государевыхъ лиходѣевъ—его государская воля. И царь Иванъ согласился вернуться къ власти на томъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и на всѣхъ, кто ему непослушенъ клать, опалу, подвергать ихъ казни и конфискаціи имуществъ. Отпадали два обычая, стѣснявшіе личный произволъ носителя верховной власти въ дѣлѣ осужденія и кары,—печалованіе духовенства за опальныхъ и соблюденіе обычныхъ формъ верховнаго суда. Отпадали сильныя моральныя и формальныя сдержки крайнихъ проявленій самодержавнаго усмотрѣнія надъ личностью и имуществомъ „государевыхъ холоповъ“.

По существу, царская власть не приобрѣтала въ 1565 году никакихъ новыхъ полномочій. Писалъ же баронъ Герберштейнъ про Василия III, что государь „примѣняетъ свою власть къ духовнымъ такъ же, какъ и къ мірянамъ, распоряжаясь безпрепятственно и по своей воли жизнью и имуществомъ всѣхъ“. Но Грозный, прямолинейный книжникъ по складу ума, а по натурѣ требовательный и крайне самолюбивый деспотъ, стремился не только вырваться изъ какихъ-либо формальныхъ стѣсненій своей власти, а сломить общественное мнѣніе окружавшей его среды, добиться безусловнаго повиновенія не только за страхъ, но и за совѣсть, полнаго и покорнаго признанія всѣхъ своихъ дѣяній, отказа отъ малѣйшаго ихъ осужденія,

отъ всякой какъ формальной, такъ и моральной сдержки самыхъ крайнихъ проявленій своей самодержавной воли. Глубоко усвоилъ онъ тѣ воззрѣнія на царскую власть, которыя такъ поражали барона Герберштейна въ придворной средѣ временъ в. к. Василя III. Иноземецъ-наблюдатель записываетъ съ изумленіемъ, что русскіе открыто считаютъ волю государя — волей Божьей и вѣрятъ, что всѣ дѣла государя совершаются по Божьей волѣ, такъ какъ царь въ всемъ совершитель Божественной воли: недаромъ, отмѣчаетъ онъ если спросить русскаго о чемъ-либо сомнительномъ и непонятномъ, то обычно получаешь отвѣтъ: „про то вѣдаетъ Богъ да государь“.

Личная власть царя, помазанника Божія, возносила на недосягаемую высоту надъ всякимъ жизненнымъ правомъ, надъ всякой житейской правдой. Основная идея самодержавія въ признаніи высшей власти и воли государя источникомъ и верховнымъ критеріемъ всякаго права и всякой правды. Въ этомъ воззрѣніи сущность того, что поклонники русскаго абсолютизма признали особой „мистикой самодержавія“. Яркое выраженіе найдетъ эта идея въ XVII вѣкѣ въ воззрѣніяхъ царя Алексѣя Михайловича, большого поклонника памяти Грознаго. Царь Алексѣй вѣрилъ въ священный характеръ царскаго сана, въ непосредственное руководство царской воли божественнымъ „извѣщеніемъ“ и поэтому требовалъ отъ подвластныхъ не только неліцемерной службы, но и „радостнаго послушанія“, осуждая тѣхъ, кто „не со всѣмъ сердцемъ“ прилежитъ царю. Отсюда у него постановка милости царской выше всякаго права и отрицаніе личныхъ, частныхъ правъ передъ верховнымъ усмотрѣніемъ государя. А въ XIX вѣкѣ та же идея воскресаетъ съ новой силой въ официальной теоріи Николаевского абсолютизма, согласно которой верховная власть, какъ орудіе Провидѣнія, имѣетъ для общественной жизни то же значеніе, что личная совѣсть, просвѣтленная религіей, для частныхъ-житейскихъ отношеній. Теорія безусловной власти разрастается до ученія о безусловномъ авторитетѣ царской власти. Въ этой ея эволюціи заложены глубокія основы восточнаго цезаропа-

низма, метафизической надстройки надъ реальной дѣйствительностью самодержавія. Такъ и Грозный признавалъ ответственность царской власти передъ Богомъ за чистоту вѣры въ подвластномъ народѣ и призваніе свѣтской власти руководить религіозно-нравственной жизнью населенія страны.

На дѣлѣ надъ московской Русью прошли разрушательныя бури эпохи казней и дворцоваго разгула, разгрома бытовыхъ традицій и устоевъ силой царской опричины. Мертвой зыбью затихали онѣ, отравляя подозрительностью, затаенной враждой, сыскомъ и произволомъ онаго „мудроправство“ Бориса Годунова. Общественная совѣсть не формировалась проявленіями такой власти, а замирала въ „безумномъ молчаніи всего міра“, по мѣткому слову чуткаго современника. А когда боярская среда получила вновь возможность поднять свой голосъ, она заговорила — о судебныхъ гарантіяхъ личной и имущественной неприкосновенности отъ произвола царской карающей власти. Боярскій царь Василій Шуйскій обязался въ особой „крестоцѣлальной записи“ — никого не казнить, ни у кого не отнимать имущество, „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими“.

Въ попыткѣ отстоять передъ крайностями царскаго самовластия правоохранительную функцію боярской думы — основной мотивъ боярской оппозиціи XVI вѣка. Въ этой функціи состояло существенное значеніе думы, а она неотдѣлима отъ боярской службы совѣтомъ, отъ правообразующей дѣятельности боярскихъ приговоровъ. Но въ этомъ кругѣ понятій и стремленій нѣтъ „правительственнаго преданія, шедшаго изъ удѣловъ“; его основа старше, шире и глубже: искать ее надо въ исконной традиціи о связанности княжеской власти обычно-правовой „старинной и пошлюхой“. Во главѣ оппозиціи царскому самодержавію видимъ, преимущественно, представителей титулованнаго боярства. Но защищаютъ они не удѣльно-вотчинныя княжескія притязанія, а боярскую старину и — шире — земскую старину.

Однако, рядомъ съ этимъ земскимъ моментомъ боярской

оппозиции стоит другой — родословный. Царская власть, все болѣе расходясь съ боярствомъ, находить себѣ новую социальную опору въ организаціи болѣе демократическихъ слоевъ населенія. Устройство на новыхъ началахъ военной службы и податного тягла разрушало въ корень привилегированное служилое и землевладѣльческое положенія, прежде всего, потомковъ владѣтельнаго князя, а затѣмъ и всего знатнаго боярства. Защита земской обычно правовой старины тѣсно переплеталась съ защитой привилегій боярскаго класса. Оба созданія изстаринной пошлыны гибли вмѣстѣ подъ ударами самодержавной власти. И она нашла себѣ мощную поддержку во враждебныхъ боярству интересахъ среднихъ слоевъ русскаго общества, главнымъ образомъ — носителей рядовой службы и мелкаго служилаго землевладѣнія. Опираясь на нихъ, боевая сила самодержавія смогла развернуться свободно противъ боярства и всей земской пошлыны.

VI.

Рядомъ съ князьями и боярами стоятъ въ большой близости къ великокняжеской власти — „государевы богомольцы“. Церковь была въ старой Руси крупной общественной и политической силой. Русская митрополія — часть Константинопольской патріархіи — имѣла внѣ Руси высшій центръ своего церковнаго управленія во власти „вселенскаго“ патріарха Византіи. Патріархъ поставлялъ на Русь главу мѣстной церковной іерархіи, по общему правилу, изъ клириковъ царствующаго града. Образованный іерархъ, облеченный обширными полномочіями, являлся въ страну, которая представлялась просвѣщенной Византіи варварскимъ міромъ, какъ носитель высшей культуры и представитель высшей, независимой отъ мѣстныхъ силъ, духовной власти. Такая организаціонная основа русской іерархіи давала ей, въ значительной мѣрѣ, самостоятельное положеніе въ русскомъ политическомъ мірѣ. И это самостоятельное значеніе русской митрополіи въ ряду мѣстныхъ политическихъ силъ увеличивалось раздѣльностью и дробностью политическаго господства русской княжеской власти. Въ XIV и XV столѣтіяхъ раздѣленіе русскихъ земель между двумя крупными политическими организаціями — Литовско - русскимъ государствомъ и Велико - русскимъ великимъ княженіемъ чрезвычайно осложняло положеніе митрополіи всея Руси. Переходъ митрополичьей резиденціи изъ Кіева на великорусскій сѣверъ, во Владиміръ, связалъ митрополію ближе и тѣснѣе съ великорусскими отношеніями и интересами. Владимірскій дворъ митрополита всея Руси сталъ центромъ для тѣхъ общественныхъ

группы — великокняжеского боярства и духовенства, которые съ особой остротой переживали тягостныя послѣдствія распада болѣе широкихъ политическихъ связей въ удѣльновотчинномъ дробленіи территоріи и власти. Тутъ, въ этой средѣ, возникъ, въ первые годы XIV вѣка, при митр. Максимѣ, первомъ изъ митрополитовъ, который утвердилъ свое пребываніе во Владимірѣ, замѣчательный памятникъ письменности — обширный лѣтописный сводъ, общерусскій по кругозору и основной тенденціи, общерусскій и по матеріалу, собранному изъ мѣстныхъ записей о событіяхъ въ сѣверной, западной и южной Руси. Эта же среда, при личной поддержкѣ митр. Максима, вдохновила тверского князя Михаила Ярославича принять титулъ великаго князя всея Руси и сдѣлать неудавшуюся, но показательную попытку возродить подчиненіе всей Великороссіи единой и болѣе сильной великокняжеской власти. Ближайшіе преемники митр. Максима — южнорусскій Петръ и грекъ Θεογностъ глубоко усвоили тѣ же великорусскія политическія тенденціи, но, вмѣстѣ съ великокняжескимъ боярствомъ, которое отхлынуло отъ Твери къ Москвѣ и здѣсь нашло искомый центръ новой объединительной работы, направляютъ силу своего пастырскаго вліянія на поддержку стремленій московскихъ князей къ усиленію великокняжеской власти.

Въ такихъ условіяхъ нарастаетъ процессъ націонализаціи русской церкви. Преемникомъ Θεογноста на митрополичьей кафедрѣ вѣдѣмъ крупнаго политическаго дѣятеля, который вышелъ на митрополию изъ боярской среды великокняжескаго двора и волею судебъ сталъ не только правителемъ церкви, но и руководителемъ политической жизни Великороссіи. Ярче и болѣе послѣдовательно, чѣмъ при его предшественникахъ, служить теперь высшая іерархическая власть цѣлямъ мірской политики — въ защитѣ притязаній московскаго князя на великорусское великое княженіе, въ усиленіи его власти надъ другими владѣтельными князьями сѣверной Руси, въ борьбѣ съ Литвой за западнорусскія области. Митрополитъ-правитель вдохнулъ въ великокняжескую политику опредѣлен-

ную идеологию — церковно-религіозную и, тѣмъ самымъ національную. Въ оживленной перепискѣ съ Константинополемъ и въ пастырскихъ наставленіяхъ русскимъ князьямъ митр. Алексѣй развиваетъ воззрѣніе, что православная Русь часть священной христіанской политіи, политическаго тѣла Церкви, а власть великаго князя всея Руси и русскаго митрополита — органы его устроенія и защиты. Отсюда, съ одной стороны, выводъ, что борьба Москвы съ „языческой“ Литвой „огнепоклонника“ Ольгерда заслуживаетъ сочувствія и поддержки всего христіанскаго міра, а, съ другой, требованіе, чтобы русскіе князья блоки свое „одиначество“ съ великимъ княземъ, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ, и служили его дѣлу своей ратной силой подѣ страхомъ отлученія не только митрополичьяго, но и патріаршаго.

Политика митр. Алексѣя ставила ребромъ вопросъ о великорусскомъ характерѣ митрополіи, о превращеніи русской церкви въ учрежденіе Великорусскаго государства. Но былъ онъ не московскимъ митрополитомъ, а „Кіевскимъ и всея Руси“. Національно-великорусское направленіе его дѣятельности придавало одностороннее политическое значеніе его іерархической власти надъ русскими епархіями Литовско-русскаго государства. Митрополиа оказалась на безвыходномъ распутьѣ. Необходимымъ становилось ея раздѣленіе между двумя помѣстными церквами великорусской и западнорусской. В. к. Дмитрій Донской шелъ на это, по смерти Алексѣя, лишь бы сохранить въ своихъ рукахъ назначеніе кандидата на митрополичью кафедру и ея вліяніе въ составѣ активныхъ силъ великокняжеской политики. Но значительная часть духовенства дорожила исконнымъ единствомъ митрополіи; это единство имѣло и свой, притомъ не малый, политическій вѣсъ, какъ условіе вліянія Москвы на православныя области западной Руси, особенно же на русскія земли, колебавшіяся между Москвой и Литвой, въ которой онѣ искали опоры противъ московскаго засилья. Затяжная церковная смута, суть которой въ борьбѣ за и противъ притязанія московскаго великаго князя избирать

кандидата въ митрополиты, за и противъ единства митрополіи, кончилась побѣдой этого единства и независимости митрополіи отъ великокняжеской власти. Митрополиты — болгаринъ Кипріанъ и грекъ Фотій порвали съ традиціями митр. Алексѣя, отдѣлили свою политику отъ великокняжеской, поставили себя въ положеніе митрополитовъ всей Руси, которые правятъ церковью, опираясь на высшую іерархическую власть константинопольскаго патріарха, а въ дѣлахъ мірскихъ стремятся наладить пріязненные отношенія къ свѣтской власти обонхъ великихъ княженій — великорусскаго и литовскаго. Москва потеряла на время одну изъ существенныхъ опоръ своихъ властныхъ притязаній. А митрополія, съ другой стороны, выступаетъ, въ эти годы, весьма требовательной защитницей своихъ мірскихъ интересовъ и своего пастырскаго авторитета, передъ которымъ долженъ склониться великій князь, духовный сынъ отца своего, митрополита всея Руси.

Подчиненіе митрополіи и всей церковной іерархіи великокняжеской власти имѣло для этой послѣдней огромное значеніе не только въ сферѣ междукняжескихъ и международныхъ отношеній. Церковь была носительницей не только духовной, но и весьма значительной мірской общественной силы, благодаря крупнымъ размѣрамъ землевладѣнія церковныхъ учрежденій и ихъ экономической роли, какъ единственныхъ обладателей сравнительно крупнаго денежнаго капитала. Размѣры церковнаго землевладѣнія не поддаются сколько-нибудь точному учету. Отъ середины XVI вѣка — а за первую его половину едва ли можно предполагать особенно большой ростъ этого землевладѣнія — имѣемъ сообщеніе иноземца, будто монастырское землевладѣніе охватило до трети всѣхъ земель Московской Руси. Можно признать, что такое глазомѣрное опредѣленіе было сильно преувеличено, вѣроятно даже намѣренно и тенденціозно, тѣми собосѣдниками изъ московскаго боярства, отъ которыхъ получилъ свои свѣдѣнія капитанъ Чанслоръ, передавшій ихъ автору разсказа о далекой Московіи Клемену Адаму. Но если мы вспомнимъ рядъ благоприятныхъ

условій развитія этого землевладѣнія — крупные земельные вклады князей и вотчинниковъ — бояръ, хозяйственную энергію монастырей, ихъ значеніе какъ первой на Руси капиталистической силы, широкіе размѣры льготъ и пожалованій въ ихъ пользу, острую тревогу, какую вызываетъ ростъ именно монастырскаго землевладѣнія въ московскомъ правительствѣ и свѣтскомъ служиломъ обществѣ во времена Ивана III, а, съ другой стороны, сравнимъ сообщеніе Чанслора съ обычнымъ для поздняго западно-европейскаго средневѣковья опредѣленіемъ размѣровъ церковнаго землевладѣнія въ $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{3}$ всѣхъ земель той или иной страны, — возможное преувеличеніе такой расцѣнки не представится чрезмѣрнымъ. Рядомъ съ монастырскимъ стоитъ землевладѣніе епископскихъ кафедръ и, особенно, крупное землевладѣніе самой митрополіи.

Положеніе этихъ земель въ составѣ великорусскаго великаго княжества было, по существу, тождественно съ положеніемъ княжескаго и боярскаго землевладѣнія. Вотчины принадлежали отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіямъ, которыя и были, въ лицѣ своихъ начальныхъ властей, полноправными ихъ владѣльцами. Среди нихъ митрополичьи вотчины составляли особую крупную единицу, и только этихъ вотчинъ касались грамоты и порядки, какими были обезпечены права и имущества митрополіи. У другихъ духовныхъ вотчинниковъ — епископовъ, игуменовъ — были свои, помимо митрополіи, права, гарантіи и грамоты. Это ставило ихъ въ прямые, непосредственные отношенія къ княжеской власти наряду съ свѣтскими крупными землевладѣльцами.

Митрополитъ стоялъ особо. При Кипріанѣ положеніе митрополіи опредѣлено совмѣстно великимъ княземъ и митрополитомъ въ уставной грамотѣ, которой придана форма протокола ихъ соглашенія. Она и по содержанію близка къ договорамъ между великимъ княземъ и его „братьей младшей“ — князьями удѣльными. Уставная грамота (1392 года) обезпечиваетъ самостоятельность митрополичьяго суда и управленія и ограниченіе повинностей и платежей населенія митрополичьихъ

волостей обычной стариной и пошлиной съ отмѣной всего, что вновь „учинилось“; сборъ дани только на уплату татарскаго выхода въ опредѣленномъ размѣрѣ оброка-урока по старымъ оброчнымъ грамотамъ, съ его отмѣной въ тѣ годы, когда не придется давать дань татарамъ; выступленіе митрополичьихъ бояръ и слугъ въ походъ подъ командой митрополичьяго воеводы только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ великій князь лично выступалъ во главѣ всей ратной силы великаго княженія. Внесена въ эту уставную грамоту и гарантія иммунитета монастырскихъ вотчинъ: въ села пошлыя монастырскія великому князю не всылать ни по какимъ дѣламъ агентовъ своей власти, ни судить ихъ населенія: вѣдаютъ и судятъ ихъ игумены, а при смѣenomъ судѣ судебный доходъ дѣлится пополамъ между великокняжескимъ и монастырскимъ судьями. Но это не попытка общей гарантіи вотчинныхъ привилегій Церкви, а касается она тутъ только тѣхъ монастырей, которые опредѣлены, какъ „извѣчные митрополичьи“. „Свои“ монастыри были и у владыкъ-епископовъ и у князей. Значительнѣйшіе и много второстепенныхъ тянуло къ высшей свѣтской власти, ко двору великаго князя. При сохраненіи за митрополитомъ его юрисдикціи и власти іерархической по церковнымъ дѣламъ, эти монастыри, даже въ періодъ наибольшей самостоятельности русской митрополіи, находились въ непосредственной зависимости отъ великаго князя по вотчинному землевладѣнію и привилегированной подсудности игумена, всей братіи и монастырскихъ людей великокняжескому суду. Жалованныя грамоты, укрѣпляя вотчинныя льготы населенія и вотчинную власть игумена, закрѣпляли связь монастырскихъ владѣній съ великокняжескимъ дворомъ и устанавливали за ними характеръ великокняжескаго пожалованія. Политически власть великаго князя надъ церковными учрежденіями внѣ территоріи собственныхъ владѣній митрополіи была ближе къ нимъ и сильнѣе, чѣмъ власть главы русской церкви; недаромъ видимъ великаго князя въ роли защитника церквей и монастырей въ Москвѣ и по городамъ отъ церковныхъ нало-

говъ и поборовъ митрополита. Монастыри съ ихъ обширными вотчинами были предметомъ особаго попеченія великокняжеской власти и управленіе ихъ дѣлами стигивалось все плотнѣе ко двору великаго князя, пока въ XVI вѣкѣ не стало одной изъ важнѣйшихъ функцій Приказа Большого Дворца.

При такихъ условіяхъ понятно, что и назначеніе игуменовъ, особенно въ болѣе значительные монастыри, было дѣломъ весьма существеннымъ для великаго князя и перешло фактически въ его руки. Само сооруженіе новыхъ монастырей происходило обычно съ прямымъ участіемъ великокняжеской власти, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что возникающіе монастыри, какъ только обстроятся и поставятъ свое хозяйство, снѣшлись заручиться жалованными грамотами на свои земли и угодья, на право заселять свои вотчины пришлыми людьми со льготой въ государевыхъ пошлинахъ, на освобожденіе отъ подчиненія мѣстнымъ властямъ съ прямой подсудностью центральному великокняжескому суду.

Значительна была, съ другой стороны, зависимость отъ великаго князя епархіальныхъ архіереевъ. Средневѣковая русская епархія представляла собою не только духовно-церковное, но и административно-владѣльческое учрежденіе. Само церковное управленіе, т. е. отношенія архіерея къ подчиненному бѣлому и черному духовенству, было пропитано началами свѣтскаго властвованія. Въ центрѣ архіерейскаго управленія стояла дѣятельность архіерейскаго дома по суду и расправѣ надъ бѣлымъ духовенствомъ, которое обложено данью и оброками съ церковныхъ земель и сборовъ, и по управленію владѣчными монастырями, обширными вотчинами и ихъ населеніемъ. По дѣламъ всего этого управленія орудовалъ цѣлый штатъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, служилыхъ людей разнаго калибра, намѣстниковъ и дворянъ, приказчиковъ, десятильниковъ и тиуновъ. Элементы епархіальнаго и вотчиннаго управленія характерно переплетались и сливались въ духъ общаго строя отношеній исторической эпохи, когда всякое — а также церковное — властвованіе легко и неизбежно приобрѣтало вла-

дѣльческій укладъ. При подобномъ типѣ епархіального быта и строя архіерей сближались съ боярами — кормленщиками и вотчинниками по своей социальной физиономіи и по своей роли въ общественномъ и политическомъ быту Великороссіи. Епископы и игумены — „государевы богомольцы“ — примыкають къ княжому двору, стоятъ въ ряду — по сану въ переднихъ рядахъ — съ боярами въ княжескихъ совѣтахъ и княжеской политической дѣятельности, и вмѣстѣ со всей высшей общественной силой сосредоточиваются по мѣрѣ образованія единаго великорусскаго государства ко двору государя великаго князя.

Глубоко были заложены во всемъ строѣ старорусской жизни основанія подчиненія Церкви носителю свѣтской власти. Интересы внѣшней и внутренней политики великокняжеской власти и общее направленіе ея эволюціи къ полному единю и самодержавію настоятельно требовали всесторонняго исполненія этихъ возможностей. Завершеніе націонализаціи митрополіи на великорусской почвѣ, какъ учрежденія въ строѣ Московскаго государства, стало необходимымъ элементомъ строительной работы московскихъ великихъ князей.

Княженіе Василія Темнаго — время озлобленной и кровавой смуты, въ которой рушились послѣдніе устои удѣльно-вотчиннаго строя, принесло Московской Руси по ликвидаціи пережитаго кризиса образованіе той сильной великокняжеской власти, какую унаслѣдовалъ Иванъ III, а также упраздненіе прежняго самостоятельнаго и самодовлѣющаго значенія митрополіи. По смерти митр. Фотія (1431 г.) на митрополію нареченъ свой русскій кандидатъ, епископъ Іона. Но политическіе интересы Византійской Имперіи, изнемогавшей подъ турецкимъ напоромъ, привели къ поставленію на Русь митр. Исидора, грека, который примкнулъ на Флорентійскомъ соборѣ къ уніи съ Римомъ. Его поѣздка въ Италію, возвращеніе, низложеніе и бѣгство затянули на рядъ лѣтъ прочное рѣшеніе судеб русской Церкви. Только въ концѣ 1448 г. въ Москвѣ рѣшились на поставленіе Іоны соборомъ великорусскихъ епископовъ, хотя бы и цѣной разрыва съ Константинопольской па-

тріархіей. Іона явился завершителемъ дѣяній Петра и Алексѣя и сталъ, вслѣдъ за этими святителями, третьимъ святымъ московскимъ митрополитомъ. Канонизаціей ихъ памяти Москва освящала національно-великорусскія тенденціи своей митрополіи.

Съ этой поры преемство на митрополичьемъ престолѣ обходится, къ немалому смущенію мѣстныхъ строгихъ церковниковъ, безъ обращенія въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ; вскорѣ даже появится въ „общательныхъ грамотахъ“ новопоставляемыхъ епископовъ обязательство отнюдь не принимать на митрополію ставленниковъ византійской патріархіи. Преемство на московской кафедрѣ опредѣляется впредь — формально либо благословеніемъ предшественникомъ преемника, какъ Іона благословилъ Θεодосія, Θεодосій Филиппа, либо избраніемъ кандидата на епископскомъ соборѣ, а по существу выборомъ государя, князя великаго, который возводитъ нареченнаго на митрополію по провозглашеніи и поставленіи его соборомъ епископовъ. Великорусская митрополія стоитъ передъ свѣтской властью безъ всякой внѣшней опоры, сходитъ на положеніе учрежденія въ составѣ Московскаго государства, вліятельнаго, но зависимаго фактора великокняжеской политики, и живетъ мѣстной великокняжеской жизнью, мѣстными московскими интересами, подъ властной рукой государя великаго князя, опекуна русской церкви и вершителя ея судебъ. Такимъ подчиненіемъ митрополіи свѣтской власти закончена была эволюція зависимости всего сложнаго строя и состава русской церкви отъ мірской правительственной силы. Верховная власть Великороссіи, принявъ царскій титулъ, стала въ то положеніе относительно церкви, какое сложилось для всего православнаго Востока на византійской почвѣ.

Къ этой роли руководителя судьбами Церкви вель московскаго государя рядъ весьма существенныхъ интересовъ и отношеній. Зданіе московскаго вотчиннаго государства заключало въ себѣ церковныя учрежденія, общественное значеніе и социальная сила которыхъ были слишкомъ крупны, чтобы свѣтская власть могла иначе разрѣшить вопросъ о своемъ отно-

шеніи къ нимъ. Покровительство монастырскому и епископскому землевладѣнію, усиленіе и регламентація его привилегій, развитіе могущества митрополіи долго играли роль одной изъ опоръ, одного изъ средствъ самого роста великокняжеской власти, подобно тому какъ такой же ея опорой было землевладѣльческое и правительствующее боярство. Но вторая половина XV вѣка принесла быструю и коренную перестановку всѣхъ этихъ отношеній на иную почву. Московскій великій князь выросъ въ вотчинные государи всей Великороссіи и сталъ заирать въ свои руки самодержавное распоряженіе ея силами и средствами, начать трудное и сложное дѣло ихъ организаціи на нужды своего „государева дѣла“. Встрѣтивъ на этомъ пути привилегіи и самостоятельную силу своихъ „вольныхъ слугъ“ онъ закончилъ ихъ превращеніе въ „государевыхъ хлоповъ“ безъ сколько-нибудь крупныхъ потрясеній. Но та же, по существу, задача стала передъ нимъ и по отношенію къ церковнымъ магнатамъ. Тутъ камнемъ преткновенія была не вольность сильнаго и вліятельнаго общественнаго слоя, а издавна льготность владѣній „государевыхъ богомольцевъ“ и принципиальная независимость и неприкосновенность священнаго сана. Власть московскихъ государей входитъ въ церковь въ облаченіи царскаго сана. Расцвѣтъ идеологій, основы которой заложены на русской почвѣ митр. Алексѣемъ, освящаетъ и углубляетъ подчиненіе церкви свѣтскому властителю. На Русь перенесена византійская идея о царѣ, какъ главѣ „священной христіанской политіи“, объ органической необходимости царской власти для полноты церковнаго строя: „невозможно, внушали византійцы своимъ русскимъ ученикамъ, христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ единствѣ и общности и невозможно отдѣлять ихъ одно отъ другой“. Московское царство приняло наслѣдіе Византіи, павшей подъ ударомъ турецкой силы, и стало „третьимъ Римомъ“, православнымъ царствомъ, единственнымъ во всей вселенной. Царь верховный правитель и церкви, и государства. Притязанія церковнаго авторитета

не идутъ глубже и дальше идеала оцерковленнаго государства, т. е. такого, гдѣ царская власть, хранительница канонівъ и правовѣрія, руководится церковно-религіозными идеями въ своей властной дѣятельности какъ по отношенію къ церкви, такъ и сферѣ въ свѣтскаго правленія. И это уже много, такъ какъ предполагаетъ связность державной власти морально-религіозными нормами и церковно-каноническими положеніями, истолкователемъ которыхъ является церковная іерархія. Пастырскій долгъ духовенства — печаловаться царю о страждущихъ и обиженныхъ, наставлять его въ истинныхъ понятіяхъ о добрѣ и правдѣ, обличать его грѣховныя и несправедливыя дѣянія; долгъ царя, какъ человѣка-христіанина, вникать въ эти наставленія, принимать ихъ безропотно. Но облеченный властью, которой вручены Богомъ милость и судъ, все „церковное и монастырское“ и всего христіанства попеченіе, онъ рѣшаетъ и дѣйствуетъ. Верховной волей государя опредѣляется личный составъ іерархіи; его повелѣніемъ собираются церковные соборы, онъ ставитъ имъ заданія, властно входитъ въ ихъ дѣлопроизводство, сообщаетъ своимъ утвержденіемъ обязательную силу ихъ постановленіямъ. Помимо его властной воли не могли быть рѣшены никакіе вопросы церковной дисциплины, богослужебнаго отряда, важное и мелкое, принципиальное и внѣшнее церковнаго обихода. При большомъ бытовомъ интересѣ церковнаго двора ко всему этому обиходу личная царская воля и личныя воззрѣнія государя получили для церкви крупное и постоянное значеніе.

А тамъ, гдѣ перекрещивались между собой общественные и матеріальные интересы церковныхъ учрежденій съ цѣлями и стремленіями государственной власти возникали трудно разрѣшимыя коллизіи. Существенныя и житейски-реальныя, эти коллизіи ставили съ большою остротой основной вопросъ о согласованіи церковнаго авторитета съ неограниченнымъ никакими нормами вотчиннымъ самодержавіемъ. Внутренняя принципиальная неразрѣшимость подобной задачи наложила свою печать на судьбы церкви въ Московскомъ царствѣ.

VII.

Овладевъ всеми нитями властвованія, московскій великій князь приступилъ съ рѣзкой рѣшительностью къ устройству такой ратной силы, которая была бы всецѣло въ прямомъ и непосредственномъ его распоряженіи. Упраздненіе самостоятельныхъ мѣстныхъ политическихъ властей приняло при Иванѣ III характеръ завоеванія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было при этомъ военныхъ дѣйствій, новый властитель дѣйствуетъ какъ въ завоеванной странѣ. Права населенія, ихъ гарантіи и удостовѣреніе въ актахъ и грамотахъ прежняго времени подвергаются ломкѣ и пересмотру подъ предлогомъ, что то грамоты „не самихъ великихъ князей“, а выданы только мѣстной, второстепенной правительственной властью. Въ смутные годы Василя Темнаго, князья, боровшіеся за вотчинныя владѣнія, выставляли требованіе, чтобы, при возвращеніи вотчичу земель изъ чужого захвата, для него не были обязательны акты пожалованія, отчужденія, даже купли, совершенные при прежней власти; такое требованіе было дальнѣйшимъ развитіемъ принятаго въ строѣ удѣльно-вотчиннаго владѣнія общаго правила, которымъ отрицалось землевладѣніе князей и бояръ въ предѣлахъ чужого княжества, по крайней мѣрѣ безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія мѣстной власти. Широко и послѣдовательно проводили это требованіе новгородцы въ своихъ договорахъ съ великими князьями, настаивая на кассации сдѣлокъ купли или иного приобрѣтенія, которыя его нарушили; а въ междукняжескихъ договорахъ оно лишь отчасти ограничивалось соглашеніями союзныхъ князей о со-

храненіи вотчинъ за вольными слугами, которые отбѣдутъ отъ одного князя на службу къ другому. Иванъ III обобщилъ эту традицію и придалъ ей новое значеніе, когда почувствовалъ себя вотчиннымъ государемъ на всѣхъ великорусскихъ княженіяхъ. Мѣстные права и отношенія должны для сохраненія законной силы получить утвержденіе и признаніе отъ его власти, единого источника всякаго гарантированнаго права. Такъ великокняжеская власть выдаетъ послѣ покоренія Твери тверскимъ боярамъ свои государскія грамоты на ихъ тверскія вотчины и жалуетъ ихъ заново боярскимъ званіемъ, зачисляя ихъ въ составъ великокняжескаго боярства. Но далеко не всегда дѣло сводилось къ такому только формальному дѣйствію, которое, впрочемъ, и само по себѣ имѣло большое принципиальное значеніе.

Великій князь—глава обширнаго государства—нуждался въ большой арміи и средствахъ ея содержанія. Въ центрѣ его воинской силы стоялъ его личный полкъ — „дворъ великаго князя“, преемникъ древней дружины. Организация новаго войска получила въ духѣ вотчинной власти характеръ расширенія этого великокняжескаго двора до размѣровъ великорусской государственной арміи, а первые шаги въ этомъ дѣлѣ, какъ моментъ собиранія власти, приняли форму увеличенія количества дворовыхъ слугъ великаго князя за счетъ „дворовъ“ младшихъ князей и бояръ. Исконная основа содержанія ратной силы—землевладѣльческій доходъ—требовала соответственнаго расширенія возможности распоряжаться достаточнымъ земельнымъ фондомъ. Великокняжеская власть устремляется въ рядѣ крутыхъ мѣропріятій къ пересмотру и перестройкѣ землевладѣльческихъ отношеній, подчиняя всякое частное право своей державной вотчинной волѣ.

„Переборъ“ людей и земель, примѣненный въ такихъ широкихъ размѣрахъ Грознымъ въ эпоху опричнины, сталъ очереднымъ дѣломъ въ политикѣ Ивана III по отношенію къ нѣкоторымъ изъ областей, вновь подчиненныхъ его непосредственному властвованію. Особо грозный характеръ получилъ

этотъ приемъ властнаго дѣйствія въ сочетаніи съ старинной мѣрой репрессій противъ непокорныхъ областей — „вывода“ изъ нихъ цѣлыхъ группъ населенія, какой примѣненъ былъ, напримѣръ, къ Рязани еще Всеволодомъ III Большимъ Гнѣздомъ. Такой „выводъ“ былъ видомъ опалы и кары, но, по существу, подъ его грозной и гнѣвной формой, осуществлялись инныя цѣли — организаціонныя и военно-колонизаціонныя, какъ сосредоточеніе военно-служилыхъ силъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ или ихъ стягиваніе къ правительственному центру.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ XV вѣка Иванъ III снялъ ярославскихъ князей съ ихъ родовыхъ насиженныхъ гнѣздъ; „простились они со всѣми своими вотчинами навѣкъ, подавали ихъ великому князю Ивану Васильевичу“, а онъ далъ имъ взамѣнъ волости и села въ иныхъ своихъ владѣніяхъ, вырвавъ съ корнемъ ихъ прежнее мѣстное вліяніе. Княжеская власть надъ Ярославской землей перешла въ руки московскаго боярина-наместника, который „отписываетъ на государя“ села и деревни мѣстныхъ землевладѣльцевъ, записываетъ въ великокняжескую дворцовую боевую службу мѣстныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Такая запись мѣстныхъ служилыхъ землевладѣльцевъ въ государеву службу производилась, несомнѣнно, и въ другихъ областяхъ: такъ организованы кадры ратной силы — разныхъ ярославцевъ, дмитровцевъ, кашинцевъ и т. п., которые „служатъ великому князю“. Это была служба личная; не все мѣстное населеніе, годное въ службу по личнымъ свойствамъ и землевладѣльческому положенію, втягивалось въ нее, а съ выборомъ и въ порядкѣ принудительнаго перечисленія за великаго князя мѣстныхъ бояръ и дворянъ — въ дѣти боярскіе его государева двора. При Василии III эта практика сложилась въ нормальную систему: „каждые два или три года, такъ сообщать баронъ Герберштейнъ, государь производитъ наборъ по областямъ и переписываетъ дѣтей боярскихъ съ цѣлью узнать ихъ число и сколько у кого лошадей и служителей“, а служить они „по достаткамъ своего имуще-

ства“ ратную службу, отъ которой рѣдко дается отдыхъ, по мѣстнымъ уѣзднымъ спискамъ. Но далеко не всѣхъ князей-вотчинниковъ постигла судьба ярославскихъ отчичей; большинство осталось „княжатами“ на своихъ земляхъ, крупными привилегированными вотчинниками. И втеченіе XVI вѣка не мало мелкаго служилаго люда, по старому, служить не великому князю, а этимъ княжатамъ и близкимъ къ нимъ по положенію боярамъ или церковнымъ властямъ; только грозы опричнины и мѣропріятія послѣднихъ десятилѣтій царствованія Ивана Грознаго завершили начатое его дѣдомъ.

Паденіе вольности Великаго Новгорода сопровождалось „выводомъ“ и „переборомъ“ людей и земель въ весьма широкихъ размѣрахъ. Принявъ Новгородъ подъ свою державу, Иванъ III велѣлъ распустить изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилыхъ людей и зачислить ихъ на свою государеву службу. А новгородскіе бояре и дѣти боярскіе били челомъ и приказывались въ службу великому князю. Но дѣло на томъ не кончилось. Политическое броженіе новгородскаго общества дало Ивану III поводъ вывести изъ Новгородской земли въ нѣсколько приемовъ все мѣстное боярство и отписать за себя его вотчины. Эти бояре поселены были на земляхъ, пожалованныхъ имъ въ Московской области, и вошли въ составъ московскаго служилаго люда. Повидимому, значительная часть новгородскаго боярства удержалась, притомъ, въ боярскомъ званіи; по крайней мѣрѣ среди бояръ Московскаго государства встрѣчаемъ затѣмъ рядъ новгородскихъ фамилій; другіе вошли въ разрядъ второстепенныхъ государевыхъ слугъ — дѣтей боярскихъ и дворянъ. Но выводъ новгородскій не ограниченъ боярами; къ концу восьмидесятихъ годовъ XV вѣка онъ захватилъ большое число житыхъ людей и купцовъ, а на ихъ мѣсто переведены московскіе дѣти боярскіе и купцы, которыхъ великій князь пожаловалъ дворами и землями высланныхъ „на Низъ“; а тѣ разселены по городамъ Московскаго государства. Самый размѣръ этихъ перетасовокъ выходитъ за предѣлы простой репрессивной мѣры. Въ этихъ суровыхъ и

рѣзкихъ формахъ проходить передъ нами, съ одной стороны, организація на развалинахъ новгородскаго народоправства государственой ратной службы въ новгородской окраинѣ Московскаго государства: обширныя конфискаціи владычныхъ, монастырскихъ и боярскихъ земель, частью за дѣйствительную или мнимую „вину“, частью подъ предлогомъ, что это старинныя земли великихъ князей, освоенныя новгородцами въ періодъ упадка княжеской власти въ Новгородѣ, дали въ руки великокняжескому правительству значительный земельный фондъ, который пошелъ на содержаніе служилыхъ людей, а частью на оброчныя волости — доходныя статьи княжеской казны. А, съ другой стороны, въ этихъ мѣропріятіяхъ видимъ первые, революціонные по приѣмамъ, опыты той политики искусственнаго сосредоточенія къ московскому центру руководящихъ общественныхъ силъ и средствъ торгово-промышленнаго капитала, которая такъ характерна для московскаго государственнаго строительства. При Василии III такому же выводу подверглись верхи псковскаго общества; великій князь „поималъ ихъ къ себѣ“. Поистинѣ не было преувеличенія въ словахъ Герберштейна, что великокняжеская власть распоряжается по своей волѣ жизнью и имуществомъ всѣхъ.

Въ новомъ военномъ строѣ не могло быть мѣста ни союзнымъ, ни служебнымъ князьямъ, которые выступаютъ во главѣ своихъ полковъ, какъ особыхъ тактическихъ единицъ, и на ратномъ полѣ стоять рядомъ съ великокняжескимъ войскомъ, „гдѣ похотятъ“. Единство организаціи и командованія, планомѣрность боевого дѣйствія требовали ихъ превращенія въ государевыхъ воеводъ. Устройство ратной силы, базированное на служиломъ землевладѣніи, встрѣчало противорѣчіе въ полнотѣ вотчинныхъ правъ и должно было ее сломить ради перехода въ руки государственной власти распоряженія личными, годными въ службу, силами населенія и земель, какъ источникомъ служилого обезпеченія. „Старина и пошлина“ частныхъ правъ отступаетъ по всей линіи подъ напоромъ самодержавной власти и нужды „государева дѣла“. Царская власть по-

слѣдовательно проводить во вторую половину XVI вѣка отрицаніе добровольной частной службы и зависимости свободныхъ людей, которые вступленіемъ въ нее ускользали отъ требованій государства. Частная служба такого рода трактуется законодательствомъ, какъ холопство. Только холопство еще признается видомъ зависимости отъ частновладѣльческой власти, которая выводитъ человѣка изъ прямого отношенія къ государственной власти. Передъ свободнымъ человѣкомъ ребромъ становится вопросъ: стать холопомъ частнаго лица или признать себя слугою государя. Царскій Судебникъ ограничиваетъ и свободное разрѣшеніе этой дилеммы, запрещая служилымъ дѣтямъ боярскимъ и ихъ дѣтямъ, которыя еще не несли службы, поступать къ кому-либо въ холопы, кромѣ тѣхъ, кто отставленъ отъ службы. Указное законодательство требуетъ уничтоженія служилыхъ кабалъ, выданныхъ на себя дѣтьми боярскими, преслѣдуетъ добровольную службу „безъ крѣпости“, создаетъ внутренне-противорѣчивое представленіе о „добровольномъ холопствѣ“, настаивая на опредѣленіи и полной ясности положенія путемъ закрѣпленія въ холопствѣ такихъ „добровольныхъ“ слугъ, а въ борьбѣ съ фиктивными сдѣлками, которыя прикрывали частную зависимость долговыми обязательствами, начинаетъ трактовать кабалныхъ людей, какъ „холоповъ“, проводя рѣшительную грань между граждански-полноправнымъ положеніемъ, которое обусловлено непосредственнымъ подчиненіемъ лица государственной власти, и всякой частной зависимостью, какъ холопствомъ. Этотъ процессъ все болѣе глубокаго проникновенія государственнаго начала въ сферу частныхъ отношеній разрушалъ „сеньорьяльные“ отношенія стараго строя, но неизбежно перешелъ затѣмъ въ разрушеніе самаго института холопства созданіемъ его „условныхъ“ и „срочныхъ“ формъ, пока привлеченіе холоповъ къ государственной повинности не прекратило самого существованія этого учрежденія. Упраздняя шагъ за шагомъ средостѣніе частновладѣльческой власти между собой и живыми силами населенія, самодержавная власть развиваетъ, съ дру-

гой стороны, свой вотчинный, владѣльческій типъ послѣдовательной политикой въ области служилой организаціи землевладѣнія.

Всѣ люди, годные въ службу государеву дѣлу, должны ее нести; всѣ земельныя имущества, организованныя въ болѣе или менѣе значительныя землевладѣльческія хозяйства, должны быть предназначены на обезпеченіе такой службы. Указомъ 1556-года „о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впередъ служить“ царь Иванъ Грозный установилъ опредѣленный размѣръ ратной службы землевладѣльцевъ: „со ста четвертей (около 50 десятинъ) доброй угодной земли человекъ на конѣ и въ dospѣхѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конѣ“. Эта норма касалась всѣхъ владѣльческихъ земель, безъ различія ихъ правового положенія; всѣ должны нести „уложеную службу“. Но проведеніе въ жизнь такого принципа требовало регламентаціи самаго размѣра и распредѣленія землевладѣнія въ зависимости отъ задачъ и условій организаціи ратной силы.

Крутые приемы, съ какими приступилъ къ этому дѣлу великій князь Иванъ III, должны были глубоко встревожить мѣръ крупныхъ землевладѣльцевъ. Отдѣльныя и массовыя конфискаціи съ „выводомъ“ владѣльцевъ изъ насиженныхъ гнѣздъ для ихъ „испомѣщенія“ въ иныхъ мѣстностяхъ грозили, казалось, полнымъ разгромомъ вотчиннаго землевладѣнія. Великій князь Иванъ III оставилъ за князьями многія ихъ вотчины въ родовомъ владѣніи, но сузилъ само вотчинное право запрещеніемъ ихъ отчуждать по волѣ владѣльца; при Василии III эти ограниченія сложились въ цѣлое „уложеніе“ и распространены на второстепенныхъ вотчинниковъ—дѣтей боярскихъ. Эти постановленія были подтверждены верховной властью въ началѣ самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго, но въ эпоху дѣятельности „избранной рады“—интимнаго совѣта при молодомъ царѣ, утратили, въ значительной мѣрѣ, силу. Вліятельный кружокъ протопопа Сильвестра и А. Ѳ. Адашева стремился сгладить напряженныя отношенія между самодер-

жавной властью и ея родословными слугами, провѣлъ возвращеніе многихъ вотчинныхъ владѣній въ княжескія и боярскія руки, дѣйствовалъ въ духѣ умиравшей „старины и пошрины“, сдерживая царское самовластіе. „Политическое противорѣчіе“ между строемъ государственной власти и социальнымъ укладомъ правящей среды, такъ ярко охарактеризованное въ трудахъ В. О. Ключевского, отъ этого только обострилось и нашло бурное разрѣшеніе въ судорожномъ разгромѣ боярской среды кровавыми казнями, а боярскаго землевладѣнія „переборомъ земель и людей“ цѣлыми уѣздами въ эпоху опричнины. Законодательство шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ XIV вѣка обрушилось, преимущественно, на старинныя княжескія вотчины. Съ одной стороны, онѣ представляли собой наиболѣе крупную социально-политическую силу, а, съ другой, были обломками прежней удѣльно-вотчинной княжеской самостоятельности, причемъ, однако, ихъ превращеніе въ обычныя вотчины съ широкимъ правомъ отчужденія и распоряженія противорѣчило, по существу, идеѣ сосредоточенія всей княжеской власти на Руси въ рукахъ государя великаго князя и старой традиціи объ ихъ семейно-княжескомъ характерѣ съ правомъ перехода къ прямымъ вотчичамъ, но съ притязаніемъ великаго князя на всѣ выморочныя вотчинныя княжества, которое Иваномъ III возведено въ общую норму московскаго княжого права. Указное законодательство Ивана Грознаго воспретило князьямъ всѣ виды отчужденія вотчинъ—продажу, отдачу въ монастыри, мѣну, дареніе; проводило тѣсное представленіе о вотчичахъ, какъ родныхъ только сыновьяхъ, поставило переходъ вотчинъ въ инныя руки въ зависимость отъ особаго на каждый разъ соизволенія государя, ограничило долю вдовъ и дочерей въ наслѣдованіи, свѣдя ее къ временному пользованію „на прожитокъ“. Вотчинное землевладѣніе, подчиненное общей нормѣ службы съ земли, должно было принять характеръ части государственнаго земельного фонда, съ опредѣленіемъ объема правъ владѣльцевъ въ прямой зависимости отъ потребностей „государева дѣла“ и

общей земельной политики правительства. Сложнее было дело с церковным землевладением. Обязанность военной службы и на нем лежала; митрополичьи отряды шли в войско великого князя, подобно княжеским, под командой особых, митрополичьих воевод; в Новгород владычный полк составлял особую боевую единицу, подвластную архиепископу; и все святительские и монастырские вотчины давали воинскую силу, подобно боярским. Значение церковных земель, как фонда, обеспечивавшего ратную силу, не могло не привести к постановке вопроса о дальнейшем использовании их на государево дело, и вопрос этот стал крайне остро при Иване III. Не только общая презумпция верховного права великокняжеской власти на всю землю княжения, обусловленная вотчинным характером этой власти, но и особые отношения ее к церковным учреждениям, особенно к землевладельцам-монастырям внушали великому князю притязание на прямое распоряжение церковными землями. Пересмотр владычного и монастырского землевладения в Новгородской области привел к отписке на государя значительной его части, насколько знаем, без протеста со стороны русских церковников. Осуществляя эту меру, Иван III выдвинул утверждение, что, по существу, это земли государя великого князя, неправильно освоенные церковными учреждениями; потому неправильно, что по постановлениям новгородской вѣчевой власти, а не по единственному основанию признанного, с московской точки зрения, права — великокняжеским пожалованиям. Дело не ограничилось предѣлами Новгородской области. В к. Иван III приступил к пересмотру владѣльческих прав монастырей-землевладельцев в более широких размахах; грамоты, удостоверяющие способ приобретения вотчин — данья, купчая, мѣновья — взяты в казну великого князя, например, у Кирило-Бѣлозерскаго монастыря; в пригородных слободах великокняжеские писцы отбирали на государя монастырские дворы, оставляя за монастырями только некоторые, в указном числѣ. В то же время в к. Иван III устана-

вливает ряд ограничений для расширения церковного землевладения в будущем, запрещает — по крайней мере в отдельных областях — церковным учреждениям приобретать вотчины, а князьям и боярам отдавать их в монастыри. Поход на церковное землевладение сопровождался расширением иного способа содержания церковных учреждений, так называемой „ругой“, т. е. выдачей из государственной казны соответственных средств деньгами и натурой; так, закончив цикл новгородских конфискаций отпиской, с благословения митр. Симона, земель и угодий для надѣления служилых людей, Иван III дает, с другой стороны, грамоту на ругу со всех новгородских пятин Софийскому собору. Исследователь „попыток к обращению в государственную собственность поземельных владѣний русской церкви в XVI вѣкѣ“, А. П. Павлов склонялся к признанию, что в этих мѣропріятіях крылась цѣльная программа перестройки на новых основаниях всей системы содержания церковных учреждений. Принятые на государево иждивение, они вошли бы тѣсно и покорно в рамки его вотчинного владения.

Но церковь встала решительно и гнѣвно на защиту своего достоинства. В „чинѣ православія“ — на первой недѣлѣ великаго поста — появился возгласъ: „все начальствующіе обидяще святія Божія церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данья тѣмъ села и винограды, аще не престануть отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты“, предостережение, к которому через триста лѣтъ прибѣг и ростовскій архіепископъ Арсеній Маѣвничъ в попыткѣ противоѣствовать секуляризаци церковныхъ имѣній императрицей Екатериной II. Выступили церковники и с болѣе спокойными аргументами. Знаменитый Волоколамскій игуменъ Іосифъ поставилъ вопросъ о церковномъ землевладѣніи в своихъ посланіяхъ на почву русской правовой традиціи и житейской практики. Игуменъ-полемистъ какъ бы даетъ великому князю урокъ по исторіи русскаго права в опроверженіе его отрицаній законности этого вла-

дѣнія: разъясняетъ, что монастырское и вообще церковное землевладѣніе имѣетъ два историческихъ и правовыхъ основанія въ ктиторовствѣ и въ княжескихъ пожалованіяхъ. Ктиторы, созидатели обителей, обеспечивали ихъ имуществами, которыя на вѣки вѣчныя получали религиозное назначеніе, какъ даръ благочестивыхъ людей Богу, ради вѣчнаго поминовенія памяти жертвователей во спасеніе ихъ душъ; князья утверждали и охраняли эти владѣнія заклітіемъ на нарушителей церковныхъ правъ съ угрозой проклятія въ семь вѣкѣ и въ будущемъ. Въ поддержку вывода неприкосновенности этихъ имуществъ изъ раскрытія источниковъ и святости правъ на нихъ Церкви, Іосифъ выдвигаетъ моральное оправданіе матеріальныхъ средствъ Церкви—въ обеспеченіи церковнаго благолѣпія и церковной благотворительности, въ значенія монастырей, какъ культурныхъ учреждений, какъ школы для будущихъ іерарховъ изъ „почетныхъ и благородныхъ“ лицъ, принявшихъ постригъ.

Однако, на церковномъ соборѣ 1503 года былъ поднятъ вопросъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, у монастырей впредь не было вотчинъ, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились своимъ трудомъ. Іосифъ Волоколамскій приписываетъ починъ этой постановки вопроса великому князю Ивану III, который-де захотѣлъ отнимать села у церквей и монастырей. Но выступила съ такимъ требованіемъ группа церковныхъ идеалистовъ-нестяжателей въ лицѣ своего учителя и руководителя Нила Сорскаго. Однако, сама постановка вопроса на почвѣ соборнаго разсмотрѣнія, какъ дѣла церковнаго, только подчеркивала слабую сторону позиціи, занятой великокняжеской властью, и не спасла ея отъ пораженія. В. к. Ивану III пришлось отступить отъ слишкомъ смѣлыхъ и прямолинейныхъ плановъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Впрочемъ, такое отступленіе не означало какой либо побѣды Церкви надъ ея окрѣпшею и глубоко укоренившеюся зависимостью отъ государя. Въ частности, въ рукахъ свѣтской власти осталось прямое средство привлекать монастырскія и святительскія вотчины къ нуждамъ ратнаго дѣла: испомѣщеніе на ихъ зе-

мляхъ служилыхъ людей. Іосифъ Волоцкій строго осуждалъ митрополита Серапіона за раздачу церковныхъ земель боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Конечно, тутъ рѣчь идетъ о свѣтскихъ лицахъ митрополичьего двора, но такіе церковные слуги не были освобождены отъ государственной военной службы, а должны были выступать въ походъ съ вотчинными вооруженными войнами и „даточными“ людьми. Притомъ, съ реорганизаціей всего военного строя, исчезло самостоятельное значеніе особыхъ митрополичьихъ воеводъ, и контингенты такихъ войновъ входятъ въ государевы полки наравнѣ съ другими. Получился извѣстный компромиссъ между требованіями великокняжеской власти и привилегіями крупныхъ духовныхъ вотчинниковъ, усиленный практикой назначенія на церковныя должности по волѣ великаго князя, подчиненіемъ свѣтской власти—ея выбору и контролю—назначенія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, ея вмѣшательствомъ во все хозяйственное управленіе и дисциплинарное завѣдываніе монастырями и епархіями черезъ Приказъ Большаго Дворца и непосредственными царскими распоряженіями. Особое средство самозащиты отъ крутыхъ проявленій самодержавнаго властвованія, вѣсь церковнаго авторитета не устранилъ отъ духовныхъ владѣльцевъ такого же подчиненія ихъ вотчинъ государственной власти, какое сложилось и для бояръ вотчинниковъ.

Подчинившись требованіямъ свѣтской власти, вотчинное землевладѣніе вошло въ строй Московскаго государства какъ существенный его элементъ, но не вполне согласованный съ его принципиальной, самодержавно-вотчинной основой. Особенности княжеско-боярскаго землевладѣнія не выдержали этого противорѣчія и разбиты въ бурныя времена опричины. Церковныя вотчины дольше сохраняли черты своей старины, медленно приспособляясь къ окружающему укладу жизни, и только XVIII вѣкъ преодолѣлъ эти черты, и то послѣ большихъ колебаній и моментовъ реакціи къ прежнему строю отношеній.

VIII.

Развитіе вотчиннаго землевладѣнія (свѣтскаго) было съ древнѣйшихъ временъ въ тѣсной связи съ переходомъ отъ первоначальнаго строя дружины къ организаціи территориальныхъ (помѣстныхъ — въ основномъ значеніи этого слова) войскъ. Уже въ концѣ Кіевского періода все чаще встрѣчаемъ опредѣленіе дружинъ не по именамъ князей, а по городамъ (дружина владимірская, кіевская и т. д.). Такія дружины-отряды мѣстныхъ землевладѣльцевъ были сгруппированны вокругъ своего городского центра. Ихъ прямое наслѣдіе — отряды уѣздныхъ вотчинниковъ, которые служатъ великому князю въ XV вѣкѣ. Мѣропріятія Ивана III и его преемниковъ расширили и упорядочили ихъ организацію, но этимъ далеко не ограничились. Великокняжеская власть беретъ за энергичное творчество въ развитіи помѣстныхъ войскъ и ихъ земельного обезпеченія и создаетъ обширную систему помѣстнаго верстанья, все углубляя свою силу по распоряженію земельными фондами Великороссіи. Пользованіе селами и деревнями изъ состава владѣльческой земли для содержанія слугъ надѣленіемъ ихъ хозяйственными участками на началахъ условнаго владѣнія было давнимъ приѣмомъ въ монастырскихъ, владычныхъ, митрополичьихъ, боярскихъ и княжескихъ (дворцовыхъ) имѣніяхъ. Этой практикой создавался особый видъ землевладѣнія, которое возникало и прекращалось вмѣстѣ со службой, не сообщая служилову человѣку права распоряженія имѣніемъ, не отвердѣвая до вотчиннаго права. Верстаніе въ государеву службу многихъ

людей при Иванѣ III сопровождается ихъ надѣленіемъ такими помѣстьями, а съ середины XVI вѣка слагается въ цѣлую систему устройства служилаго класса и управленія имъ.

Царскій указъ 1556 года имѣлъ въ виду установить такое „строеніе воинству“, чтобы царская служба была вправду, „безъ лжи“. Государь находилъ, что многіе овладѣли излишними землями, а службой оскудѣли, такъ что служба ихъ не противъ государева пожалованія и собственнаго ихъ вотчиннаго владѣнія; установилъ „уложеную службу“ съ земли въ точно опредѣленномъ размѣрѣ и повелѣлъ для уравниенія ея, смотря по количеству земли, произвести землемѣріе въ помѣстьяхъ, отобрать „преизлишки“ и раздѣлить ихъ между немущими. Это былъ тотъ же, по существу, переборъ людей и земель, какой производилъ въ свое время Иванъ III; но, освобожденный отъ порывистаго и революціоннаго характера, онъ укладывается въ дѣловыя рамки постоянной правительственной работы.

Правительственная работа по устроенію воинства началась раньше этого указа организаціей знаменитой въ исторіи служилаго класса „московской тысячи“. Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ въ 1550 году сосредоточить въ Москвѣ тысячу „лучшихъ слугъ“, дѣтей боярскихъ вмѣстѣ съ боярами и окольными, которые должны быть всегда готовы „въ посылки“ по правительственнымъ порученіямъ. Кто имѣлъ вотчины недалеко отъ Москвы — служить эту „московскую“ службу съ вотчины, а у кого въ данной мѣстности земли нѣтъ — получаетъ помѣстье; помѣстья даются и въ придачу къ вотчинамъ, если онѣ недостаточны для обезпеченія служилаго челоѣка и его служебной годности. Эта тысяча должна была впредь пополняться, преимущественно, сыновьями тысячниковъ, и только при ихъ непригодности „приборомъ“ со стороны. Служба „по московскому списку“ стала мечтой и вѣнцомъ карьеры провинціального служилаго люда. Но проникали въ него заслуженные люди изрѣдка и съ трудомъ, въ порядкѣ исключительной награды и милостиваго пожалованія: москов-

ский список быть въ значительной мѣрѣ забронированъ началомъ „отечества“.

Одновременно съ составленіемъ первой „Тысячной книги“ — списка первыхъ тысячниковъ, московскіе дѣятели приступили къ работѣ надъ „Государевымъ родословцемъ“; въ него внесены фамилии знатнѣйшихъ и ближайшихъ къ царскому престолу княжескихъ и боярскихъ родовъ: очерчивался и опредѣлялся основной кругъ родословныхъ людей-носителей мѣстныхъ привилегій. Къ тому же общественному слою принадлежали и „тысячники“ первой статьи — младшіе члены боярскихъ родовъ, которые и сами постепенно проходятъ въ составъ думнаго боярства. Родословна и вторая статья тысячниковъ, — и въ ней есть лица первостепеннаго по мѣстничеству боярства, а остальные — второстепенная знать, выходившая на пути придворнаго и должностнаго возвышенія къ чинамъ думнаго боярина или окольничаго. Пестрѣ по социальному составу третья статья Тысячной книги — наиболѣе людная по количеству: тутъ рядомъ съ „молодыми службою“ членами родословныхъ семей видимъ не мало выходцевъ изъ рядового уѣзднаго дворянства, даже бывшихъ новгородскихъ боярскихъ послужильцевъ; сюда „прибирали“ больше по служебной годности, чѣмъ по признаку „отечества“, но сама запись въ московскій списокъ выдѣляла служилую семью изъ рядовой массы и давала впредь ея членамъ преимущество къ возвышенію въ службѣ и общественномъ положеніи.

И вся масса провинціального служилаго люда тянулась къ московскому центру по служебнымъ и землевладѣльческимъ интересамъ. Она подѣлена — въ каждомъ уѣздѣ — на три статьи. Первую, высшую, составляли „изъ городовъ выборъ“ — отборные уѣздные служилые люди, которые періодически „годовали“, обычно по 3 года, въ Москвѣ для несенія московской службы въ дополненіе къ тысячникамъ. Эта „московская служба“ требовала все больше дѣятельныхъ силъ. Несшихъ ее посылали во всякія „посылки“, назначали на воеводства и осадными головами, ставили во главѣ отрядовъ ратной уѣзд-

ной силы, служилыхъ инородцевъ, казаковъ или стрѣльцовъ и т. п. Служба въ „выборѣ“ открывала отдѣльнымъ лицамъ путь къ прямому переходу въ составъ „московскаго списка“; но главное ея общественное вліяніе — въ выдѣленіи на мѣстахъ руководящей группы „выборныхъ“ дворянъ каждаго уѣзда. Вторую провинціальную статью составляли „дворовые“ дѣти боярскіе — основная боевая сила, ходившая всѣмъ городомъ въ ближніе и дальніе походы „конной, людной и оружной“; третья статья — „городовыхъ“ служилыхъ людей несла, преимущественно, гарнизонную, осадную и милиціонную службу на мѣстахъ.

Такъ весь строй военно-служилаго землевладѣльческаго класса расположенъ въ стройной іерархіи, примѣнительно къ организациі его государственной службы. Но распределеніе его личнаго состава по категоріямъ не сводилось къ одному признаку, не опиралось на единый критерій. Основные задачи всей организациі выдвигали значеніе служебной годности по личнымъ свойствамъ и исправности служилаго человѣка, но по всей постановкѣ дѣла она, съ другой стороны, обусловлена имущественной обеспеченностью землевладѣльца, который долженъ выступать въ походъ „коненъ, люденъ и оруженъ“, по нормѣ — „человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣхъ полномъ, а въ дальній походъ о дву конѣ“. Московская служба была еще расходнѣе; посылки и посольства приходилось выполнять, въ значительной мѣрѣ, на собственный счетъ. Государево денежное жалованье выдавалось изрѣдка — черезъ два года въ третій или по особымъ распоряженіямъ, въ скудномъ размѣрѣ и въ видѣ пособія или награды за особо-исправную и сверхурочную службу. Государево дѣло опиралось на эксплуатацію не только личныхъ силъ, но и матеріальныхъ средствъ служилаго люда. Зато правительственная власть сама и создавала эти средства, надѣляя служилыхъ людей помѣстьями въ дополненіе и взаменъ вотчинъ. Создавало оно и самый служилый классъ, развивая его количественный составъ новыми и новыми „верстаніями“. Никакой, по существу, общественной самостоятельности за

такимъ классомъ оставаться не могло. Весь онъ, во всемъ бытіи своемъ, функція правительственнаго строя. Мѣстныя общественныя связи—по уѣздамъ—созданы и обусловлены территоріальнымъ укладомъ мобилизаціонныхъ группировокъ и порядками управленія всѣмъ служилымъ дѣломъ. Периодическіе пересмотры уѣзднаго служилаго люда присланными изъ Москвы „разборщиками“, составленіе списковъ—уѣздныхъ десятень—съ распредѣленіемъ служилыхъ людей по статьямъ происходили при отвѣтственномъ участіи окладчиковъ, выбранныхъ уѣзднымъ дворянствомъ, которое являлось группой, отвѣтственной за добросовѣстность „разбора“. Эти операціи имѣли значеніе не только для построенія служилой іерархіи „статей“. Ими опредѣлялось и верстаніе помѣстными окладами, отъ которыхъ зависѣли—почти никогда, впрочемъ, ихъ не достигая—фактическія земельныя „дачи“. Нѣкоторое внутреннее противорѣчіе вносило во всю эту правительственную работу надъ служилымъ классомъ то значеніе, какое при всемъ томъ, имѣло начало „отечества“, родового происхожденія служилаго человѣка. Разверстывали служилыхъ людей на статьи не только „по службѣ и по прожиткамъ“, но и по „отечеству“. Лишь сочетаніе всѣхъ трехъ разнородныхъ признаковъ опредѣляло положеніе служилаго человѣка. Поэтому и родословный человѣкъ могъ „захудать“ при лично-служебныхъ и матеріальныхъ неудачахъ, и неродословный могъ пробиться вверхъ, до московскаго списка, включительно, а при исключительно удачныхъ условіяхъ—и выше, и тѣмъ создать новое, высшее „отечество“ для своихъ потомковъ. „Породой государь не жалуется“, но мимо государева пожалованія „породѣ“ грозитъ захуданіе, а сила его можетъ создать и новую „породу“. Во всю эту помѣстную систему втянуто своей служилой стороной и вотчинное землевладѣніе, разлагается въ ней, теряя постепенно свои специфическія черты особаго правового института, и сходитъ на уровень условнаго служилаго землевладѣнія.

Организація военно-служилой силы не могла ограничиться

устройствомъ службы дворянъ и дѣтей боярскихъ. Потребности постоянной обороны окраинъ создавали новыя и новыя трудности. Такъ въ упорномъ наступленіи къ югу московская власть выдвигаетъ все дальше отъ центральныхъ областей укрѣпленную границу, то обгоняемая въ этомъ движеніи вольной народной колонизаціей, то увлекая ее за собой. Закрѣпленіе и оборона границъ и всей украины вызвала появленіе новыхъ городовъ и городковъ. Для „государева дѣла“ привлекаютъ сюда мѣстныя боевыя силы казаковъ съ ихъ атаманамъ; организуется рядъ гарнизонныхъ отрядовъ путемъ перевода и добровольнаго перехода ратныхъ людей изъ другихъ мѣстностей и путемъ „прибора“ на службу „вольныхъ гулящихъ людей“. Для содержанія всего этого „новослужилаго“ люда создается мелкопомѣстное землевладѣніе, часто путемъ надѣленія цѣлой группы служилыхъ людей въ общей межѣ общей „дачей“. Въ немаломъ числѣ эти мелкіе ратные люди выходили изъ среды крестьянъ-переселенцевъ, которые сажались тутъ на „приборную службу“. Слагался особый, пестрый, измѣнячивый по личному составу, своеобразный низшій слой военно-служилаго люда, который жилъ крестьянскимъ хозяйствомъ и бытомъ, а занималъ, по своему социальнo-экономическому типу, среднее положеніе между дворянами „меньшихъ статей“ и крестьянствомъ. Эти предки будущихъ однодворцевъ стоятъ внѣ системы помѣстнаго войска, какъ служилые люди „по прибору“ въ отличіе отъ тѣхъ, чье общественное положеніе и самосознаніе нарождающагося сословнаго типа выдвигаютъ начало службы „по отечеству“.

Вся эта организація военно-служилыхъ общественныхъ группъ, непосредственно и крѣпко зависимыхъ отъ центральной власти, ковала для царскаго престола новыя нити властвованія надъ страной, взамѣнъ прежнихъ. Боярство теряетъ свое основное государственно-политическое значеніе. Крупное землевладѣніе—средневѣковаго феодальнаго типа—отступаетъ передъ новой социальной силой средняго и мелкаго служилаго землевладѣнія помѣщиковъ и вотчинниковъ.

IX.

Строй служилаго класса и служилаго землевладѣнія сосредоточивалъ въ распоряженіи верховной власти не только личныя силы Московской Руси, годныя въ боевую службу, но и ея землевладѣльческія средства. Организациа торгово-промышленнаго класса проводила въ жизнь тѣ же тенденціи по отношенію къ дѣятельнымъ силамъ торгово-промышленной среды и торгово-промышленному капиталу.

По покореніи Новгорода, правительство Ивана III распро-
странило на Новгородскую область свои порядки сбора торговых пошлинъ—тамги (съ цѣны товара), мыта (съ провоза), вѣсчаго, помѣрнаго и т. п., и обратило особое вниманіе на постановку областного-провинціального торгова. Княжеская власть Великороссіи боролась, въ своихъ фискальныхъ цѣляхъ, съ вольнымъ волостнымъ и сельскимъ торгомъ—въ развозъ и въ разнось, который ускользалъ отъ наблюденія ея агентовъ и пошлинныхъ платежей. Извѣстны указы в. к. Ивана III о концентраціи торговли пріѣзжихъ купцовъ въ городахъ и указныхъ торговыхъ пунктахъ съ запретомъ торговать въ разѣздъ по волостямъ и монастырямъ; такой мелкій торгъ разрѣшается только мѣстнымъ жителямъ, а мотивъ: торгуютъ беспошлинно. Правительственными указами устанавливаются пункты разрѣшенной ярмарочной торговли, подъ страхомъ конфискаціи всего товара за нарушеніе подобныхъ предписаній. Новые торговые пункты возникаютъ либо по правительственному почину, либо по ходатайству населенія. Происходитъ иной разъ переводъ торгова изъ одного мѣста въ другое; раз-

рѣшается открытіе ярмарочной торговли въ новомъ мѣстѣ, но при условіи, что оно отстоитъ достаточно далеко отъ сосѣдняго стараго торгова, чтобы не составлять ему серіозной конкуренціи, которая вызвала бы недоборъ въ обычныхъ торговыхъ пошлинахъ.

Эта регламентациа внутренней торговли привела, въ духѣ организаціонныхъ пріемовъ московской власти, и къ принудительному переводу торгово-промышленныхъ людей изъ одного города въ другой. Сокрушая былую силу Новгорода, Иванъ III подвергъ выводу не только бояръ, но и житыхъ людей и многихъ купцовъ новгородскихъ. Трудно сомнѣваться, что у этой политической мѣры была и государственно-экономическая сторона. Торговая политика Ивана III по отношенію къ Новгороду имѣла въ виду больше направленіе внѣшней торговли, чѣмъ воздѣйствіе на распорядки внутренняго торгова. Въ союзъ съ Даніей началъ онъ вѣковую борьбу Россіи за свободу Балтійскаго морского пути отъ шведскаго засилія, и, въ то же время, подавляетъ новгородскую ганзейскую торговлю, чтобы перетянуть западныя торговыя сношенія къ Москвѣ. Въ постепенномъ ростѣ централизаціи Великороссіи видную роль играетъ, съ той поры, послѣдовательное сосредоточеніе въ Москвѣ рѣшительными мѣрами правительства наиболѣе значительныхъ и дѣятельныхъ торгово-промышленныхъ силъ, товаровъ, иноземной торговли. Въ Москву переводятся по царскимъ указамъ провинціальные торговые люди, которые выдѣлились „по городамъ“ размѣрами торговыхъ оборотовъ, промышленники разнаго промысла, ремесленники нужныхъ государеву дворцу и столицѣ ремеселъ, какія достигли особаго развитія въ той или иной мѣстности. Слагается, во второй половинѣ XVI вѣка, цѣльная система организаціи торгово-промышленнаго класса, аналогичная строю служилаго люда. И этотъ классъ долженъ всецѣло подчиниться требованіямъ „государева дѣла“ во всей своей дѣятельности, во всемъ своемъ профессиональномъ быту. На верху этого класса стоитъ группа крупнѣйшихъ торговцевъ-капиталистовъ,

гости торговые, руководители оптовой торговли, внутренней особенно, иноземной. Это званіе становится „чиновнымъ“ и, государь жалуетъ торговаго человѣка „гостинимъ именемъ“, и такое пожалованіе вводило купца въ ряды „гостей большихъ“, которыхъ честь охранялась, по царскому Судебнику, взысканіемъ за безчестіе въ десять разъ большимъ, чѣмъ за оскорбленіе рядового посадскаго человѣка. Гости изъяты изъ связей круговой поруки по платежу чернаго посадскаго тягла, потому что они люди не тяглые, а именитые бѣломѣстцы. Наравнѣ со служилыми людьми владѣютъ они вотчинами, а подсудны центральному великокняжескому суду, обычно—въ лицѣ боярина, вѣдающаго государеву казну.

Эти гости торговые—главный финансовый штабъ царя и великаго князя. Они отвѣтственные руководители торговой финансовой службы по сбору торговыхъ пошлинъ и продажъ казенныхъ товаровъ; имъ съ цѣловальниками изъ второстепеннаго московскаго купечества и мѣстныхъ провинціальныхъ купцовъ поручалось завѣдываніе таможенными и питейными-кружечными дворами „на вѣрѣ“, какъ и управленіе казенными соляными или рыбными и др. промыслами. „Вѣрные“ головы съ цѣловальниками обязаны представить сумму годового дохода съ ввѣренной имъ статьи, равную ожидаемой по примѣру прошлыхъ лѣтъ или вообще намѣченной въ приказѣ, а недоборъ пополнить изъ своихъ средствъ; при ихъ несостоятельности—за нихъ расплачивались избравшіе ихъ съ актомъ „выбора за руками“ торговая корпорация. Служба гостей, непосредственно извѣстныхъ московскимъ властямъ, была болѣе индивидуальной; другія группы торгово-промышленнаго класса отбывали ее по избранію или по очереди, за отвѣтственностью всей коллегіи. Наряду съ завѣдываніемъ сборами разнаго рода и доходными статьями, на гостей и купцовъ возлагалась оцѣнка казенныхъ товаровъ, на примѣръ, соболиной казны и иного пушнаго товара, собраннаго въ значительныхъ количествахъ въ видѣ ясака съ инородческихъ племенъ русскаго сѣверо-востока, а затѣмъ и Сибири, и возможно выгодная ихъ рас-

продажа. Въ товарищахъ и цѣловальникахъ по разнымъ видамъ финансовой службы бывали торговые люди изъ гостинной и суконной сотенъ, сосредоточенныхъ въ Москвѣ корпораций „лучшихъ“ торговыхъ людей. Ихъ составъ пополнялся, по мѣрѣ надобности, изъ состава зажиточныхъ торговцевъ московскихъ и провинціальныхъ черныхъ сотенъ, которыя горько сѣтовали и жаловались, что правительство обезсиливаетъ ихъ торговую и платежную силу систематическимъ изъятіемъ наиболѣе экономически-крѣпкихъ и устойчивыхъ элементовъ.

За вычетомъ этого, такъ сказать, гильдейскаго купечества, рядовая посадская масса организована въ тяглые черныя сотни; посадскія общины тяглыхъ людей также дѣлились на статьи по „прожиткамъ“, несли очередныя посадскія службы у себя на мѣстѣ и на сторонѣ, по посылкамъ въ ближніе города, тянули государево тягло по мірской раскладкѣ и сближались по образу жизни и бытовому укладу съ крестьянами черныхъ государевыхъ волостей, особенно въ мелкихъ городскихъ пунктахъ. На русскомъ сѣверѣ особенно крѣпка эта близость посада и волости; однороденъ по существу ихъ экономическій бытъ въ занятіяхъ земледѣліемъ и промыслами; „посадскіе люди и волостные добрые“, а то и „все крестьяне посадскіе люди“—одна общественная среда „уѣздныхъ людей“, которая и выступитъ цѣльнымъ социальнымъ элементомъ, когда тревожное время Смуты призоветъ ее къ политическому дѣйствію.

Посадскіе люди вмѣстѣ съ крестьянами составили тяглое населеніе Московскаго государства. Отдѣленіе тяглыхъ платежей и повинностей отъ обязанности воинской службы опредѣлялось постепенно. Пережитки общей ратной повинности можно встрѣтить еще въ XVI и даже въ началѣ XVII вѣка, когда случалось по крайней нуждѣ привлекать торговыхъ людей къ гарнизонной службѣ. Съ другой стороны, постепенно выработался переходъ отъ податныхъ привилегій вотчиннаго землевладѣнія къ общему освобожденію отъ тягла личнаго, двороваго боярскаго хозяйства при сохраненіи тяглыхъ обя-

занных помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ. Служба и тягло стали государственными назначеніемъ двухъ основныхъ разрядовъ населенія—служилаго и тяглаго, государевыхъ слугъ и государевыхъ сиротъ.

Въ старину, въ XIV и началѣ XV вѣка, сиротами называется въ грамотахъ той эпохи часть населенія княжескихъ и монастырскихъ вотчинъ, которая встрѣчается и въ рѣдкихъ документахъ, касающихся свѣтскаго частнаго землевладѣнія, и отличается полусвободнымъ состояніемъ отъ свободного крестьянства тѣхъ же вотчинъ. Историческіе потомки древнерусскихъ изгоевъ, которые жили подъ сильной вотчинной властью на княжеской и церковной землѣ, сироты эти не имѣютъ права свободного перехода; они, а не такъ называемые старожилы, первые предки позднѣйшаго крупнаго крестьянства. Въ то время какъ грамоты, упоминая про переходъ крестьянина изъ одного владѣльческаго имѣнія въ другое, употребляютъ выраженія „вышелъ“ и „приняли его“, про сиротъ говорятъ: „выбѣжали“ и „переняли“ ихъ новый владѣлецъ. Въ эпоху развитія вотчиннаго государства терминъ „сироты“ означаетъ все тяглое населеніе по отношенію къ великокняжеской власти—въ соотвѣтствіе съ наименованіемъ бывшихъ вольныхъ слугъ государевыми холопами. Оба термина означали гражданскую неполноправность, а послужили для осмысленія новаго уклада зависимости населенія отъ верховной власти государя царя и великаго князя. Вотчинный характеръ государственнаго властвованія нашелъ себѣ яркое выраженіе какъ въ этой терминологіи, такъ и въ общемъ представленіи, что вся земля въ предѣлахъ великаго княженія есть земля государя великаго князя. Свободное отчужденіе крестьянами ихъ земельныхъ участковъ касалось пашни, поженъ, покосовъ, угодій на великокняжеской землѣ: „продаю я, такой то,—писали въ купчихъ,—тебѣ, такому то, землю государя, князя великаго, а покосы и пахоты наши“. Это представленіе въ связи съ организаціей государева тягла легло въ основу положенія крестьянскаго населенія въ Московскомъ государствѣ.

Полная реализація вотчинной власти великаго князя надъ крестьянскими волостными общинами предполагала бы организацію управленія ими черезъ агентовъ его власти, близкихъ къ населенію, подобныхъ „посельскимъ“ прикащикамъ дворцовыхъ и вотчинниковыхъ сель. Такой властью, повидимому, предназначено было стать волостелямъ, которыхъ великій князь назначаетъ для завѣдыванія отдѣльными волостями, оставляя за намѣстникомъ только высшій уголовный судъ—дѣла о душегубствѣ и междуволостныя, „общія“ дѣла. Великокняжескій волостель становится во главѣ волостного міра, и властно вмѣшивается въ его распорядки. „Поговори со старостой и со крестьяны“, волостель распоряжается волостными угодьями, запустѣвшими участками и т. п., творить судъ и расправу съ участіемъ крестьянскаго волостного міра и его выборныхъ властей. Трудно, по недостатку данныхъ, опредѣлить, насколько волостельское управленіе успѣло получить широкое примѣненіе во времена Ивана III; но несомнѣнно, что оно не сыграло той роли, какая ему предназначалась, не стало исходнымъ пунктомъ развитія, такъ сказать, общегосударственнаго вотчиннаго управленія. На это дѣло у московской власти не хватило организаціонныхъ средствъ, да и личныхъ силъ, и середина XVI вѣка принесла крутой поворотъ въ строѣ управленія Московскимъ государствомъ: замѣну кормленниковъ-намѣстниковъ и волостелей выборными земскими учрежденіями.

Несравненно глубже, чѣмъ на порядкахъ управленія, отразился вотчинный характеръ государственнаго властвованія на общемъ социальномъ-правовомъ положеніи крестьянства. Отношеніе къ нему правительственной власти всецѣло опредѣляется интересами обезпеченія служилаго землевладѣнія и государева тягла. Въ этомъ отношеніи, самодержавное вотчинное господство достаточно подготовлено политикой жалованныхъ грамотъ, которая укоренила въ сферѣ крестьянскаго волостного землевладѣнія и землепользованія преобладаніе властныхъ великокняжескихъ распоряженій надъ силой народнаго

обычного права. Раздача въ вотчину крестьянскихъ волостныхъ пустошей, пожалованіе въ вотчину цѣлыхъ волостей знатымъ пришельцамъ „за выѣздъ“ на службу къ великому князю—обычныя явленія предыдущей эпохи—были лишь блѣдными предвѣстниками того разрушенія волостного быта и волостного права, какое принесла съ собой система помѣстныхъ верстаній. При развитіи служилого землевладѣнія крестьянскія волости шли въ помѣстную раздачу по частямъ, гибли въ помѣстномъ дробленіи. Исчезала волостная организація, функціи міра переходили къ служилому землевладѣльцу, который получалъ право облагать крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, но обязанъ былъ собирать съ нихъ и государевы подати. Его власть становилась между крестьянами и государствомъ, передъ которымъ онъ отвѣчалъ за все правительственные интересы въ сельскомъ быту помѣстья. Про него официальные акты говорили, что онъ, а не помѣщичьи и вотчинниковы крестьяне, „тянетъ во всякія государевы подати“, ему же давались, по нуждѣ, податныя льготы. Владѣлецъ отвѣчалъ и за полицейскій порядокъ въ деревнѣ, приобретая тѣмъ самымъ административно-судебную власть надъ ея населеніемъ; онъ же наслѣдникъ волостного міра въ хозяйственномъ управленіи: его воля распределяетъ пустые участки, привлекаетъ и сажаетъ на землю новоприходцевъ, причемъ правительственная власть лишь запрещаетъ ему „пустошить“ помѣстье худымъ хозяйничаньемъ и разореніемъ крестьянъ, подъ угрозой отписки помѣстной дачи на государя. Въ основномъ районѣ служилого землевладѣнія—помѣстнаго и вотчиннаго—въ южныхъ и западныхъ областяхъ государства, гдѣ скоплялась боевая сила страны къ боевымъ пограничнымъ линіямъ, крестьянскія волости вовсе вытѣснены и разрушены служилымъ землевладѣніемъ въ теченіе XVI в. А послѣ Смуты, когда потребность въ возстановленіи ратной силы стала крайне острой, а западная окраина была частью во вражескихъ рукахъ, частью слишкомъ разорена и подъ ударомъ новыхъ опасностей, земельныя раздачи охватили сѣ-

веро-восточные уѣзды замосковнаго края; черныя крестьянскія волости почти вовсе исчезли изъ центральной части государства и сохранились только на поморскомъ сѣверѣ.

Земельный фондъ, предназначенный на испомѣщеніе служилого люда, далекъ былъ отъ обилія и избытка. Помѣстныя „дачи“ постоянно оказывались меньше „окладовъ“, и сами помѣщики „прискивали“, гдѣ взять то количество земли, которое „не дошло“ въ ихъ окладъ. Въ раздачу шли не только волостныя земли и вотчинныя, взятая на государя, но часто также дворцовыя, которыми, однако, пользовались для этой цѣли съ большей осторожностью и сдержкой. Земли было много, но „жилой“, которая только и годилась въ обезпеченіе служилого люда, оказывалось мало. На эксплуатаціи личной и земельной силы страны для государева дѣла глубоко отражалась слабая населенность Московской Руси.

Удержатъ при землѣ трудовую и платящую силу, имѣть ее на крѣпкомъ учетѣ было постоянной заботой правительственной власти. Со временъ „неминучей дани“ татарскому хану князья принимали мѣры къ охранѣ основного источника платящей силы—тяглыхъ людей и ихъ земель—отъ расхищенія княжескимъ дворцовымъ хозяйствомъ, боярскимъ и монастырскимъ вотчиннымъ землевладѣніемъ. Навстрѣчу этой тенденціи шло стремленіе тяглыхъ волостныхъ общинъ сохранять полноту своего трудового и платящаго состава, не отпущать на сторону своихъ сочленовъ, дворохозяевъ-старожильцевъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто ликвидируетъ свое хозяйство и свои отношенія къ волости путемъ передачи и того и другихъ новому „жильцу“ въ свое мѣсто. Только такой выходъ изъ общины признавался законнымъ; тѣхъ, кто ушелъ, не поставивъ въ свое мѣсто жильца и покинувъ участокъ „въ пустѣ“, можно принудительно вернуть, какъ „выбѣжавшаго“ съ нарушеніемъ общественной повинности. Это условное прикрѣпленіе лица къ тяглу, а по тяглу къ волости и къ земельному хозяйству, естественно переходило, при острой недостаточности трудовой сельской силы, въ безусловное за-

укрѣпленіе за крестьянами (какъ и за посадскими людьми) ихъ тягла состоянія, уже какъ сословнаго признака, что и завершилось въ XVII столѣтіи.

Систематическая организація государева тягла укрѣпила тяглыя повинности и за населеніемъ частновладѣльческихъ вотчинъ и помѣстій. Но тутъ, въ условіяхъ землевладѣльческаго хозяйства и управленія, роль общинной власти переходила къ владѣльцу, хотя бы онъ и сохранялъ самостоятельность сельскаго общества по дѣламъ управленія имѣніемъ. Къ нему переходило естественно и притязаніе на сохраненіе старожильцевъ въ составѣ своего помѣстья или вотчины, тѣмъ болѣе, что съ этимъ были связаны какъ обезпеченіе его служебной годности, такъ и выполненіе обязанности „не пустошить“ помѣстья. Пополненіе этого состава на мѣсто „выбылыхъ“ происходило, прежде всего, за счетъ вольнаго, неотвѣтственнаго по тяглу сельскаго населенія—привлеченіемъ къ поселенію на свободныхъ участкахъ младшихъ членовъ крестьянскихъ семей и несамостоятельныхъ по хозяйству сельскихъ людей— „отъ отцовъ дѣтей, отъ братьевъ братьи, отъ дядь племянниковъ, отъ сусѣдъ захребетниковъ“, но не старожильцевъ— „съ тяглыхъ черныхъ мѣсть крестьянъ“. Эти послѣдніе могли перейти на новое жилье только безъ нарушенія интересовъ волости и ея повинностей, высвободившись изъ круговой поруки путемъ замѣны себя другими лицами.

На владѣльческой землѣ положеніе тяглаго населенія осложнялось отношеніями къ владѣльцу. Такое поселеніе вводило новоприходца въ сферу зависимости отъ вотчинной власти, не только въ хозяйственномъ, но, въ большей или меньшей степени, и въ судебно-административномъ отношеніи. Само хозяйственное положеніе владѣльческихъ крестьянъ неправильно освѣщается въ нашей научной литературѣ, когда его пытаются подводить подъ понятіе аренды. Жить у кого либо въ крестьянахъ не значитъ быть арендаторомъ. Привлеченіе крестьянъ на владѣльческую землю было средствомъ не простого извлеченія дохода въ видѣ арендной платы (деньгами или натурой—

частью урожая, какъ при половничествѣ или такъ наз. празгѣ), а усиленія рабочихъ силъ имѣнія или расширенія его запашки; это пріемъ дѣятельной организаціи владѣльцамъ его вотчиннаго или помѣстнаго хозяйства. Владѣлецъ надѣляетъ крестьянина землей; даетъ ему избу и другія хозяйственныя постройки, инвентарь, хлѣбъ „на сѣмена и ѣмена“ до перваго урожая, словомъ „помогу“, которая окупается переходомъ участка изъ пуста въ жилое, даетъ нерѣдко и ссуду— въ долгъ, который нарастаетъ въ свойственныхъ старинному экономическому быту крупныхъ процентахъ. Зато въ его распоряженіи рабочая сила, которая эксплуатируется и въ формѣ уплаты оброка и разныхъ мелкихъ сборовъ, и въ видѣ обязательныхъ работъ на господскій дворъ и на хозяйской землѣ. Нѣтъ основанія сводить эти отношенія къ аренднымъ. Размѣръ и составъ повинностей опредѣлялся мѣстной обычной „старинной и пошлиной“, которая въ крупныхъ благоустроенныхъ монастырскихъ вотчинахъ иногда формулировалась въ цѣломъ владѣльческомъ „уложеніи“ и во владѣльческихъ „уставныхъ грамотахъ“, а въ рядовыхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ держалась обычаемъ и реальными условіями экономическаго быта; лишенная иной санкціи, кромѣ угрозы отпиской помѣстья на государя за „пустошеніе“, она была, однако, явленіемъ достаточно опредѣленнымъ и устойчивымъ, чтобы найти себѣ выраженіе въ перечнѣ писцовыми книгами обычныхъ владѣльческихъ доходовъ и въ упоминаніяхъ грамотами на помѣстныя дачи о сборѣ дохода „по старинѣ“. Новоприходцы сидѣли обычно рядъ лѣтъ на льготѣ въ государевыхъ податяхъ и владѣльческихъ сборахъ, а затѣмъ „тянули со старожильцами вмѣстѣ“, т. е. входили по „силѣ“ въ обычный строй отношеній даннаго имѣнія. Это окончательно вводило ихъ въ мірокъ владѣльческаго имѣнія, какъ обособленной экономической и административной единицы. Постепенно нарасталъ рядъ ограничительныхъ условій для обратнаго выхода. Укладъ сельскохозяйственныхъ работъ прикрѣпилъ бытовымъ обычаемъ отказъ изъ крестьянства и отпускъ крестьянина владѣльцемъ ко вре-

мени ихъ закончанія—къ знаменитому Юрьеву дню осеннему, который въ царскомъ Судебникѣ 1550 г. узаконенъ и опредѣленъ двумя недѣлями: до и послѣ 26 ноября. Настоячиво добивались владѣльцы, чтобы законный выходъ былъ обусловленъ не только срокомъ, но и полнымъ расчетомъ. Въ расчетъ этотъ, по Судебнику, входило пожилое — уплата по $\frac{1}{4}$ стоимости крестьянскаго двора за годъ житья и полной его стоимости за 4 года, затѣмъ повозъ за извозную повинность, которая выполнялась по зимнему пути; иныя „пошлины“, которыя, очевидно, вошли въ жизнь на практикѣ, Судебникъ отвергаетъ. Сложнѣе былъ расчетъ при задолженности крестьянина изъ-за взятой „суды“. Первоначально, она не стояла въ связи съ крестьянствомъ, какъ таковымъ, и уходящій могъ ее „снести“, оставаясь должникомъ. Но недостаточная обезпеченность взысканія, особенно при обычномъ способѣ погашенія суды работой, побудила владѣльцевъ добиваться такой расплаты до ухода; и притязанія эти нашли признаніе власти. Съ конца XV в. утверждается общее правило, что крестьянинъ-серебренникъ „коли серебро заплатитъ, тогда ему и отказъ“. Ушедшіе не въ срокъ и безъ отказа, соединеннаго съ расчетомъ, разсматриваются какъ бѣглые и подлежатъ принудительному возвращенію на старыя мѣста.

Всѣ эти сложныя условія и требованія, какими обросъ крестьянскій переходъ,—черты умирания личной свободы крестьянина-тягльца. Положеніе русскаго сельскаго хозяйства чрезвычайно обострено во второй половинѣ XVI вѣка и переживаемый имъ кризисъ нарастаетъ по мѣрѣ развитія колониціоннаго движенія на югъ и востокъ. Обостряется до крайности борьба землевладѣльцевъ за рабочія руки. Крестьянскій переходъ вырождается въ „вывозъ“ крестьянъ одними владѣльцами „изъ-за“ другихъ съ уплатой этимъ послѣднимъ всего, что причитается имъ по крестьянскому „отказу“. Смѣна владѣльцевъ лишь усугубляетъ крестьянскую зависимость, и мировыя сдѣлки, какими иногда заканчивались столкновения владѣльцевъ изъ за вывоза крестьянъ, становятся очень близкими

къ продажѣ людей безъ земли. Все громче раздаются жалобы на повальные побѣги, отъ которыхъ грозитъ серьезное разстройство и государственной службѣ и государеву тяглу. Правительственная власть встревожена обиліемъ тяжбъ о бѣглыхъ, о насильственномъ вывозѣ „не въ срокъ и безъ отказа“ и т. п., пытается ихъ ограничить установленіемъ пятилѣтней давности для иска о возвратѣ бѣглаго, но эта мѣра, проведенная царско-боярскимъ правительствомъ, вызываетъ упорное недовольство служилой землевладѣльческой массы, которую она ослабляла въ борьбѣ съ крупными владѣльцами за рабочія руки. И дворянство будетъ упорно добиваться отмены этихъ „урочныхъ лѣтъ“, пока царская власть послѣ уступокъ въ видѣ продленія срока давности не отменитъ ее вовсе въ Уложеніи царя Алексѣя. Въ томъ же Уложеніи было выполнено и другое, еще болѣе существенное, домогательство дворянства — установлено вѣчное закрѣпощеніе всего населенія владѣльческаго имѣнія, а не однихъ тяглыхъ дворохозяевъ, по переписнымъ книгамъ, кто за кѣмъ въ нихъ записанъ. Эти уступки требованіямъ землевладѣльческаго дворянства не только не противорѣчили интересамъ государева дѣла, но вели къ лучшему обезпеченію ратной повинности; подлинный учетъ средствъ, наличныхъ для ея несенія, требовалъ, какъ не разъ указывали челобитныя служилыхъ людей, сообразованія ея размѣра съ количествомъ не числа „четей“ земли, а рабочихъ силъ по числу крестьянскихъ дворовъ въ дворянскомъ имѣніи. Найдя въ землевладѣльческомъ дворянствѣ свою главную опору послѣ разгрома и упадка старого боярства, царская власть его интересамъ приносить въ жертву интересы трудового сельскаго люда. Съ конца XVI вѣка рядъ распоряженій верховной власти приостанавливаетъ крестьянскій переходъ и крестьянскій „вывозъ“ въ отдѣльных областяхъ государства или по отношенію къ отдѣльнымъ крупнымъ единицамъ землевладѣнія на „заповѣдные годы“ то на указныя сроки, то вообще впредь „до государева указу“, который замѣнитъ „заповѣдные годы“—„выходными“. Такое разрѣшеніе „выхода“ было предоставлено Борисомъ Го-

дуновымъ въ видѣ „вывоза“ опредѣленнымъ разрядамъ земле-
владѣльцевъ на два года, но послѣ Смуты крестьянскій вы-
ходъ во всѣхъ его формахъ исчезъ изъ русской жизни и жи-
ветъ только въ крестьянскихъ мечтахъ и толкахъ о выходныхъ
годахъ, да въ укоризнахъ царской власти, что „при прежнихъ
государяхъ бывали выходы, а при нынѣшнемъ государѣ вы-
ходовъ нѣтъ“.

Московское царство вполне подготовило то сліяніе кре-
стьянъ съ холопами, которое закончено въ законодательствѣ
Петра Великаго въ связи съ его податной реформой. Кре-
стьяне вотчиннѣ и помѣстій — „крѣпостные“ люди, право на
которыхъ доказывается владѣльцами по „крѣпостнымъ“ доку-
ментамъ разнаго рода — писцовымъ и переписнымъ книгамъ,
купчимъ и духовнымъ грамотамъ. Не къ землѣ прикрѣпленъ
крестьянинъ, а къ личности владѣльца, не земельная, а лич-
ная зависимость составляетъ существо его положенія. Уложеніе
царя Алексѣя разсматриваетъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ
живую собственность владѣльца, когда допускаетъ ихъ личную
отвѣтственность за него, подвергая ихъ „правезу“ по взы-
сканіямъ съ ихъ господина, или выдачу однимъ владѣльцемъ
другому взаменъ бѣглыхъ крестьянъ иныхъ „такихъ же“ изъ
населенія его имѣнія. И волостные крестьяне, государевы
сироты, безправные передъ державной властью будутъ по
слѣдамъ Московской Руси признаны въ императорскій періодъ
крѣпостными государства, съ которыхъ идетъ въ казну сверхъ
общаго податного тягла, особый оброкъ, подобный тому, что
владѣльческіе крестьяне платятъ своимъ господамъ, а въ
XIX вѣкѣ попадутъ въ завѣдываніе министерства „государ-
ственныхъ имуществъ“. Московское самодержавіе коренилось
въ глубокомъ закрѣпощеніи всѣхъ разрядовъ населенія.

X.

Политическое зданіе Московскаго царства строилось на
самодержавномъ властвованіи надъ всѣми силами и сред-
ствами страны. Осуществленіе подобнаго властвованія требо-
вало постоянного и весьма интенсивнаго напряженія органи-
зующей и правящей дѣятельности центрального правительства.

Вотчинному самодержавію всего болѣе подходило бы вот-
чинное управленіе. Но волостели Московской Руси не стали
зерномъ развитія бюрократіи слугъ московскаго государя. Раз-
мѣры территоріи и разбросанность населенія при слабо раз-
витыхъ внутреннихъ связяхъ и сношеніяхъ дѣлали задачу
созданія прочной административной сѣти прямыхъ орудій
центральной власти непосильной для Московскаго царства.
Волостели остались такими же кормленщиками, какими были
намѣстники, элементомъ той же боярской системы управленія,
которая тяготила центральную власть своей дороговизной и
притязательностью, тягостью для населенія и слабой дѣятель-
ностью, бесплодной для пользы государева дѣла и для эле-
ментарныхъ нуждъ охраны порядка и безопасности въ мѣстной
жизни. Преодолѣть всю эту устарѣлую форму управленія
мѣстными дѣлами стало очередной задачей Московскаго го-
сударства, какъ только оно сложилось къ началу XVI вѣка.
Во второй четверти этого столѣтія правительство вступаетъ на
путь реформы мѣстнаго управленія. Оно идетъ навстрѣчу
челобитьямъ мѣстныхъ уѣздныхъ обществъ, ихъ жалобамъ на
крайнее развитіе грабежей и разбоевъ, на бездѣятельность
власти, на большіе убытки и малую пользу отъ присылае-

мыхъ изъ Москвы специальныхъ сыщиковъ и обыщиковъ, и рѣшается возложить мѣстные задачи государственнаго управления на ответственную самостоятельность общественныхъ организаций. Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка центральная власть, сохраняя за крестьянскими волостными мірами и городскими посадскими общинами ихъ прежнее значеніе, передаетъ уѣзднымъ всеословнымъ обществамъ „губное“ дѣло охраны общественной безопасности, полицейскую власть и уголовный судъ. Въ пятидесятыхъ годахъ идетъ отмѣна кормленій съ передачей всѣхъ функцій намѣстничьяго и волостельскаго управления выборнымъ отъ мѣстныхъ тяглыхъ общинъ. Такъ были использованы для зарождавшагося на новыхъ основаніяхъ государственнаго управления исконные навыки земской самостоятельности по сбору тягла, защитѣ общественного порядка и безопасности и отправленію правосудія. На губныхъ старостъ и цѣловальниковъ возложена обязанность борьбы съ „лихими людьми“, ихъ розыска, преслѣдованія, суда надъ ними и расправы подѣ строгой ответственностью и контролемъ московскаго Разбойнаго приказа. На земскихъ старостъ, изблюбленныхъ головъ и земскихъ судеекъ—ответственное завѣдываніе тягломъ и всѣми повинностями населенія и судъ по гражданскимъ дѣламъ среди мѣстныхъ людей. Притомъ, царская власть разсматривала эту земскую реформу, какъ льготу для населенія, избавляемаго отъ кормленщиковъ, и возложило на него за такое пожалованіе особый „окупъ“ въ видѣ уплаты „оброка за намѣстничъ кормъ“. Однако, по существу, подобная организція мѣстнаго управления была болѣе ответственной повинностью, чѣмъ льготой. Въ основѣ земскихъ учреждений XVI вѣка лежалъ тотъ же принципъ круговой поруки, принудительнаго „выбора за руками“ для отбыванія государственной повинности и даровой службы государеву дѣлу, на которомъ построена затѣмъ финансовая служба столичнаго купечества и провинціальнаго торговаго люда.

Широкая организція общественной службы во всѣхъ

отрасляхъ государственнаго управленія давала возможность обходиться весьма упрощенной административной системой, приспособленной для эксплуатаціи на государственныя нужды личныхъ и экономическихъ силъ страны, хотя и непригодной для болѣе сложныхъ и творческихъ задачъ центральной власти. Эта власть могла, при такихъ условіяхъ, держать постоянныхъ агентовъ лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ для специальныхъ цѣлей—воеводъ въ пограничныхъ городахъ, городовыхъ прикащиковъ въ крѣпостяхъ и т. п., обходясь въ остальномъ работой общественныхъ группъ и ихъ выборныхъ или временными посылками московскихъ служилыхъ людей для срочныхъ порученій. Элементарный укладъ народно-хозяйственнаго быта и слабое развитіе внутреннихъ культурно-экономическихъ связей между отдѣльными областями Великороссіи суживали задачи и ослабляли интенсивность управленія ея бытовой жизнью. Московскій центръ искалъ лишь такихъ формъ этого управленія, которыя могли бы обезпечить, съ наименьшей затратой его силъ и его средствъ исправное отбываніе службы и тягла. Стягивая къ себѣ всѣ болѣе значительные элементы землевладѣнія и торгово-промышленнаго капитала, этотъ центръ выработалъ изъ социальныхъ группъ, которыя имѣли руководящее значеніе въ сферѣ основныхъ экономическихъ силъ страны, орудія своего властвованія надъ ними, и остальное „государево дѣло“ (въ болѣе широкомъ смыслѣ слова) могъ переложить на ответственную самостоятельность мѣстныхъ общественныхъ организацій.

Такъ получился весьма напряженный социально-политическій строй Московскаго государства; весь строй земскихъ силъ опредѣленъ задачами служенія государеву дѣлу. А надъ нимъ выросла организующая, руководящая и контролирующая всю государственную работу система центральныхъ учреждений— боярскаго думы и приказовъ.

Разногласіе нашихъ ученыхъ (Сергѣевичъ противъ Ключевскаго) по вопросу о томъ, была ли боярская дума „учрежденіемъ“ въ томъ строгомъ значеніи, какое это понятіе полу-

чило въ юридически-оформленномъ, бюрократическомъ строѣ управления, имѣть свой глубокий смыслъ, какъ имѣло его и парадоксальное утверждение Сергѣевича, будто указаніе въ царскомъ Судебникѣ нормальнаго порядка изданія новыхъ узаконеній по всѣхъ боярь приговору было попыткой закономъ ограничить царское самодержавіе. Самодержавная власть стремилась превратить думу въ высшее „приказное“ учрежденіе, личный составъ котораго и вся дѣятельность цѣликомъ зависѣли бы отъ ея воли. При сохраненіи за боярской думой, въ силу окрѣпшихъ мѣстныхъ традицій, аристократическаго характера, а за боярской средой самостоятельнаго общественно-политическаго вліянія, это учрежденіе плохо укладывалось въ рамки хоть и вышаго, но исполнительнаго и совѣщательнаго органа приказнаго управления. Только разгромъ боярскихъ традицій и боярской силы въ суровые годы Грознаго и въ Смутное время осуществилъ перерожденіе старой боярской думы въ учрежденіе, которое стало и политически и соціально безцвѣтнымъ орудіемъ царской власти. Собраніе „боярь всѣхъ“ теряетъ въ XVII вѣкѣ реальное значеніе, вырождаясь въ церемоніальный моментъ торжественныхъ выступленій царской власти; подлинная государственная работа сосредоточивается либо въ засѣданіи ближнихъ, комнатныхъ боярь государева „верха“, либо въ дѣятельности отдѣльных боярскихъ комиссій и административныхъ засѣданій „расправной палаты“, какъ органовъ приказнаго дѣла. Такое перерожденіе боярской думы стало возможнымъ и неизбежнымъ при окончательномъ торжествѣ приказнаго-бюрократическаго строя всего управления въ Московскомъ государствѣ.

Преобладаніе и быстрое развитіе приказнаго начала въ московской государственной жизни было главнымъ политическимъ результатомъ великаго кризиса, пережитаго въ началѣ XVII вѣка. Условія, которыя привели къ этому кризису, коренились глубоко въ строѣ народной и государственной жизни Московской Руси. Замкнутая въ себѣ внѣшними давленіями татарской и литовской силы, Великороссія внутренне окрѣпла

и сплотилась подъ властью Москвы. Ея силы, подобранныя и скованныя въ національное государство подъ самодержавной властью въ борьбѣ за существованіе, перешли съ роковой неизбежностью, обусловленной общими политико-географическими отношеніями, отъ организациі самообороны въ наступленіе и сломили преграды для новаго подъема колонизаціоннаго движенія въ южномъ и восточномъ направленіяхъ. Борьба за торговые и колонизаціонные пути выводитъ Великороссію въ рядѣ быстрыхъ успѣховъ далеко за ея этнографическіе предѣлы. Завоеваніе Поволжья и движеніе въ бассейны Дона, въ бассейнъ Днѣпра черезъ Сѣверскую Украину, а черезъ Новгородскую область къ Балтійскому морю ставятъ исторически-молодое Великорусское государство передъ вѣковѣчной исторической проблемой организациі политической жизни въ сложномъ и неустойчивомъ хаосѣ отношеній великой Восточно-европейской равнины. Великороссія вступаетъ на пути созиданія Великой Россіи. Ея только что собранныя и элементарно-организованныя силы раскидываются вширь цѣной глубокаго надрыва для экономическаго, соціальнаго и государственнаго равновѣсія центральныхъ Великорусскихъ областей. Колонизація новыхъ пространствъ, открывшихся для народно-хозяйственной трудовой эксплуатаціи земледѣльческихъ и промысловыхъ природныхъ богатствъ, тяга по стародавнимъ переселенческимъ и торговымъ путямъ всколыхнула населеніе Великороссіи и увлекла его на новое разсѣяніе. Вторая половина XVI вѣка— время внѣшней силы Московскаго государства и нарастающаго кризиса его народно-хозяйственной базы. Въ основѣ тѣхъ глубокихъ противорѣчій, какія раскрыты кризисомъ Смуты въ соціальномъ и политическомъ строѣ Московскаго государства, лежало одно, глубочайшее, экономическое противорѣчіе—несоответствіе наличныхъ окрѣпшихъ и организованныхъ силъ страны неустрашимымъ запросамъ ея историческихъ судебъ. Тревожными, жуткими предчувствіями полна письменность Московской Руси временъ Ивана Грознаго. Чутая, что почва колеблется подъ зданіемъ Великорусскаго государства,

колеблется его сила и уходит, растекаясь въ открытыхъ пространствахъ Восточно-европейской равнины. Судорожные, грозные приемы властвованія царя Ивана Васильевича, когда онъ „всю землю яко сѣкирою на полы разсѣче“—на опричнину и земщину, созданы отраженіемъ въ его взбудораженной натурѣ ощущенія стихійнаго процесса, въ которомъ нарастало противорѣчіе внѣшней мощи самодержавнаго царства и коренного надрыва его внутренней организованной силы. Экономическій кризисъ обострилъ до крайности противорѣчія социальныхъ интересовъ, разразившіяся въ Смутѣ годами напряженной борьбы между отдѣльными социальными группами. Назрѣвшій кризисъ развернулся въ „великую разруху Московскаго государства“, какъ только—съ концомъ династіи „прирожденныхъ“ государей—пошатнулась внѣшняя форма традиціоннаго политическаго строя. Прекращеніе династіи — грозная катастрофа для государства, построеннаго на началахъ вотчинной монархіи. Оно подвергло тяжкому испытанію московское политическое зданіе въ самыхъ его основахъ. Какія политическія силы удержать единство государственной организаціи и поддержать ея внутреннія связи безъ твердой опоры въ томъ центрѣ, который ее создалъ? Царская власть усилилась до полного самодержавія, уничтожая самостоятельное государственное значеніе и церкви и боярства. Она создала нныя орудія своего правленія въ сильно централизованной организаціи служилаго и тяглаго классовъ. Носителями всей системы „государева дѣла“ стали корпораціи военно-служилаго землевладѣльческаго люда и торгово-промышленнаго класса. Роль высшей іерархіи „государевыхъ богомольцевъ“ и бояръ, царскихъ совѣтниковъ, сузилась до значенія „царскаго синклита“, стянутого къ государеву „верху“. Это — совѣтники царской власти, безъ самостоятельнаго земскаго политическаго значенія. Не у нихъ ищетъ царь Иванъ Грозный выясненія общаго учета силъ страны и опоры въ трудномъ рѣшеніи вести ли дальше борьбу за свободный доступъ къ Балтійскому морю и за западно-русскія земли при переходѣ Ливонской войны въ болѣе

опасную войну съ польско-литовской Речью Посполитой, а у „совѣта всѣхъ чиновъ Московскаго государства“—у земскаго собора.

Этотъ новый типъ государственнаго совѣщанія явился естественнымъ результатомъ коренной перестройки организованныхъ общественныхъ силъ Московскаго государства. Прежнія собранія „всѣхъ бояръ“, дѣятелей боярскаго думы и областнаго управления, вмѣстѣ съ „освященнымъ соборомъ“ духовенства, даже расширенныя призывомъ болѣе широкаго круга государевыхъ служилыхъ людей, уже не обезпечивали, особенно послѣ отмены кормленій, достаточной освѣдомленности въ подлинномъ положеніи страны и не выражали мнѣнія всей среды, на дѣятельность которой опиралось царское управленіе. Подобно тѣмъ собраніямъ, и земскіе соборы XVI вѣка были, по выраженію В. О. Ключевскаго, совѣщаніями правительства съ агентами его власти. Но строй органовъ этого властвованія былъ иной, инымъ сталъ и составъ совѣщанія: призываются приказные люди, служилые люди разныхъ разрядовъ, группы лицъ изъ торгово-промышленныхъ организацій. Созывъ всѣхъ „чиновъ“ Московскаго государства вмѣстѣ съ боярскаго думой и освященнымъ соборомъ и образуетъ то, что мы называемъ земскимъ соборомъ. Въ самомъ исходѣ XVI вѣка, когда прервалось существованіе старой династіи московскихъ государей, такому собору пришлось сыграть роль основной политической силы государства въ избраніи на осиротѣвшій царскій престолъ Бориса Годунова. Въ смутные годы „великой разрухи Московскаго государства“ въ напряженномъ исканіи пути къ восстановленію законной государственной власти крѣпнеть сознаніе, что только въ „совѣтѣ всей земли“, въ земскомъ соборѣ—источникъ силы, которая можетъ разрѣшить такую задачу. Организованныя общественныя группы—боярство и духовенство, служилый и тяглый классы, объединенные въ лицѣ своихъ представителей на земскомъ соборѣ, воплощаютъ государственную власть въ учредительномъ собраніи, которое создало временное правительство „бояръ, князя Дмитрія По-

жарекаго съ товарищами“, а затѣмъ избрало на престолъ родоначальника новой царской династии—Михаила Романова. Но это былъ соборъ иного, по существу, состава, чѣмъ прежніе соборы XVI вѣка. Формальное различіе было невелико съ точки зрѣнія людей той эпохи. Избраніе такъ широко примѣнялось при опредѣленіи лицъ на разныя должности и службы, что примѣненіе выборнаго начала къ лицамъ, предназначеннымъ для участія въ совѣтѣ всей земли, едва ли проводило сколько-нибудь рѣзкую разницу между ихъ значеніемъ и тѣми агентами правительственной власти, какіе созывались на соборы XVI вѣка. Избраніе представителя на земскій соборъ производилось въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ „выборы за руками“ на должности по губнымъ и земскимъ учрежденіямъ и такіе выборные становились рядомъ съ призванными на соборъ московскими служилыми людьми, которые могли быть созданы для обсужденія спѣшнаго дѣла и безъ формальныхъ выборовъ. Однако, по существу, эти представители, являясь на соборъ по порученію своихъ избирателей, съ челобитными, гдѣ излагались пожеланія и требованія данной общественной среды, и настойчивымъ стремленіемъ провести ихъ въ жизнь, были новымъ и значительнымъ явленіемъ московской жизни — народными, вѣрнѣе — сословными ея представителями. Земскіе соборы Московской Руси не разъ сравнивали съ западно-европейскими сословными представительными собраніями. Въ ихъ общей структурѣ и въ той роли, какую они призваны были сыграть при переломѣ хода политической жизни страны, дѣйствительно много сходнаго. Это явленія одного историческаго типа. Но въ степени развитія, какого этотъ типъ достигъ въ разныхъ странахъ Западной Европы и у насъ на Руси—глубокія и значительныя отличія. Московская Русь по своему и въ иныхъ условіяхъ пережила тотъ моментъ исторической жизни, который обычно характеризуется по отношенію къ Западной Европѣ терминомъ „сословная монархія“. Основное отличіе можетъ быть опредѣлено тѣмъ, что въ странахъ Западной Европы возникновеніе сословныхъ представи-

тельныхъ собраній было необходимымъ и крупнѣйшимъ факторомъ самаго собранія власти изъ ея феодальнаго дробленія и разѣянія; на Руси земскіе соборы явились факторомъ организаціи государственнаго дѣла въ единой державной монархіи, закончившей собраніе власти полной побѣдой надъ удѣльно-вотчиннымъ ея дробленіемъ. Организованныя общественныя группы, призванныя верховной властью къ участію въ обсужденіи и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, не были, какъ на Западѣ, носителями элементовъ политической власти, а воплощали въ своемъ строѣ начало ответственности службъ и повинностей по „государеву дѣлу“. Однако, самое обращеніе царской власти въ трудный моментъ государственной жизни къ совѣту всѣхъ чиновъ Московскаго государства было попыткой найти въ общественныхъ силахъ страны опору и поддержку, выходящая за предѣлы безусловнаго повиновенія государевыхъ холоповъ и сиротъ. На соборахъ XVI вѣка руководящія общественныя группы призваны къ сознательному гражданскому участію въ государственной работѣ. Кризисъ правительственной власти—основной политической мотивъ Смуты — призвалъ ихъ къ властнымъ избирательнымъ и учредительнымъ дѣйствіямъ. „Всего міра безумное молчаніе“, тотъ морально-общественный грѣхъ, который, по мнѣнію вдумчиваго книжника-современника, навлекъ на Русскую землю Божью кару великой разрухи, долженъ былъ быть искупленъ энергичнымъ дѣйствіемъ земскаго міра на спасеніе родины и разрушеннаго государственнаго порядка. Въ сложившейся укладѣ социально-политическихъ отношеній вливается новое содержаніе — общественное, гражданское и сословное. „Государево дѣло“ приходится понять глубже и свободнѣе, какъ „дѣло земское“, которое имѣетъ свою высокую цѣнность, независимо отъ цѣлей и интересовъ вотчинной державной власти. Общественныя силы, которыя доведены до этого сознанія тяжкими испытаніями „великой московской трагедіи“, какъ прозвали Смуту поляки, пробуждены къ самостоятельности и самосознанію. Это силы, организованныя старой

властью и дисциплинированные в отбывании службы и тягла. Сплоченные в уездных и посадских ячейках, они выросли, благодаря централизованной системе организации и управления служилым землевладением и торгово-промышленным бытом, из тесных рамок местных областных интересов. „Великая разруха“ заставила их остро пережить ценность государственного единства для землевладельческой и торгово-промышленной жизни. И они поднялись на восстановление государства из развалин Смуты.

Однако, тяжело жилось служилым и тяглым людям под высокой рукой царя и великого князя в годы царя Ивана. Не одни бояре страдали от властного произвола. На них только реже и мучительнее отражались безудержные вспышки царского гнева, унижительные выверты царской подозрительности и жестокие судороги взбаломученного царского духа. Личному произволу царя они противопоставили требование гарантии личных и имущественных прав соблюдением правильных форм великокняжеского суда в судебных заседаниях боярской думы и протест против небрежения обычными порядками верховного управления выработки царских постановлений в „боярских приговорах“. Эти основные начала традиционной законности шли, по существу, много дальше отрицания практики опалы и случайностей вотчинного усмотрения. Принятые последовательно и до конца, они заключали в себя отрицание безправного положения государевых холопов и государевых сирот перед вотчинной самодержавной властью и ее полномочными органами. В крестоцеловальной записи, взятой с царя Василия Шуйского, бояре придали своему стремлению к гарантии от произвола царской карающей власти общий характер: царь Василий целует крест всем православным христианам, что будет судить их истинным, праведным судом, никаким недругам их не по правде не выдаст и будет их оберегать от всякого насилия. Брожение общественной мысли в бурные годы Смуты расширило и углубило этот протест против необез-

печенности всех личных и имущественных прав при вотчинном строе власти и управления. Средние общественные слои—служилые и посадские люди—поднялись на защиту государственного порядка не только от разрухи его вражеской силой иноземцев и своих смутьянов; они ищут такого восстановления этого порядка, который обеспечил бы население от злоупотреблений властей и насилия „сильных людей“, утвердил бы всемерно законность в деле суда и управления важнейшими государственными и общественными интересами. Возстановление правительственной работы тесно сплетается с потребностью ее упорядочения. Эти искания поднимаются, при благоприятных условиях, до прямой постановки основного политического вопроса—о безграничных, самодовлещающих полномочиях верховной власти. Договор об избрании на царство королевича Владислава устанавливает ограничение единоличной власти царя боярской думой, боярским судом и советом „всей земли“; организация временного правительства над „всей землей“ в подмосковном ополчении 1611 года, как и во втором нижегородском ополчении выдвигает значение „земских приговоров“, как основного источника всяких полномочий и правотворческих действий. Но такая постановка политической проблемы обусловлена исключительными обстоятельствами „безгосударного“ времени, решением призвать на престол иноземного и иноверного кандидата, необходимостью вручить ополченским вождям высшие полномочия правления земским государственным делом. Она не окрепла в новую политическую доктрину, построенную на идее народовластия, а создана тревогой за судьбу насущных интересов при данных чрезвычайных обстоятельствах. Основные тенденции общественной массы, глубоко консервативной по всему укладу своих воззрений, шли по иному руслу—к возстановлению традиционного политического строя, к воссозданию династии „природных государей“, как привычной центральной силы государственного порядка. Много было затрачено историками усилий на разрешение в положи-

тельнымъ смыслъ пресловутаго вопроса о попыткѣ формально ограничить власть новоизбраннаго царя Михаила, и вопросъ этотъ до сихъ поръ считается спорнымъ. И это понятно, хотя бесплодны такіа усилія. Понятно потому, что рядомъ съ вопросомъ о мнимомъ ограниченіи царской власти въ началѣ XVII вѣка стоятъ болѣе содержательныя и исторически-значительныя наблюденія надъ общественными настроеніями эпохи, измученной потрясеніемъ всѣхъ основъ гражданскаго быта. Жажда прочнаго успокоенія страны и устроения ея быта, который былъ бы, наконецъ, поставленъ „на мѣрѣ, навѣки непорушимо“ создавала новыя, болѣе сознательныя представленія о государственномъ управленіи, которое уже не только „государево“ дѣло, а „дѣло земское и Божіе“. Все настойчивѣе выдвигается самою жизнью задача устроения страны, а не только эксплуатаціи ея силъ и средствъ на нужды „государева дѣла“. Эволюція самаго пониманія задачъ государственной власти, характерная для XVII вѣка, та эволюція, которая привела, въ конечномъ итогѣ, къ смѣнѣ вотчинной монархіи полицейскимъ государствомъ съ его системой „просвѣщенной“ опеки надъ всѣми сторонами народной жизни во имя „общаго блага“, вырастала постепенно изъ крайне тяжелыхъ условій московской государственной и общественной жизни. Служилые землевладѣльцы и тяглые посадскіе торговцы добиваются закрѣпленія за собой добытыхъ устоевъ своего социальнаго положенія, обезпеченія своихъ классовыхъ интересовъ, какъ пріобрѣтенныхъ правъ. Не участіе въ верховной власти ихъ манитъ, а утвержденіе сложившагося социальнаго строя, какъ правового, сословнаго. Ихъ стремленія направлены, прежде всего, на то, чтобы отстоять свои интересы отъ конкурирующихъ интересовъ общественныхъ верховъ—носителей крупнаго землевладѣнія, и низовъ—крестьянской массы, закрѣпляя за собой перевѣсъ социальной силы, но также отъ произвола правящей власти. Они требуютъ опредѣленія своей сословности, ея признанія и обезпеченія. А въ дальнѣйшемъ они не просятъ большой политической настойчивости. Испытанная опора

московскаго самодержавія, съ нимъ выросшая, имѣ и организованная, средніе классы держатъ въ рукахъ основной народно-хозяйственный капиталъ, и ихъ интересы совпадаютъ, по существу, съ интересами государственной власти, которая расширяетъ въ теченіе XVII вѣка свои заботы о дворянскомъ землевладѣніи и развитіи торгово-промышленной жизни, а „общее благо“ разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія ихъ процвѣтанія. Политическая слабость сословнаго движенія зависитъ, кромѣ того, отъ общаго уклада тогдашней русской социально-экономической жизни. Незначительное развитіе городской жизни и торгово-промышленнаго оборота не давало опоры росту требовательности торгово-промышленнаго класса, который на Руси не доросъ до экономической и культурной силы „третьяго сословія“; на первомъ мѣстѣ въ русскомъ сословномъ движеніи—землевладѣльческое дворянство, которое сохранило всѣ социальныя и психическія черты „служилаго“ класса. Сословныя требованія дворянства направлены на требованіе полнаго закрѣпленія крестьянъ съ отмѣной „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ и устраненіемъ свободы „выхода“ для всего населенія владѣльческой деревни, не однихъ только старожильцевъ-дворохозяевъ, болѣе равномернаго распределенія служебной тяготы, соответственно количеству рабочей силы каждаго имѣнія, и служебнаго возвышенія по заслугамъ внѣ зависимости отъ мѣстныхъ привилегій боярства. Торгово-промышленный классъ добивается устраненія конкуренціи другихъ разрядовъ населенія въ торговомъ дѣлѣ, реформы обложенія, покровительственной политики противъ привилегій иностраннаго купечества. И оба сословія сходятся въ настояніяхъ на упорядоченіи судебного дѣла, чтобы судъ сталъ ближе къ населенію и давалъ лучшія гарантіи, особенно въ дѣлахъ противъ „сильныхъ людей“, бьютъ челомъ о возвратѣ къ тѣмъ временамъ, когда въ судѣ участвовали представители мѣстнаго земскаго населенія. Сходились они и въ протестахъ противъ привилегированнаго положенія—особенно въ государственныхъ повинностяхъ и подсудности—духовной и свѣтской

аристократіи. И шагъ за шагомъ они добиваются осуществленія своихъ основныхъ пожеланій. Только общественно-политическій элементъ этихъ пожеланій встрѣтилъ рѣшительный отпоръ. „Холопы государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали“, отвѣчаетъ царская власть на челобитья, которыя, въ ея представленіи, выходятъ за предѣлы матеріальныхъ сословныхъ нуждъ; отвергаетъ она мысль о восстановленіи значенія земскаго элемента въ провинціальномъ судѣ и управленіи, утверждая, будто „того никогда не бывало, чтобы мужики съ боярами, окольными и воеводами у правныхъ дѣлъ были, и впредь того не будетъ“; сурово отвергаетъ царская власть тягу сословныхъ представителей къ законодательной инициативѣ на земскомъ соборѣ, отзываясь съ крайнимъ пренебреженіемъ о „шумѣ“, какой поднимаютъ избиратели изъ за того, что ихъ делегаты не добились выполненія „разныхъ ихъ прихотей въ Уложеніи“.

Сословныя пожеланія доходили до правительства въ избиліи путемъ челобитныхъ отъ разныхъ сословныхъ группъ на земскихъ соборахъ и помимо нихъ. Правительство само ихъ вызывало, призывая на земскіе соборы выборныхъ, „которые умѣли бы рассказать обиды и насильства и разоренія“ и обѣщая, что обсудитъ съ ними „всякія нужды и тѣсноты“ населенія и будетъ „о Московскомъ государствѣ промышлять, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше“. Но выполняло оно изъ этихъ пожеланій лишь то, что было полезно и нужно для интересовъ „государева и земскаго дѣла“, а выборныхъ людей держало въ положеніи полезныхъ свѣдущихъ людей да покорныхъ челобитчиковъ. Земскіе соборы такъ и не вошли органическимъ элементомъ въ политическій строй Московскаго государства. Лишь въ первые годы царя Михаила они существенная опора еще неокрѣпшаго правительственнаго авторитета, а затѣмъ сходятъ на роль голоса „всей земли“, сословныхъ ея элементовъ, къ которому правительственная власть прислушивается дѣловито, но съ возрастающимъ недовольствомъ. Слишкомъ громко звучитъ для ея слуха критика при-

казнаго управленія и дѣятельности правящихъ верховъ на соборахъ сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Эта критика вызываетъ острую тревогу въ связи съ народными волненіями, которыхъ основной мотивъ — недовольство засильемъ приказной бюрократіи и тяжкаго закрѣпощенія всѣхъ общественныхъ интересовъ государственной силой. Попытка отдать дѣло о псковскомъ бунтѣ въ 1650 году на сужденіе земскаго собора дала настолько неудовлетворительные результаты, что власти приняли мѣры для усиленнаго наблюденія за „воровскими“ рѣчами, какія раздались въ самой столицѣ. Правительство спѣшитъ свести на нѣтъ практику совѣщаній со „всей землей“. Земскіе соборы пятидесятихъ годовъ — по вопросу о борьбѣ за Малороссію — только внѣшняя форма, безъ подлиннаго живого содержанія: опрошенные „по чинамъ — порознь“ члены собора только повторяютъ готовое рѣшеніе царя и его боярской думы. И когда московскіе торговые люди разныхъ статей выступили въ шестидесятихъ годахъ съ заявленіемъ — по поводу запроса о средствахъ выйти изъ тяжелаго финансоваго кризиса, созданнаго неудачной денежной политикой правительства, — что они не могутъ высказываться по столь важному вопросу, потому что это дѣло „всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, правительство предпочло идти на рѣшительное признаніе государственнаго банкротства, но не созывать земскаго собора.

Весь этотъ недолгій періодъ дѣятельности земскихъ соборовъ былъ временемъ усиленнаго строенія приказной бюрократической системы управленія. Земскіе соборы остались лишь чрезвычайнымъ пріемомъ управленія при разрѣшеніи особо трудныхъ и тревожныхъ задачъ. Общія условія государственной жизни не были благоприятны какой либо перестройкѣ внутреннихъ политическихъ отношеній. Послѣ Смуты Московское государство затрачиваетъ огромныя усилія на восстановленіе разбитой въ разрухѣ организаціи своего соціально-политическаго строя. А внѣшнія его судьбы лишь обострили напряженность этого строя и острую потребность усиленнаго

подчинения всех сил и средств страны все разраставшимся потребностям государства. В первые десятилетия новой династии Московскому государству удалось — и то ценой больших усилий — укрепиться на тех территориальных пределах, какие определились после потерь Смутного времени. Это время восстановления и сосредоточения национальной силы накануне нового периода ее наступательных движений. Постепенно возрождаются старые тенденции этих движений — в тягу к Балтийскому морю, в Днепровский бассейн, на юг — к Черному морю, разрастается колонизационное движение в Поволжье и на восток в Приуралье, в глубь Сибири. Нарастает и развивается в течение XVII века глубокий переворот международного положения Московского государства, который изменил в корень и внутренний смысл его политической работы. В борьбе за Малороссию Великорусское государство вышло на тот путь, который привел его к перерождению в государство Всероссийское, к смене Московского царства — Российской империей. Непомышленное расширение территориальной базы, на которой строилась Московская государственность получило особый культурно-исторический смысл по связи с чрезвычайным осложнением этнографического состава населения государственной территории. Московское Царство, выросшее на великорусской основе, теряет этот свой исконный областной национальный характер. До крайней степени увеличены всем этим историческим процессом организационные задачи правительственной власти и потребность в огромной затрате средств на удовлетворение текущих военных и мирных нужд государства. Закрепление всех разрядов населения по службе и тяглу достигает в XVII веке лишь большей определенности и законченности, сопровождаясь более строгим разграничением между отдельными сословными группами. Общественный строй Московской Руси представлялся людям XVII века в виде стройной системы „неподвижного во века крепостного устава“, которым все государевы люди распределены на четыре „ве-

ликих чина“: духовный, служилый, торговый и земледельческий, строго разграниченные в государственных повинностях, с одной стороны, в специальных сословных правах и формах деятельности, с другой. Правда, что такая идеальная схема плохо соответствовала действительности. Населению Московского государства мудро было идти до строгой кристаллизации в замкнутых сословных формах. Колонизационное движение и рост государственной территории, элементарность экономического быта и условия торгово-промышленной жизни задерживали и нарушали отчетливую дифференцию общественных классов, поддержать и закрепить которую стремилась правительственная власть.

Усилия этой власти „поставить на мѣрѣ“ службу и тягло, подчинив их распоряжению всю социальную структуру страны, вели развитие государственного управления к усилению бюрократической централизации и приказной власти в местном управлении. XVII век время полного расцвета самодержавной власти и приказной организации ее правительственных органов. Разстройство сил и средств страны после Смуты, их крайняя недостаточность, при крупном и быстром росте требований государства, ставили еще напряженнее, чем в XVI веке, задачу создания такого управления, которое сосредоточило бы в руках центральной власти полный их учет и полную возможность управления ими. Тенденция к усилению административной власти и ее большей централизации воплотилась в росте центральных приказных учреждений. Усиленная работа по восстановлению служилого и землевладельческого строя, государственного и народного хозяйства переходит постепенно в ряд попыток разрешить более сложные задачи по развитию новых форм военного дела, торговли и промышленности, по усвоению западно-европейской техники этих отраслей народно-государственной жизни, по более творческому руководству экономическим и культурным бытом страны. Расширяя размеры своего правительственного почина, царская власть создает новые и но-

вые приказные учреждения; растеть ихъ количество, растеть и ихъ сила въ ходѣ государственной и общественной жизни. Верховная власть время патр. Филарета и царя Алексѣя испытываетъ даже тревогу передъ этой самостоятельной правительственной силой приказныхъ учреждений, дѣятельность которыхъ вызываетъ недовольство населенія, а поддается лишь весьма относительному руководству и контролю державнаго верха. Роль личной царской власти въ дѣлахъ правленія отступаетъ на второй планъ, и эта власть характерно противопоставлена въ сознании ея носителей и народной массы самодовлѣющему строю приказной бюрократіи. Она пытается бороться съ такимъ явленіемъ, организуя особо полномочныя учреждения изъ довѣренныхъ лицъ для борьбы съ злоупотребленіями и вообще съ тѣми приказными навыками, о которыхъ царь Алексѣй отзывался съ большимъ раздраженіемъ, какъ о „злоститреннихъ московскихъ обычаяхъ“ и „московской волокитѣ“. Эти органы верховнаго контроля—приказы „что на сильныхъ людей быють челомъ“, принимали характеръ чрезвычайныхъ ревизіонныхъ и слѣдственныхъ учреждений—судныхъ приказовъ, но мало давали прочныхъ результатовъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, отстаивая свое возможно дѣятельное личное участие въ дѣлахъ управленія, создалъ себѣ особый ближній органъ царской дѣятельности, внѣ и поверхъ обычной системы приказныхъ учреждений—въ видѣ Приказа великаго государя тайныхъ дѣлъ, куда переходили на разсмотрѣніе и вершеніе, наблюденіе и постановку по новому разнообразныя дѣла, особенно близко интересовавшія царя по тѣмъ или инымъ личнымъ или принципиальнымъ соображеніямъ.

Московское царство принимало строй бюрократически организованной монархіи. И та же бюрократизація управленія охватываетъ и мѣстные органы правительственной власти. Съ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты центральная власть стремится поставить свои мѣстные органы ближе къ завѣдыванію дѣломъ государственнаго управленія въ областяхъ, и, несмотря на то значеніе, какое приобрѣли мѣстные самоуправляющіеся міры въ

эпоху возстановленія государственнаго порядка изъ пережитой разрухи, ищеть опоры не въ нихъ, а въ усиленіи приказнаго областного управленія. Готовая форма для этого была создана въ боевыхъ и тревожныхъ обстоятельствахъ Смутнаго времени. Ею оказалась должность воеводы, которая въ прежнее время существовала лишь на окраинахъ, гдѣ постоянная опасность пограничныхъ отношеній и скопленіе беспокойнаго населенія—выходцевъ и бѣглыхъ изъ центральныхъ областей—требовали особой бдительности. Воеводы соединяли въ своихъ рукахъ военную власть, финансовое и полицейское управленіе съ судомъ и расправой по отношенію ко всему населенію уѣзда. Условія Смутнаго времени вызвали назначеніе воеводъ съ столь же широкими полномочіями въ города и уѣзды Московскаго центра; во время земскаго движенія они нерѣдко являлись для него готовыми руководителями. Правительство новой династии сохранило это значеніе воеводской должности и сдѣлало ее повсемѣстнымъ учрежденіемъ; этимъ удовлетворялась потребность усилить правительственное воздѣйствіе на ходъ мѣстной жизни.

Воевода—не самостоятельный намѣстникъ, а органъ приказнаго управленія, исполнитель подробныхъ наказовъ и многочисленныхъ отдѣльныхъ предписаній, присылаемыхъ ему изъ Москвы. Онъ и не кормленщикъ, казенные доходы вѣдаетъ не на себя, а цѣликомъ на государя, не получаетъ и кормовъ отъ населенія. На дѣлѣ эта весьма рудиментарно построенная мѣстная власть стала почти безконтрольной распорядительницей судебъ мѣстнаго населенія. Неосвѣдомленность центральной власти, общее разстройство порядка, усложненіе задачъ управленія по мѣрѣ роста государственной территоріи—заставляли предоставлять воеводамъ, при всемъ желаніи всячески регламентировать ихъ дѣятельность, весьма широкія и мало опредѣленныя полномочія, предписывая имъ принимать нужныя мѣры, безъ сношенія съ правительственнымъ центромъ, „смотря по тамошнему дѣлу“, какъ окажется „пригоже“. А скудость правительственныхъ средствъ и организаціонныхъ

навыковъ оставляла воеводѣ на изживеніи мѣстнаго населенія: они и весь ихъ штатъ кормились „отъ дѣль“, получая „добровольныя“ приношенія, что не встрѣчало осужденія ни въ правительствѣ, ни въ общественныхъ нравахъ. „Злохитренныя обычаи“ приказнаго строя одинаково отравляли и центральное и областное управленіе, какъ черта культурной и матеріальной бѣдности Московской Руси.

Съ такими элементарными формами государственнаго устройства стояло Московское Царство передъ задачами огромной сложности, какія созданы общими условіями его внѣшней, международной и внутренней, національной жизни въ XVII вѣкѣ.

XI

Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка Московское царство подверглось тщательному изученію пріѣзжаго челоуѣка—хорвата, католическаго патера Юрія Крижанича. Первый панславистъ, Крижаничъ мечталъ о могущественной Московіи, какъ будущей освободительницѣ славянъ отъ иноземнаго ига; мечталъ объ объединеніи славянъ на почвѣ ихъ національно-политическихъ интересовъ и единой культурной жизни, славянской и католической. Необходимой предпосылкой для осуществленія этихъ мечтаній было государственное, экономическое и культурное процвѣтаніе Московскаго государства. Московская дѣйствительность жестоко разочаровала Крижанича. Всматриваясь въ нее, Крижаничъ убѣдился, что самодержавная власть единственная на Руси активная и творческая сила. Свободная отъ раздѣла верховной власти „на многія части“, она можетъ рационально руководить народной жизнью, стать выше розни сословныхъ интересовъ, разумно регулировать социальныя отношенія, установить полезныя и справедливыя законы, правильный судъ и закономѣрное управленіе, развитъ торговлю и промышленность, насадить жизненно-полезное просвѣщеніе. Все это, однако, задачи будущаго. Передъ нами въ лицѣ Крижанича проповѣдникъ просвѣщеннаго абсолютизма, который полонъ вѣры въ творческія силы и способности державной власти и челоуѣческаго разума и глядитъ съ бодрой надеждой на грядущее, вопреки тягостнымъ впечатлѣніямъ окружающей его дѣйствительности. А дѣйствительность эта нашла въ Крижаничѣ строгаго и наблюдательнаго

судью. Самодержавная власть, которую онъ высоко цѣнитъ, является ему на Руси въ искаженномъ, извращенномъ состояніи. Она выродилась въ „крутое владѣніе“ и „тиранское царство“, которое управляетъ по худымъ законамъ, жестоко и, въ то же время, слабосильно, разоряетъ страну ошибочной финансовой системой, развращаетъ народъ винной монополіей, принижаетъ его произволомъ. Московская администрація развращена, съ одной стороны, попустительствомъ власти, слишкомъ снисходительной къ приказнымъ злоупотребленіямъ, а, съ другой, нищенскимъ содержаніемъ, которое заставляетъ кормиться отъ дѣлъ, и еще болѣе самой постановкой задачъ управленія, въ которомъ на первомъ мѣстѣ казенный интересъ, извлеченіе изъ народа лишняго „прибытка“, а не забота о благосостояніи страны. Развращенъ и народъ всѣмъ этимъ укладомъ государственной жизни, живетъ въ бѣдности и невѣжествѣ, ничего не дѣлаетъ по совѣсти, а лишь ради „страха казненія“, приученъ къ обману и лѣности. Всѣ эти грѣхи и бѣды русской жизни Крижаничъ объясняетъ исторически тѣмъ, что начало „крутому владанію“ и „людодерству“ положилъ Иванъ Грозный, не только въ силу личнаго своего нрава, но и потому, что занять былъ войнами и внѣшней борьбой, а затѣмъ налетѣли смуты междоусобицъ, которыя въ конецъ разорили государство, такъ что и новой династіи пришлось, прежде всего, возстановлять и укрѣплять его внѣшнимъ образомъ; и только по выполненіи этого дѣла стала на очередь реформа всего государственнаго быта путемъ новой законодательной работы. Типичный раціоналистъ, Крижаничъ, съ другой стороны, объясняетъ тѣ же особенности русской жизни „злыми законами“, и отъ разумнаго законодательства ожидаетъ исправленія всѣхъ недостатковъ государственнаго быта и пороковъ народной жизни. Отъ „крутого владанія“ происходитъ, по его сужденію, и малая населенность Руси, и слабое развитіе ея производительныхъ силъ, и низкій уровень ея культуры. Причину Крижаничъ беретъ за слѣдствіе и хочетъ, въ духѣ міросозерцанія своего времени, мести лѣст-

ницу снизу, а строить ее сверху. Но, въ то же время, онъ былъ правъ въ пониманіи очередныхъ задачъ правительственной власти, и его проекты всесторонней реформы шли навстрѣчу основнымъ тенденціямъ московской государственной жизни.

Московское царство выросло на великорусской почвѣ, но съ середины XVI вѣка вышло за ея предѣлы на широкія пространства великой Восточно-европейской равнины. Велико-русская народность въ упорномъ колонизаціонномъ движеніи и Московское государство въ неустанномъ боевомъ расширеніи стремятся къ господству надъ этой равниной, расширяя свое движеніе къ западу и къ югу и къ востоку. Безъ доступа къ западному морю неразрѣшимой была задача подъема народнаго хозяйства и національной культуры. Народная земледѣльческая тяга увлекала населеніе къ югу на черноземныя и степныя пространства лежавшаго втуне земельного богатства. И это стихійное движеніе вслѣдъ за боевой и промысловой колонизаціей Дона вольнымъ великорусскимъ казачествомъ вело за собой государственную московскую власть, которая отъ обороны южной границы неизбежно переходила въ послѣдовательное наступленіе, все болѣе углублявшееся къ югу. Южная граница съ степнымъ татарскимъ міромъ — была издавна изнурительнымъ кошмаромъ Великороссіи. Открытая для вражескихъ набѣговъ, вѣчно тревожная, она требовала непрерывнаго наблюденія и охраны. Противъ неожиданныхъ набѣговъ крымской орды приходилось ежегодно съ весны выдвигать на югъ обсерваціонный корпусъ ратной силы, организовывать постоянную станичную и сторожевую службу, сооружать укрѣпленныя пограничныя линіи крѣпостей, валовъ и засѣкъ. Оборонительная работа эта поглощала много силъ и средствъ, не меньше любой прямой войны. Въ серединѣ XVII вѣка рядъ обширныхъ фортификаціонныхъ работъ на югѣ и юго-востокѣ создалъ непрерывную линію укрѣпленій отъ Ахтырки на рѣкѣ Ворсклѣ до Уфы, чѣмъ значительно облегчена оборона этой безпокойной границы. Но южная

борьба не была этимъ закончена. Она указывала на необходимость, ради обезпеченія жизни южныхъ окраинъ, пробиться къ Черному морю, какъ естественной границѣ Восточно-европейской равнины. Къ тому же исходу вели и другія политико-географическія отношенія Великороссіи. Вѣковая борьба за Смоленскъ съ сосѣдней литовской силой и постепенное наступленіе въ Сѣверщину были проявленіями столь же стихійной тяги сѣверо-востока къ Днѣпровскому бассейну, которая была обусловлена стародавними колонизаціонными и народно-хозяйственными интересами. Во время Смуты эти области были потеряны Московскимъ государствомъ. Стремленіе вернуть ихъ въ составъ московскихъ владѣній, какъ и раньше—борьба за обладаніе ими, не была, однако, самодовлѣющей, законченной въ себѣ политической задачей. За ней подымалась иная проблема—о Днѣпровскомъ бассейнѣ, о южныхъ путяхъ, помимо которыхъ неразрѣшимъ былъ и весь южный, черноморскій международный вопросъ. Внутренній кризисъ Речи Посполитой, разразившійся возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, развернуть этотъ вопросъ во всемъ объемѣ. Московское государство втянуто въ продолжительную борьбу за Малороссію и довело ее до половинчатого рѣшенія на условіяхъ Андрусовскаго перемирія и „вѣчнаго мира“ съ Польшей 1686 года. Все это движеніе къ югу выводило Московское государство на новую и широкую арену международныхъ отношеній Ближняго востока. Въ концѣ XVII вѣка Россія вступаетъ въ первыя русско-турецкія войны, открывая тѣмъ новую эру своей позднѣйшей вѣковой международной дѣятельности.

И въ тотъ же періодъ развивается великорусская колонизація восточныхъ окраинъ. Въ первую четверть XVII вѣка русское населеніе проникаетъ въ многоземельныя мѣста за Каму и движется внизъ по Волгѣ. Утвержденіе тутъ мирныхъ отношеній ради охраны колонизаціи и торговыхъ путей къ азиатскому востоку ведетъ Московское государство къ долгой и упорной борьбѣ съ анархіей инородческаго быта, увлекая его все глубже въ прикаспійскія области по путямъ къ позд-

нѣйшей имперской среднеазиатской политикѣ. Народное движеніе ради промысловыхъ и торговыхъ цѣлей заносить пионеровъ русской колонизаціи въ Сибирь и къ Дальнему Востоку. При царѣ Михаилѣ ихъ группы достигли береговъ Охотскаго моря и начали заселеніе береговъ Енисея и Лены; въ 1640-хъ гг. русскіе поселенцы утвердились въ Анадырскомъ краю, въ Забайкальѣ, проникли на Амуръ; въ 1689 году договоръ съ Китаемъ даетъ первое опредѣленное разграниченіе дальневосточныхъ владѣній.

Огромное расширеніе политическаго кругозора питало поиски новыхъ источниковъ народнаго обогащенія и національной культуры. Московское государство втягивается все болѣе въ международную торговую жизнь, привлекая иноземцевъ транзитнымъ торгомъ съ азиатскимъ Востокомъ, и въ европейскія международныя отношенія. А. Л. Ординъ-Нащокинъ полагалъ даже, что важнѣйшая задача московской политики—пріобрѣтеніе Ливоніи и морского побережья на Западѣ. Ради свободнаго морского пути черезъ Балтійское море, онъ совѣтовалъ царю Алексѣю сосредоточить всѣ силы на Балтійскомъ вопросѣ, отказавшись отъ Малороссіи и отъ западно-русскихъ завоеваній. Московія, выступившая въ концѣ XV вѣка на европейскомъ горизонтѣ, въ XVII вѣкѣ входитъ въ рядъ европейскихъ державъ.

Но это уже не то великорусское Московское государство. Великорусскій центръ—только опорный пунктъ для перестройки Московскаго царства въ обширную Имперію. И всѣ устои старой великорусской жизни переживаютъ въ XVII вѣкѣ глубокій и сложный кризисъ. Въ нелегкихъ мукахъ историческаго дѣланія рождается Московія новую Россію. Государство могло выдержать этотъ кризисъ и преодолѣть его только цѣной чрезвычайныхъ организаціонныхъ усилій. Напряженный и скованный всеобщимъ закрѣпощеніемъ соціально-политическій строй, усиленіе централизаціи управленія, бюрократизація его органовъ вырастали съ роковой неизбежностью на почвѣ данныхъ условий государственной жизни. Государственная власть

работала, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, надъ вопросами, которые не были непосредственно связаны съ великорусскимъ народнымъ бытомъ. Все нараставшее расширение территории и усложненіе этнографическаго состава ея населенія создавало огромный сдвигъ національных основъ этой государственной жизни. Великорусское государство перерождается въ „всероссійскую“ имперію, господствующую надъ многоплеменной страной, гдѣ русскій элементъ только основа и спайка, организующая и ассимилирующая сила. XVII вѣкъ—типичная „переходная эпоха“, которая закончится формальнымъ разрывомъ русской государственности съ великорусскимъ центромъ въ Петербургской, всероссійской Имперіи.

Сложный кризисъ, пережитый Московскимъ государствомъ въ XVII вѣкѣ, сопровождался значительнымъ усиленіемъ государственнаго начала, углубленіемъ его господства надъ всѣми сторонами народной жизни. Разрастается активная опека государственной власти надъ этой жизнью. Наладивъ въ новыхъ, болѣе суровыхъ формахъ эксплуатацію народныхъ силъ и средствъ для государственныхъ потребностей, правительственная власть оказалась передъ яснымъ итогомъ—ихъ крайней недостаточности, насущной необходимости ихъ усиленнаго питанія и развитія. Идеи Крижанича отражали не только его теоретическія воззрѣнія, воспитанныя на политической литературѣ католическаго Запада, онѣ давали чуткій откликъ и находили наглядное подтвержденіе въ русской дѣятельности.

Самодержавная власть достигла полного разцвѣта въ условіяхъ остраго кризиса всей государственной и общественной жизни страны. Быстро разлагались и приходили въ упадокъ бытовые и духовныя культурныя традиціи, расшатанъ и выродился старый укладъ социальныхъ отношеній, и властная дѣятельность правительства не встрѣчаетъ отпора въ скольконибудь крѣпко организованныхъ общественныхъ группахъ, въ скольконибудь опредѣленномъ и устойчивомъ общественномъ мнѣніи. Она чувствуетъ себя властительницей судебъ

страны и всѣхъ разрядовъ населенія, отвѣтственной лишь передъ Богомъ руководительницей матеріальной и духовной жизни народа.

Высоко стоитъ царь—помазанникъ Божій—надъ страной въ сознаніи царя Алексѣя. Его властными дѣйствіями руководить Божественное Провидѣніе: „сердце царево въ рукѣ Божьей“ и, когда нужно принять важное рѣшеніе—„Богъ царя извѣститъ“. Царь Алексѣй твердо вѣритъ въ богоустановленность и даже боговдохновенность своей власти, хотя готовъ признать, въ христіанскомъ смиреніи, что самъ онъ лично по своей человѣческой ограниченности не достоинъ быть для земной жизни „людей божьихъ“—„солнцемъ великимъ или хотя малымъ свѣтиломъ“. Зато онъ требуетъ отъ царскихъ слугъ полной, благоговѣйной покорности—„въ страхѣ Божіемъ и Государевомъ“, и выговоръ боярину за ослушаніе царскаго указа звучитъ укоромъ за грѣхъ религіозный: „Кого не слушаешь? Самого Христа!“ Лично отзывчивый и внимательный къ чужимъ нуждамъ царь Алексѣй рѣзко отрицаетъ всякую требовательность подвластныхъ по отношенію къ царю какъ въ общественномъ движеніи протеста противъ приказнаго за-силія, такъ и въ частныхъ просьбахъ о выдачѣ, напримѣръ, заслуженнаго вознагражденія: „хоть и довелось дать жалованіе, звучала въ такихъ случаяхъ царская резолюція, а за то, что билъ челомъ съ укоромъ, отказать во всемъ“. У людей государевыхъ нѣтъ правъ передъ верховной властью; то, что они считаютъ своими правами, имѣетъ источникомъ лишь царскую милость.

Навстрѣчу идеальнымъ представленіямъ царя Алексѣя о царской власти шли народныя воззрѣнія на нее, какъ на источникъ высшей справедливости, не формальной, а жизненной и житейской. Къ царю тянулось съ челобітьями по личнымъ дѣламъ въ поискахъ выхода изъ приказной волокиты и противорѣчій между дѣйствующимъ правомъ и обывательской правдой; къ царю зывали „извѣтами“ на злоупотребленія и насилія подчиненныхъ властей, заявляли за собой страшное

„слово и дѣло государево“, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе верховной власти. У царя искали защиты отъ безправнаго положенія, обвиняя за это приказное „средостѣніе“ между верховной властью и народомъ. И царская власть XVII вѣка раздѣляла эти народныя воззрѣнія, негодуя на „злостроительные“ приказные нравы, порываясь къ организации строгаго надзора за администраціей и, особенно, суровыхъ каръ за ея тяжкія преступленія. То, что вытекало изъ существа приказнаго строя и условий его функціонирования, казалось чертой нравовъ, порокомъ моральной дисциплины. И мечта о правдѣ общественной воплощалась въ религіозно-моральной идеализаціи царскаго сана. Нарастала „царская легенда“, такъ характерно выразившаяся въ той чертѣ народныхъ бунтовъ, что они направлены противъ бояръ и приказныхъ людей, а про царя то говорили, во время народныхъ волненій: „нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, побиваемъ сильныхъ людей дубьемъ да ослепемъ“, то осуждали, что онъ „глядитъ все изъ рта“ своихъ бояръ, а „не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ“.

Характерная для всей исторіи монархическаго абсолютизма борьба между личной властью самодержавнаго государя и ея поглощеніемъ бюрократическими органами управленія окрашена въ старой монархіи мыслью, что зло правительственнаго строя въ бюрократическомъ засиліи, а спасеніе отъ него въ сверхзаконной, чуждой мертвящаго формализма дѣятельности носителя верховной власти. Лишь постепенно стремленіе подчинить работу правительственныхъ учрежденій началу законности въ „регулярномъ“ государствѣ приведетъ къ сознанію, что основная опасность для этого начала кроется въ личной самодержавной власти, по существу своему съ нимъ непримиримой. XVII вѣкъ еще далекъ отъ такихъ мыслей. Царская власть переживаетъ періодъ расцвѣта своего самодержавія, расширенія своихъ задачъ, углубленія своего властвованія надъ народною жизнью, преодолевая суровой силой и приказной организаціей глухіе раскаты и бурные взрывы стихій-

наго протеста народной массы противъ тягости закрѣпощенія и великой тяготы „государева и земскаго дѣла“.

Идеологія Московскаго царства въ эпоху царя Алексѣя еще окрашиваетъ пониманіе державной власти и ея задачъ религіозно-нравственными началами. Это время послѣдняго, предсмертнаго расцвѣта традиціоннаго средневѣковаго міровоззрѣнія. Вступленіе Московскаго государства въ кругъ широкихъ международныхъ связей и отношеній связано въ сознаніи царя Алексѣя со старинной идеей о значеніи Москвы въ исторіи христіанскаго міра. Москва—третій Римъ, послѣдняя столица христіанскаго всемірнаго—въ идеалѣ—царства, послѣдняя опора истинной вселенской вѣры. Церковно-религіозные мотивы вносятъ онъ въ осмысленіе вопросовъ и вѣдѣній и внутренней политики. Политическимъ соображеніямъ А. Л. Ордина-Нащокина противъ борьбы за Малороссію и въ пользу сосредоточенія всѣхъ усилій на Балтійскомъ вопросѣ, царь противопоставляетъ мысль, что непристойно, даже грѣховно покинуть „черкасское дѣло“ высвобожденія православной страны изъ иновѣрнаго владычества. А общее призваніе-Москвы въ международныхъ дѣлахъ представляется ему высокой ролью главы православнаго Востока, противостоящаго иновѣрному Западу и мусульманскому міру. И власть правленія Божественное провидѣніе вручило ему на то, чтобы вести людей Божіихъ по путямъ религіозно-нравственной правды и праведной вѣры. Теократическія задачи царской власти нашли выраженіе въ рядѣ писемъ и указовъ царя Алексѣя, которые такъ богаты религіозными наставленіями и морализирующими сентенціями. Ярко окрашены такимъ пониманіемъ царской власти ея отношенія къ русской церкви. Попытка патр. Никона поставить духовную власть независимо и выше свѣтской и провести въ русской жизни признаніе патріарха носителемъ „образа Христова“, верховнымъ пастыремъ и „отцомъ крайнѣйшимъ“, авторитетъ котораго имѣетъ безусловное, непререкаемое значеніе, когда онъ по сану своему „возвѣщать будетъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ церковныхъ“, привела къ кон-

фликту между обоими властями. Церковный соборъ 1667 года осудилъ Никона, но основной вопросъ разрѣшилъ въ духѣ самостоятельности церкви постановленіемъ, что „царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патриархъ въ церковныхъ“. Но царь не призналъ этого постановленія, изъясвъ его изъ официальныхъ соборныхъ дѣяній, и конечный исходъ конфликта высокихъ властей выразился въ побѣдѣ государства надъ церковью, законченной черезъ полъ-столѣтія отъѣной патриаршества и учрежденіемъ „правительствующаго синода“, органа свѣтской власти по управленію церковными дѣлами. Эта трагедія русской церкви получила особо глубокое значеніе въ связи съ пережитымъ Московской Русью культурнымъ кризисомъ. Скрещеніе при новыхъ условіяхъ въ исторической жизни разнородныхъ культурныхъ вліяній—малороссійскихъ и польскихъ, западноевропейскихъ, шедшихъ изъ протестантскаго, нѣмецкаго міра и католическихъ, болѣе близкихъ официальной русской церковности, чрезвычайно усложнило броженіе традиціоннаго быта и привычныхъ воззрѣній. Вызванное по существу общимъ кризисомъ народно-государственной жизни, это броженіе основной чертой и основнымъ результатомъ имѣло отдѣленіе церковно-религіозныхъ понятій и интересовъ отъ сферы мірской, свѣтской жизни. Бурно и тягостно протекалъ на Руси процессъ разложенія стараго міровоззрѣнія. Осложненный сильными католическими вліяніями въ области церковно-іерархическихъ стремленій и богословскаго мышленія, онъ привелъ къ расколу русской церкви на официальную церковь „никоніанства“ и рядъ народно-церковныхъ общинъ „старобрядчества“. А въ связи съ новыми условіями государственной и общественной жизни—къ иному расколу—между церковью и государствомъ, старой церковностью и общественнымъ бытомъ. Въ нѣдрахъ Московскаго царства, средневѣкового по всему стилю своего царскаго верха, неудержимо нарастаетъ секуляризація государственной жизни и политическихъ воззрѣній. Государственная работа стала слишкомъ сложной и напряженной, чтобы удержаться въ устарѣлыхъ фор-

махъ и устоять на старыхъ основахъ. Усвоеніе иноземной военной и торгово-промышленной техники, рядъ „новшествъ“ какъ первыя попытки кораблестроенія, организаціи врачебнаго дѣла, устройства почтовыхъ сообщеній и т. п., новые приемы воздѣйствія на народно-хозяйственную жизнь съ организаціей кредита и покровительственныхъ приемовъ въ строеніи торговаго дѣла, наконецъ, опыты удовлетворенія острой потребности въ людяхъ, подготовленныхъ къ дѣятельности на разныхъ поприщахъ административной и экономической жизни,—все эти новыя тенденціи государственнаго управленія преобразовывали правительственную власть въ новый политическій типъ свѣтской полицейской государственности. Коренной переломъ въ направленіи и въ общемъ укладѣ государственной жизни развивался параллельно и въ тѣсномъ взаимодействіи съ проникновеніемъ ряда новшествъ въ общественный бытъ и въ духовный кругозоръ русскихъ людей. Наплывъ новыхъ и непривычныхъ впечатлѣній манилъ интересными новыми свѣдѣніями, вводилъ въ сознаніе рядъ новыхъ понятій, приучалъ къ инымъ приемамъ мысли, создавалъ потребность въ обновленіи средствъ и способовъ ея выраженія. Въ общественныхъ кругахъ, охваченныхъ волной новыхъ культурныхъ вѣяній, шелъ острый процессъ ломки старыхъ традицій, ихъ вырожденія и упадка. И развивался онъ подъ тѣмъ же знакомъ секуляризаціи цѣлыхъ крупныхъ областей и быта и духа. Разлагалась и падала старая культура, умирала старая Московская Русь. На смѣну ей надвигалась новая Россія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Первыя выступленія Москвы на международной аренѣ.	1—3
I. Великороссія	5—13
II. Народная жизнь великорусскаго сѣвера	14—19
III. Образованіе Великорусскаго государства	20—29
IV. Вотчинное самодержавіе	30—45
V. Великорусское боярство	46—66
<u>VI. Церковь и государство въ Московской Руси.</u>	67—77
VII. Судьбы вотчиннаго землевладѣнія	78—89
VIII. Государевы служилые люди	90—95
IX. Государевы тяглые сироты	96—108
X. Государственный строй Московскаго царства	109—128
XI. Московское царство и Россійская имперія	129—139